

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Роль
человеческого
фактора
В
ЯЗЫКЕ

ЯЗЫК И КАРТИНА МИРА

Ответственный редактор
академик Б.А. СЕРЕБРЕННИКОВ

МОСКВА
"НАУКА"
1988

ББК 81
Р680

А В Т О Р Ы:

Б.А. СЕРЕБРЕННИКОВ, Е.С. КУБРЯКОВА, В.И. ПОСТОВАЛОВА,
В.Н. ТЕЛИЯ, А.А. УФИМЦЕВА

Рецензенты:

профессор *Б.А. Абрамов*,
доктор филологических наук *А.И. Новиков*,
кандидат филологических наук *А.М. Шахнарович*

Р67 Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира /
Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. —
М.: Наука, 1988. — 216 с.
ISBN 5-02-010880-4

Основной проблемой, рассматриваемой в коллективной монографии, является отображение картины мира в языке. Эта общая проблема тесно связана с такими вопросами, как взаимоотношение концептуальной и языковой картин мира, их сходства и различия и принципы создания так называемого языкового инвентаря в различных языковых сферах. Книга предваряет последующие издания по указанной проблематике.

Для лингвистов, философов, психологов, логиков.

460200000- 385
Р 042 (02) - 88 296-87-IV

ББК 81

ISBN 5-02-010880-4

© Издательство "Наука", 1988

ПРЕДИСЛОВИЕ

Существует непреложная истина: абсолютно все, что представлено в языках мира — от мелкой частицы до сложного предложения и многих тысяч самых различных слов, — создано человеком. О конкретных результатах деятельности человека в этой области сказано и написано очень много. Существуют многие тысячи описаний грамматического строя различных языков мира; освещены в лингвистической литературе частные вопросы, касающиеся особенностей употребления отдельных падежей, времен, залогов и наклонений; созданы тысячи самых различных словарей разного типа. Казалось бы, необходимости в специальной работе "Роль человеческого фактора в языке" нет. Однако это не так. В этой области еще есть, над чем стоит подумать, есть темы для специального исследования.

В русле указанной проблематики нам хотелось бы особо рассмотреть одну лингвистическую работу, круг вопросов которой является наиболее близким к теме нашего исследования. Мы имеем в виду книгу Р.А.Будагова "Человек и его язык"¹.

Как указывает Р.А.Будагов, публикуемые разыскания "опираются на целостную концепцию языка, которую развивает автор на протяжении ряда десятилетий. Согласно этой концепции, язык — важнейшее общественное явление, которое сопровождает людей всегда и всюду: в процессе их труда и отдыха, во время размышлений и переживаний, радостей и горестей. Язык по своей природе человечесен" (с. 3).

Нетрудно заметить, что это теоретическое кредо фактически представляет гипостазирование социальной функции языка. Если человек — продукт общества и создает язык, то социальная природа языка определяет в языке все. Если социальная природа языка определяет в языке все, то она тем самым превращается в самостоятельную творческую силу. Но в действительности это не так. В языке отражаются не только законы общества, но и законы природы. Если человеческий язык отражает и законы общества и законы природы, то социальная природа языка уже не может определять в языке все. Законы природы отражаются в языке вполне объективно, а не в зависимости от того, как человек хочет их себе представить. Человек в данном случае зависит от законов природы, и они являются определяющими.

В структуре языка отражаются отношения между предметами и явлениями материального мира, которые существуют независимо от созна-

¹ Будагов Р.А. Человек и его язык. 2-е изд., расшир. М.: Изд-во МГУ, 1976.

ния человека и независимо от общественных потребностей человека. Направляется вывод, что сама социальная обусловленность структуры находится в зависимости от чего-то другого и не является самодовлеющей.

Полемизируя с оппонентами, свои возражения Р.А. Будагов основывает, как ему представляется, на правильном понимании общественной природы языка. Однако в истинности некоторых конечных выводов, содержащихся в указанной книге, можно сомневаться.

Поставив в своей книге вопрос: "Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка?", Р.А. Будагов приходит к заключению, что "язык не подчиняется закону экономии, как не подчиняется и сам человек" (с. 172). Вряд ли, однако, с этим можно согласиться.

Тенденция к экономии физиологических затрат проявляется в самых различных сферах языка, хотя и не является неперенным условием так называемого абсолютного прогресса. Она всецело зависит от некоторых биологических особенностей человеческого организма. Источником тенденции к экономии является человеческий организм. Принцип экономии в языке — одно из частных проявлений инстинкта самосохранения. Это — своеобразная реакция против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и воспроизведением речи. Отрицание роли принципа экономии в языке равносильно отрицанию всех защитных функций человеческого организма.

Отвечая на вопрос: "Что такое общественная природа языка", Р.А. Будагов пишет: "Противопоставление внешних и внутренних факторов в теории и истории языка сыграло роковую роль в процессе использования общественной природы языка. Все социально обусловленное в языке исследователи относят к внешним факторам и тем самым выводят проблему социальной обусловленности языка за пределы лингвистики" (с. 39). Разъясняя соотношение внешних и внутренних факторов в языке, он говорит: «Быть может, общественное "начало" и языковое "начало" соотносятся не только в плане "внешнего" и "внутреннего", но и в ином плане, при котором "внешнее" способно выступать как "внутреннее", а "внутреннее" находит свое "внешнее" выражение? На мой взгляд, именно так происходит в действительности, в реальных национальных языках» (с. 37).

На самом деле эта фраза ничего не разъясняет. Ведь в основе противопоставления внешних и внутренних факторов лежит принцип определения причинности появления языковых факторов, в чем легко убедиться при анализе приведенных ниже примеров.

Причиной появления слова *барыш* является несомненно внешний фактор — появление в России татар, из языка которых это слово заимствовано. Сильная палатализация согласных перед гласными в русском языке возникла в результате действия внутренних факторов. Это явление объясняется следующим образом.

Стремление к открытию закрытого слога вызвало появление в общеславянскую эпоху носовых гласных *ǫ* и *ę*, развивавшихся из первоначальных общиндоевропейских сочетаний *o*, *a*, *u*, *e* с носовым согласным *n* или *m*. Кроме носовых гласных в славянских языках в древнее время,

как известно, существовали гласные неполного образования, так называемые редуцированные *э* и *ь*. Эти редуцированные гласные со временем также утратились. Редуцированные в так называемой сильной позиции, или под ударением, превратились в гласные полного образования. Все эти процессы в конечном счете привели к значительному уменьшению количества гласных в русском языке. Оскудение арсенала смысловых средств в языке вызвало тенденцию к их пополнению. Следствием этой тенденции явилось образование пар твердых и мягких согласных. Где же здесь то внешнее, которое выступает в русском языке как внутреннее в виде мягких согласных?

Рассматривая категорию значения в разных направлениях современного языкознания, Р.А.Будагов пишет: "Значение — органическая часть самого слова, поэтому слово не может быть только знаком. Оно в состоянии выполнять некоторые функции знака, но слово не сводится к знаку. Только в том случае, когда значение выводится за пределы слова, само слово может быть отождествлено со знаком" (с. 120). Как совместить эти рассуждения с природой самого знака? Как может быть выведено значение за пределы слова? Ведь без значения нет языка. Ср., например, мнение одного из советских философов: "Знак есть органическое единство значения и носителя, т.е. вещественной основы значения. Сам же по себе носитель значения — это что угодно, только не знак: он представляет собой сочетание звуков, черточек на бумаге, световых вспышек и т.д. Знак не может существовать без значения; только в значении коренится то, что делает знак знаком"².

В этой же книге Р.А.Будагов полемизирует с учеными, утверждающими, что мышление во все века было одним и тем же. По их мнению, менялось не мышление, а мировоззрение, политические взгляды и эстетические вкусы. Мышление, по мнению Р.А.Будагова, — развивающееся явление (с. 81). В этой полемике он тоже не совсем прав. В мышлении есть стороны, изменяющиеся чрезвычайно медленно. Понятия, составляющие содержание мышления, не находятся на одном уровне. Некоторые понятия не подвергаются каким-либо существенным изменениям. Многие понятия остаются неизменными. Неизменными остаются типы мышления, способы связи понятий, логические законы мышления и т.п.

Приведенные соображения свидетельствуют о том, что методы исследования материала, применяемые в книге Р.А.Будагова "Человек и его язык", для исследования проблемы "Роль человеческого фактора в языке" неприемлемы. Авторы настоящего исследования пошли совсем по другому пути.

1. В книге рассматривается не деятельность человека вообще, содержание которой безгранично и является объектом разных наук, а только та его деятельность, которая осуществляется при создании языка и в различных формах его функционирования как средства коммуникации.

2. В книге исследуются наиболее важные области, где особенно наглядно проявляется деятельность человека в языке. Такими сферами авторы считают: 1) формирование картины мира в языке и создание язы-

²Нарский И.С. Проблема значения: Значение в теории познания // Проблема знака и значения. М., 1969.

кового инвентаря, 2) порождение речи, 3) роль человека в процессе коммуникации.

3. Авторы книги резко отмежевываются от ученых, отождествляющих язык и мышление. Язык и мышление — две самостоятельные области, хотя и тесно между собою связанные.

4. Соответственно этому положению различаются две картины мира — концептуальная и языковая. Концептуальная картина мира богаче языковой картины мира, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные.

5. Языковая картина мира выполняет две основные функции: 1) означивание основных элементов концептуальной картины мира и 2) экспликация средствами языка концептуальной картины мира.

6. Языковая картина мира содержит слова, словоизменительные и словообразовательные формативы и синтаксические конструкции. В различных языках языковые картины мира могут варьироваться.

7. Утверждение многих лингвистов и философов, будто бы язык отражает действительность, основано на недоразумении. Звуковой комплекс, образующий слово, ни к какому отражению сам не способен. Фактически результатом отражения являются концепты, или понятия. Язык связан с действительностью через знаковую соотношенность. Язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым способом.

8. Такие, казалось бы, сугубо человеческие феномены, как экспрессия, модальность, эмоция и т.д., на самом деле представляют собой специфические формы отражения окружающего мира.

9. Настоящая книга, как часть задуманного исследования, посвящена связям между концептуальной и языковой картинами мира в области лексики и грамматики. В свою очередь это приводит далее к необходимости рассмотрения и таких тем, как процессы, не имеющие непосредственного отношения к картине мира; общее и индивидуальное сознание; типы мышления; имманентные законы, действующие в языке; так называемая логика языка; противоречия в языке.

10. Представляя человека, действующего в языке, авторы книги далеки от мысли создать конструктор особого социального существа и априорно наделить его какими-то особыми качествами, которые обязательно ему должны быть присущи. В книге фигурирует самый обыкновенный, естественный человек, создающий не искусственные языки и всякого рода метаязыки, а человек — создатель живых, естественных — обыденных языков.

11. Картина мира, отраженная в голове человека, представляет собой чрезвычайно сложное явление. Она необычайно вариативна, изменчива, непостоянна. Одновременно в ней есть элементы общности, обеспечивающие взаимопонимание людей.

Указанная проблематика требует также рассмотрения и весьма сложной проблемы порождения речи. Сложность ее усугубляется тем, что многие детали процесса речевой деятельности в науке еще недостаточно выяснены. В этой связи особое внимание надо уделить анализу трех основных этапов порождения речи: довербального, когда формируется так называемый замысел речи (интенция говорящего) и оценивается обстановка; этапа, связанного с выбором языковых средств, и, наконец, последнего этапа, когда происходит сама языковая реализация замысла (озвучивание).

При рассмотрении темы "Язык и коммуникация" главным для авторов является изучение свойств, которые приобретает язык в самом процессе коммуникации. Это такие явления, как дейксис, модальность, экспрессия, эмоция и другие специфические атрибуты речи.

Авторы выражают уверенность, что задуманное исследование поможет создать целостное представление о роли человека в языке. Оно не претендует на абсолютно верное и безошибочное изложение сложных вопросов, затрагиваемых в нем. Авторы будут удовлетворены уже тем, если данное исследование послужит стимулом для дальнейшей и более углубленной разработки проблемы "Роль человеческого фактора в языке".

Раздел "Картина мира в жизнедеятельности человека" написан канд. филол. наук В.И.Постоваловой, разделы "Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом?" и "Как происходит отражение картины мира в языке?" — акад. Б.А.Серебренниковым. Автор раздела "Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира" — докт. филол. наук А.А.Уфимцева, автор раздела "Роль словообразования в формировании языковой картины мира" — докт. филол. наук Е.С.Кубрякова. Раздел "Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира" написан докт. филол. наук В.Н.Телия.

Б.А. Серебренников

КАРТИНА МИРА В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, наметившемся в современной лингвистике, — о смене ее базисной парадигматики и переходе от лингвистики "имманентной" с ее установкой рассматривать язык "в самом себе и для себя" к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью¹.

Исходный тезис антропологической лингвистики состоит в утверждении, что язык есть конститутивное свойство человека. В формулировке Э.Бенвениста этот тезис гласит: "Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека" [Бенвенист, 1974, 293]. Мысль о конститутивном характере языка для человека как теоретическая идея была впервые сформулирована и разработана в лингво-философской концепции В.Гумбольдта. Определить сущность человека как человека, по Гумбольдту, означает выявить силу, делающую человека человеком [Гумбольдт, 1984, 55]. Язык и есть одно из таких "человеко-образующих" начал. Человек становится человеком только через язык [там же, 314, 349], в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности. Язык есть единая духовная энергия народа. Эти идеи В.Гумбольдта в рамках философии развивает М.Хайдеггер: "Речь есть один из видов человеческой деятельности — мы существуем прежде всего в языке и при языке... дар речи есть отличительное свойство человека, только и делающее его человеком... сущность человека покоится в его языке" [цит. по: ОПЯ, 1975, 1—2, 6].

Из тезиса о конститутивном характере языка для человека следуют два принципиальных методологических требования: 1) познание человека неполно и даже невозможно без изучения языка; 2) понять природу языка и объяснить ее можно, лишь исходя из человека и его мира. Построение лингвистики на антропологических началах предполагает создание единой теории языка и человека.

¹ Проект создания науки о языке на антропологических началах был разработан В.Гумбольдтом. О необходимости разработки общей глобальной теории "антропологии языка" см.: [Рамишвили, 1978, 205].

Последовательное проведение антропологической программы изучения языка выдвигает на первый план исследование следующих проблем, касающихся связи человека и его языка: 1) язык и духовная активность человека; 2) язык, мышление и сознание человека; 3) язык и физиология человека; 4) язык и психика индивида; 5) язык и культура; 6) язык и поведение человека; 7) язык и коммуникация; 8) язык и общество; 9) язык и ценности человека; 10) язык и познание и др. Введение антропологического принципа исследования языка позволит теоретически связать разнообразные моменты бытия языка, которые при других подходах изучались изолированно или вообще исключались из области научного рассмотрения.

В рамках антропологической лингвистики могут быть объединены и успешно развиты на единой методологической основе такие направления лингвистики, как лингвогносеология, предметом которой является познавательная функция языка как формы представления познаваемого человеком мира, лингвосоциология (социолингвистика), изучающая взаимоотношения языка и общества, лингвопсихология (психолингвистика), изучающая взаимоотношения языка и индивида, лингвобихевиорология (лингвопраксеология), изучающая роль языка в практическом поведении человека, лингвокультурология, изучающая взаимоотношения языка и культуры, лингвоэтнология (этнолингвистика), ориентирующаяся на рассмотрение взаимосвязи языка, духовной культуры народа, народного менталитета и народного творчества, лингвопалеонтология, исследующая связи языковой истории с историей народа, его материальной и духовной культурой, географической локализацией, архаическим сознанием.

В лингвистике, избравшей в качестве своей методологической основы антропологический принцип, в центре внимания оказываются два круга проблем: 1) определение того, как человек влияет на язык, и 2) определение того, как язык влияет на человека, его мышление, культуру.

Тема "Человеческий фактор в языке" касается преимущественно первого момента. Второй момент — "Языковой фактор в человеке" — мог бы стать предметом самостоятельного исследования в рамках общего учения о человеке — философской антропологии. В антропологической лингвистике проблема языкового фактора в человеке совпадает с проблемой определения функциональной природы языка.

Теоретическое решение темы человеческого фактора в языке требует выделения факторов антропологического характера, релевантных для языка, и установления их иерархии, выяснения того, какие конститутивные свойства человека коррелированы со свойствами языка и в какой мере специфическая организация человека предопределяет форму языка и его особенности. Хотя в период "имманентной" лингвистики проблематика связи языка и человека никогда окончательно не исчезала из науки о языке, а только вытеснялась на периферию ее интересов, выдвижение проблемы человеческого фактора в языке как самостоятельной лингво-теоретической проблемы в рамках имманентной лингвистики формально-семиологической направленности было невозможно. Постановка и попытка теоретического разрешения проблемы человеческого фактора в языке предполагает расширение предмета лингвистики и включение в него таких

важных моментов бытия языка, как его участие в процессах человеческого сознания, мышления, культуры.

Раскрытие темы человеческого начала в языке требует прежде всего уточнения того, какие свойства имеет язык именно как естественный язык человека. Обратной стороной этой темы будет определение того, какие свойства у языка невозможны именно как у языка человека, обладающего определенными конститутивными особенностями, и каковы были бы другие варианты построения естественного языка, если бы основные свойства человека претерпели изменения.

Свойства естественного языка у человека неоднородны. Некоторые черты естественного языка являются уникальными, другие же свойственны всем или многим знаковым системам.

Тема человеческого фактора в языке предполагает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка. Такие явления языка, как дейксис, модальность, идиоматичность и символизация, некоторые особенности, связанные с ограничениями, накладываемыми на длину и структуру слога, обуславливаются психофизиологическими особенностями человека. При этом одни свойства языка объясняются физиологическими особенностями человека, другие — чисто психическими, третьи — психофизиологическими. Многие исследователи обращают внимание на органо-генетические и акустико-перцептивные ограничения при построении речевых цепей, имеющие для естественного языка универсальный характер. Психофизиологическими особенностями человека объясняется наличие в языке также принципа линейности и принципа экономии — универсального начала, лежащего в основе всех видов человеческой деятельности. Некоторые свойства языка объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности, а также коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения. Ограниченным объемом человеческой памяти объясняется такая фундаментальная особенность языка, как асимметрия языкового знака².

К специфически человеческим способам сравнения объектов для установления сходства или тождества между ними относятся операции с целостностями [Фрумкина, 1985, 25]. Принцип целостности лежит в основе языкового анализа и синтеза, процедур отождествления и различения языковых единиц, и прежде всего такой базисной единицы, как слово.

Естественный язык человека как образование, несущее на себе печать антропологичности, противостоит: 1) искусственным языкам, созданным человеком для общения с машинами, 2) языкам животных, "реконструируемым" человеком, 3) всей полноте знания о мире таком, как он есть (на получение такого знания претендует наука в своем историческом движении от относительной истины к абсолютной). Особенности естественного языка как в плане их ограничений, так и преимуществ могут быть описаны, опираясь на эти три противопоставления.

Тема "Человеческий фактор в языке" частично соприкасается в основных ракурсах своего рассмотрения с философской проблемой субъектив-

² Раскрытие "человеческих" способов переработки сигналов внешнего мира в "смыслы" см. [Бонгард, 1967].

ного начала в познании. Наличие "человеческого начала" в познании рассматривается в современной философии как базисная черта познавательной деятельности. Тот факт, "что наше познание может осуществляться только в присущих человеку формах, начинает трактоваться по-иному — не как какой-то ущерб, какое-то зло, хотя бы и неизбежное, а как фундаментальная характеристика познавательной деятельности, как исходный пункт для ее анализа" [Швырев, Юдин, 1980, 17]. Очень многие философы отмечают исключительное внимание, которое стало уделяться в настоящее время при изучении человеческого познания и человеческой деятельности языку. Проблема языка сейчас занимает такое же ведущее положение в философии, какое полтора столетия назад занимала проблема мышления, а в немецкой философии — мышления, "мыслящего самого себя" [Gadamer, 1966, 222].

Исследование человеческого фактора в языке приобретает новый ракурс рассмотрения в связи с изучением картины мира, и в частности в связи с языковой картиной мира. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Введение понятия картины мира в антропологическую лингвистику позволяет различать два вида влияния человека на язык — феномен первичной антропологизации языка (влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык различных картин мира человека — религиозно-мифологической, философской, научной, художественной).

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира: Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоев картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт.

Тема "Язык и картина мира" помимо определения роли языка в формировании различных картин мира у человека имеет и другой ракурс рассмотрения. Он заключается в том, каким язык предстает в "глазах" лингвистики, семиотики, философии, теологии, мифологии, фольклора, искусства, поэтики, обыденного сознания. Каждая из картин мира, которая в качестве отображаемого фрагмента мира представляет язык как особый феномен, задает свое видение языка и по-своему определяет принцип действия языка. Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы разных картин мира может предложить лингвистике новые эвристические ходы для проникновения в природу языка и его познание.

«Объекты познания, — пишет Е.П.Никитин, — будь то предметы материального мира или фрагменты сознания — обладают рядом абстрактно-общих характеристик, выражаемых с помощью таких философских терминов как "атрибут", "субстрат", "генезис", "причина", "развитие", "структура", "функция" и др.» [Никитин, 1981, 8]. Картина мира соответственно также может быть охарактеризована в терминах этих категорий и пред-

ставлена как концептуальное образование: 1) имеющее неотъемлемые имманентно присущие ему свойства (атрибуты); 2) состоящее из определенных компонентов (субстрат); 3) возникающее и развивающееся по определенным законам (генезис, развитие); 4) специфически организованное, построенное (структура) и 5) представляющее собой до известной степени "стабильные поведенческие действия (функции)".

Ниже мы попытаемся дать краткую логико-методологическую характеристику картины мира как особого концептуального образования, описать ее структуру, генезис и функции в жизнедеятельности человека, дать классификацию картин мира, а также обсудить вопрос о невозможности сведения общей картины мира к ее редуцированным представлениям.

КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОРИИ "КАРТИНЫ МИРА"

При характеристике картины мира необходимо различать три важных взаимосвязанных, но не тождественных явления: 1) реалью, именуемую термином "картина мира"; 2) понятие "картина мира", воплощающее теоретическое осмысление этой реалии; 3) термин "картина мира". Этапы формирования этих явлений не совпадают.

Феномен, именуемый "картина мира", является таким же древним, как и сам человек. Создание первых картин мира у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза. Тем не менее реалья, называемая термином "картина мира", стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время. Понятие картины мира находится в настоящий момент в стадии своего формирования: предпринимаются первые попытки построения его развернутого определения и раскрытия смысла; дискутируются вопросы о том, как разумно теоретически отграничить картину мира от близких феноменов, как категориально охарактеризовать и выявить свойства и формы ее существования.

Термин "картина мира" был выдвинут в рамках физики в конце XIX — начале XX в. Одним из первых этот термин стал употреблять Г. Герц [1914] применительно к физической картине мира, трактуемой им как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов. Внутренние образы, или символы, внешних предметов, создаваемые исследователями, по Герцу, должны быть такими, чтобы "логически необходимые следствия этих представлений в свою очередь были образами естественно необходимых следствий отображенных предметов" [Герц, 1973, 208]. Создаваемые образы не должны противоречить законам нашего мышления (допустимость образа), а их существенные соотношения — отношениям внешних вещей (правильность образа); они должны отображать существенные свойства вещей, включая минимум излишних, или пустых, отношений, т.е. быть более простыми (целесообразность образа). Полностью избежать пустых отношений, полагает Герц, невозможно, так как образы создаются нашим умом и в значительной степени определяются, следовательно, свойствами способа своего отображения. Пытаясь охарактеризовать простейшую картину вещей чувственного мира и проиходящих в нем процессов, которую в состоянии создать физика, Г. Герц включает в нее основные принципы механики, из которых может быть вы-

ведена вся механика без ссылки на опыт вместе со связывающими их принципами более низкого ранга. Поскольку возможно по-разному изложить принципы механики в зависимости от выбора лежащих в ее основе положений, "то мы получаем различные картины вещей", которые можно проверять и сравнивать в отношении их допустимости, правильности и целесообразности [там же, 210].

Термином "картина мира" широко пользовался также М.Планк, понимая под физической картиной мира "образ мира", формируемый физической наукой и отражающей реальные закономерности природы. Он считал, что содержание этого образа, задаваемое принципами сохранения и превращения энергии и принципом возрастания энтропии, непрерывно обогащается по мере развития физики, освобождаясь при этом от антропоморфных элементов. Физическая картина мира в идеале должна содержать лишь представления, отражающие устройство природы как таковой, независимо от влияния на нее человеческой деятельности. "Уже современная картина мира, — пишет Планк, — хотя она еще сверкает различными красками в зависимости от личности исследователя... содержит некоторые черты, которых больше не изгладит никакая революция ни в природе, ни в мире человеческой мысли" [Планк, 1966, 48]. М.Планк различал практическую картину мира и научную картину мира. С первой он связывал целостное представление человека об окружающем мире, которое вырабатывается им постепенно на основании своих переживаний. Научную картину мира он трактовал как модель реального мира в абсолютном смысле, независимого от отдельных личностей и всего человеческого мышления. Хотя чувственные ощущения, вызываемые различными предметами, у разных людей могут и не совпадать, но "картина мира, мира вещей для всех людей одинакова" [Планк, 1958, 104—106]. Всякая научная картина мира, по Планку, имеет лишь относительный характер, и создание такой картины мира, которая представляла бы собой нечто окончательно реальное и не нуждалось бы, следовательно, больше ни в каких улучшениях, он считает недостижимой задачей. Научная картина мира, добытая из опыта, представляет собой "феноменологический мир", который всегда является лишь приближением, более или менее удачной моделью мира реального. «Сложное выражение "картина мира", — подчеркивает Планк, — стали употреблять только из осторожности, чтобы с самого начала исключить возможность иллюзии» [Планк, 1966, 50].

Мысль о том, что создание картины мира или картины реальности является необходимым моментом жизнедеятельности человека, развивал А.Эйнштейн. "Человек стремится каким-то адекватным способом создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. Этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему. На эту картину и ее оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни. чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком тесном головокружительном круговороте собственной жизни" [Эйнштейн, 1967, 136].

Первоначально под научной картиной мира естествоиспытатели понимали достигнутые и доказанные результаты своей науки. Проблема един-

ства картины мира решалась ими путем прямой онтологизации своих теоретических конструкций. По мере развития физики наглядная модель стала замещаться интерпретированной абстрактной математической конструкцией, что в свою очередь поставило вопрос о многоуровневом характере научных теоретических понятий в смысле их отношения к реальности и привело в конце концов к различению в самосознании физиков структуры научной картины мира и структуры самого мира.

В настоящее время под научной картиной мира понимают систему наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых в науке и выражаемых с помощью фундаментальных понятий и принципов этой науки, из которых дедуктивно выводятся основные положения данной науки. С картиной мира связывают исходные предпосылки рассмотрения мира, содержательно-онтологические построения научного знания, глубинные структуры, лежащие в основании научно-познавательной деятельности [Швырев, 1984, 37–38].

Несмотря на огромную популярность понятия картины мира в современной методологии и философии, статус его остается весьма неопределенным. Проблема статуса картины мира разрабатывалась применительно к ее подвидам — научной картине мира и общенаучной картине мира. При этом были предложены следующие решения:

- 1) картина мира занимает промежуточное положение между двумя полюсами: наукой и мировоззрением или же между наукой и философией;
- 2) картина мира является мировоззрением, заключая в себе тип социальной практики;
- 3) картина мира представляет собой вид философской рефлексии (неонатуралистическая концепция научной картины мира);
- 4) картина мира представляет собой вид научного знания (сциентистская концепция научной картины мира).

В соответствии с неонатуралистической концепцией [НКМ, 1983₂, 22] научная картина мира формируется философскими средствами и входит в состав философии. Она имеет философский статус, что и выводит ее за пределы конкретных наук. Представляя собой уровень философской рефлексии, общенаучная картина мира надстраивается над системностью научных знаний и образует связующее звено между ними и мировоззрением.

Весьма популярна в настоящее время сциентистская концепция научной картины мира. Согласно этой концепции научная картина мира и ее разновидности — естественнонаучная картина мира и частнонаучная картина мира — рассматриваются как специфические концептуальные образования в рамках естествознания, формируемые с помощью научных методов и понятий. В физике теоретическое знание расслоилось на собственно научную теорию и так называемую картину мира после выявления теорий высокого ранга абстрагирования.

Параллельно с разработкой понятия картины мира в рамках рефлексии над наукой и внутринаучной рефлексией самих ученых картина мира и мировидение изучались в культурологических и лингвосомиологических работах. В отечественной науке проблемой мировидения занимались первоначально в границах задачи реконструкции структуры архаического коллективного сознания на материале мифа и фольклора. Как на это обращает

внимание Н.В.Брагинская в послесловии к книге О.М.Фрейденберг, «выражения вроде "картина мира"... термин "мифологема" и др., которым на первый взгляд не более двух десятилетий, использовались О.М.Фрейденберг и учеными "семантического" направления уже в 20-е годы» [Брагинская, 1978, 568; см. также: Франк-Каменецкий, 1929, 106].

В 40-е годы А.М.Золотаревым в этнографическом исследовании о дуальной организации общества был поднят вопрос об определении "готового трафарета", который применялся человеком при классификации и моделировании мира [Золотарев, 1964, 291].

Начиная с 60-х годов проблема картины мира рассматривается в рамках семиотики при изучении первичных моделирующих систем (языка) и вторичных моделирующих систем (мифа, религии, фольклора, поэзии, прозы, кино, живописи, архитектуры и т.д.). Культура при этом подходе трактуется как "ненаследственная память коллектива", и ее главной задачей признается структурная организация окружающего человека мира, что находит свое выражение в модели мира [Лотман, Успенский, 1971, 146–147].

В первых работах по моделирующим системам модель понималась в кибернетическом смысле. В соответствии с этим пониманием мир трактовался как "пассивная память машины", как среда и устройство в их взаимодействии, где под устройством имелись в виду автомат, человек или животное, взаимодействующие с окружающей средой и перерабатывающие получаемую информацию о среде и о самом устройстве [Зализняк, Иванов, Топоров, 1962, 134; Иванов, Топоров, 1965, 6–8]. Сама модель мира определялась как образ мира, получаемый в результате перекодирования воспринимаемых сигналов — первичных данных, фиксируемых приборами (искусственными или органическими, т.е. рецепторами) и вторичных данных, являющихся результатом перекодирования первичных данных.

Исходным пунктом исследований по семиотике культуры было утверждение, что "разные знаковые системы по-разному моделируют мир" [Зализняк, Иванов, Топоров, 1962, 134] и обладают различной моделирующей способностью. В соответствии с принятой ими градацией наибольшей степенью отвлеченности и наименьшей моделирующей способностью обладают математические системы, а наименьшей степенью отвлеченности и максимальной моделирующей способностью — знаковые системы религии. Знаковые системы естественных языков занимают промежуточное положение между этими двумя типами знаковых систем.

В рамках лингвистики проблема восстановления древней модели мира возникала естественным образом в связи с необходимостью реконструкции семантики текстов в широком смысле слова [Иванов, Топоров, 1965, 6]. Было выдвинуто предположение, что модель мира может быть описана как набор основных семантических противопоставлений, имеющих для народов мира практически универсальный характер [см. также: Леви-Строс, 1985; Франк-Каменецкий, 1925, 158]. Для описания модели мира славян в древнем периоде Вяч.В.Иванов и В.Н.Топоров использовали следующие семантические оппозиции: белый — черный, бессмертие — смерть, близкий — далекий, вареный — сырой, вертикальный — горизонтальный, верх — низ, весна (лето) — зима, видимый — невидимый, восток — запад, главный — неглавный, день — ночь, доля — недоля, дом — лес, жизнь — смерть, земля — вода, красный (пурпуровый) — черный, муж-

ской — женский, небо — земля, огонь — влага, освоенный — неосвоенный, посвященный — непосвященный, правый — левый, предки — потомки, прямой — кривой, сакральный — мирской, светлый — темный, свободный — несвободный, свой — чужой, солнце — месяц (тьма), старший — младший, сухой — мокрый, суша — море, счастье — несчастье, целый — нецелый, человек — нечеловек, человеческий — звериный, чет — нечет, чистый — нечистый, юг — север, явленный — неявленный [там же].

Этот же исходный набор семантических противопоставлений в более или менее явном виде выступает и в таких высокоразвитых семиотических системах, как философские концепции, вырастающие на базе старых религиозных систем [там же, 237]. По мнению авторов, "некоторые черты в творчестве больших писателей и художников можно было бы понять как порою бессознательное обращение к изначальному фонду и его возрождение (иногда сознательно подкрепленное обращением к фольклорной традиции)" [там же, 238]. Так, вся система перечисленных древнеславянских противопоставлений и даже символов, в которых они раскрываются, была на украинском материале воспроизведена в творчестве Гоголя. В "Майской ночи, или утопленнице" можно обнаружить следы символа мирового дерева [там же].

Картина мира в реконструированной древней модели у славян предстает как набор элементов разных уровней (примеры таких разноуровневых элементов: Перун, Ярило, Правда, Соловей-Разбойник, Чудо-Юдо), существующих в особом времени и размещающихся в особом пространстве, в котором вычленяются такие части, как небо, земля, подземное царство и соединяющее их мировое дерево, а также отдельные области типа заморского царства, тридевятого царства или ритуализованных частей земного пространства: дом, двор, дорога, перепутье. Введенные авторами "уровни в целом определяют картину мира, его происхождения, пространственного и временного развертывания его, а также оценки отдельных его частей или событий, происходящих в нем, с точки зрения человека или человеческого коллектива" [там же, 196].

В последующих исследованиях по реконструкции картины мира понятие модели постепенно утрачивает свой узкокибернетический смысл и используется в более широком — гносеологическом и общенаучном — смысле как смысловой заместитель моделируемого объекта. Так, А.Я.Гуревич в исследовании, посвященном реконструкции средневекового "образа мира", базисных категорий средневекового мировосприятия и особенностей средневековой культуры, замечает, что термин "модель" он не применяет в специальном, кибернетическом, смысле и использует как равнозначные такие выражения, как "модель мира", "картина мира", "видение мира" [Гуревич, 1972, 16, 24–25].

[Модель мира А.Я.Гуревич определяет как «"сетку координат", при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [там же, 15–16]. Модель мира в каждой культуре состоит из набора взаимосвязанных универсальных понятий, к которым он относит такие понятия, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому. "Каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира. Назы-

вая основные концептуальные и чувственные категории универсальными, мы имели в виду лишь то обстоятельство, что они присущи человеку на любом этапе его истории, — но по своему содержанию они изменчивы” [там же, 17].

В работе Д.С.Раевского, посвященной реконструкции скифской мифологической модели мира, поднимается вопрос о необходимости изучения архаических моделей мира во всем многообразии их структур и богатстве реализаций. В основе исследования лежит допущение о существовании “тотально господствующего принципа концентрирования”, превращающего культуру архаического общества в совокупность “разнокодовых воплощений одних и тех же ключевых, структурных конфигураций” [Раевский, 1985, 204].

Если идея о возможности и необходимости реконструкции общей картины мира и ее разновидностей — научной, философской и др. — была высказана в сравнительно недавнее время, то мысль о существовании особого языкового мировидения была сформулирована В. Гумбольдтом как научно-философская проблема еще в начале XIX в. В XX в. исследование языковой картины мира (языкового мировидения) совершается в рамках гипотезы лингвистической относительности (Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф и др.) [см., например: Васильев, 1974].

Завершая краткие замечания об истории изучения картины мира, отметим, что настоятельная потребность в выдвигании этого понятия в различных сферах человеческой деятельности возникает обычно в двух случаях: при необходимости осмыслить ситуацию поливариантности сосуществующих в этой области позиций (картин мира, точек зрения, мировидений и т.д.) и ситуацию последовательно сменяющих друг друга “парадигм”. Как первый, так и второй случай могут опираться на источники двух типов: на описания, произведенные изнутри общества, имеющего эту картину мира (“самоописание”) и на “иноописания”, произведенные внешними наблюдателями [см. подробнее: Раевский, 1985, 209; Топоров, 1973, 108–109; Лотман, 1976, 293; Живов, 1979]. Наиболее вероятно появление понятия картины мира в ситуации плюрализма картин мира, которая не оценивается как нормальная и потенциально имеет средства к своему устранению.

Такое положение и сложилось в науке, в которой под влиянием внутринаучной рефлексии над производимым знанием последнее стало оцениваться как относительная истина, достигаемая в пределах определенного, с неизбежностью ограниченного, видения объекта изучения. Ситуация множественности теоретических видений действительности, методологически осмысливаемая как проблема “выбора” теории и смены научных парадигм при осознании ее временного характера с позиций идеала познания, и явилась стимулом для введения в науку понятия картины мира как способа внутринаучной рефлексии.

Ситуация плюрализма картин мира (художественных мировидений) существует и в искусстве. Но это сходство лишь внешнее. В искусстве скорее можно говорить не о картине мира, а о картинах мира, вопрос о синтезе которых с целью получения единого миропонимания лишен смысла. Применительно к художественному и религиозно-мифологическому мировидениям понятие картины мира возникает в попытках внеш-

ней рефлексии над этими областями духовной деятельности человека при их культурологическом осмыслении.

Понятие картины мира органически влилось в современную культурологию и семиотику, в число задач которых входит осмысление ситуации плюрализма культур в мире (культурологическая синхрония) и процессов генезиса человечества (культурологическая диахрония).

В лингвистике появление понятия языковой картины мира является симптомом возникновения гносеолингвистики как части лингвистики, развиваемой на антропологических началах. Понятие языковой картины мира позволяет глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового "отображения" действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира.

В рамках методологии обращение к понятию картины мира означает, с одной стороны, отказ от чистой созерцательной гносеологии с ее идеей "зеркального" отражения мира и переход к деятельностному пониманию процесса познания, а с другой стороны, отказ от чистого методологизма и операционализма и акцентирование внимания на содержательно-онтологических аспектах науки и человеческого понятия в целом. Понятие картины мира становится органически необходимым концептуальным элементом гносеологии, исходящей из идеи об истине как процессе движения от относительной истины к абсолютной.

КАРТИНА МИРА – БАЗИСНОЕ ПОНЯТИЕ ТЕОРИИ ЧЕЛОВЕКА

Картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия, и адекватно охарактеризовано оно может быть лишь в общей теории человека.

В различных философских направлениях сущность человека определяется неодинаково³. Л. Фейербах рассматривает человека как антитезу "идеи" и "духа", А. Гелен и экзистенциалисты – как антитезу понятий "общество" и "природа" [ФЭС, 1983, 30]. М. Шелер [см.: Чухина, 1980, 114] пытается связать сущностные свойства человека с понятием духа, полагая, что сущностное начало человека лежит по ту сторону витально-психического и обозначается понятием "дух". В марксистской трактовке сущность человека определяется с помощью категории деятельности, охватывающей процессы и явления самой различной природы, начиная от внешних для человека материально-практических операций и кончая внутренними интеллектуальными духовными акциями. Деятельностью в таком широком понимании "является работа мысли в такой же мере, как и работа руки, процесс познания, в такой же мере, как и человеческое поведение" [Каган, 1974, 5]. Вместо определения человека как *homo sapiens* (человек разумный), *homo faber* (человек создающий), *homo loquens* (человек говорящий), *homo ludens* (человек играющий), *homo sociologicus* (человек социологический), *homo psychologicus* (человек психологический) М.С. Каган предлагает определение человека как *homo agens* – человек действующий.

³ Обзор таких определений содержится, в частности, в работе Б.Т. Григорьяна [1982].

щий, интегрирующее все вышеприведенные определения, показывая односторонность каждого из них.

В некоторых философских направлениях в качестве исходной структуры человеческой личности выдвигают интенциональность — устремленность ее вовне, считая, что личность замкнута не на себя, а устремлена к другому [Гайденок, 1975, 157]. Способность к общению является наиважнейшей сущностной характеристикой человека.

Если включать в состав деятельности человека коммуникационную деятельность, или деятельность общения, наряду с такими ее видами, как познавательная, ценностно-ориентационная, деятельность, направленная на преобразование мира, то понимание человека как коммуницирующего (общающегося) не будет считаться независимым, а войдет в определение человека как *homo agens* [Каган, 1974].

В различных философско-антропологических концепциях сущность человека обычно раскрывается путем противопоставления его другим существам — животным, роботам (искусственному интеллекту), а в трансцендентальных концепциях также различным сверхчеловеческим сущностям (богу, ангелам и т.д.).

В отличие от животных, поведение которых биологически детерминировано инстинктом и ситуативно ограничено, а также в отличие от сверхчеловеческих сущностей, обладающих всей полнотой истины, человек для своего ориентирования в мире нуждается в особых символических опосредующих структурах — языке, мифологии, религии, искусстве, науке, выступающих в роли регуляторов его жизнедеятельности. Э. Кассирер [Cassirer, 1923] даже предлагал определять человека как символическое существо ("животное символическое"), строящее себе мир в символических формах.

С помощью опосредующих символических структур человек формирует образ мира как основу своей жизнедеятельности. Воображение познающего человека создало и продолжает создавать множество разнообразных образов наличного бытия, имеющих исторически преходящий характер. Вот некоторые примеры таких образов мира: "три кита" или черепаха, на которой стоит плоская Земля, хрустальные сферы, вращающиеся вокруг неподвижной Земли, Вселенная как "гигантская машина" или же как "великая мысль", метagalaktika как беспредельно расширяющаяся вселенная, образ "мерцающего мира" в онтологии М. Хайдеггера, образ мира как гештальт высокой степени сложности. В современной науке разрабатывается образ мира как организма и процесса: "Мир представляет собой организм, закрепленный не настолько жестко, чтобы незначительное изменение в какой-либо его части сразу лишало его присущих ему особенностей, и не настолько свободно, чтобы всякое событие могло произойти столь же легко и просто, как и любое другое. Это мир, которому одинаково чужда окостенелость ньютоновской физики и аморфная податливость состояния максимальной энтропии или тепловой смерти, когда уже не может произойти ничего по-настоящему нового. Это мир процесса" [Винер, 1967, 314].

Картина мира есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны. Картина мира как глобальный образ мира возникает у чело-

века в ходе всех его контактов с миром. Опыты и формы контактов человека с миром в процессе его постижения характеризуются чрезвычайным разнообразием. Это могут быть и бытовые контакты с миром, и предметно-практическая активность человека с ее деятельностно-преобразующими установками на переделывание мира и овладение им, и акты созерцания мира, его умозрения и умопостижения в экстраординарных ситуациях.

Многие исследователи при практическом описании картин мира обращают внимание на сложность определения того, к какому процессу, связанному с постижением мира в самом широком смысле слова, относится феномен картины мира. Так, А.Я. Гуревич, занимавшийся реконструкцией средневекового образа мира, пишет: "...в центре нашего внимания будет стоять, собственно, не идеология средневековья, не сознательное мировоззрение людей, обусловленное их социальным статусом, а те представления о мире, которые не всегда ими ясно осознавались, а поэтому и далеко не полностью идеологизировались: когда мы говорим о переживании таких категорий, как время, пространство, право и т.д., то предполагаем относительно непосредственное к ним отношение, еще не пропущенное целиком через систему общественных взглядов и классовых интересов... мы стремимся вскрыть интересующие нас культурные элементы не столько на уровне идеологическом, сколько на уровне социально-психологическом, в сфере мироощущения, а не миропонимания, хотя сознаем, в какой мере обе эти сферы взаимосвязаны бесчисленными переходами и переливами" [Гуревич, 1972, 23].

Поскольку в формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и кончая высшими формами — мышлением и самосознанием человека, то всякая попытка обнаружить какой-либо один процесс, связанный с формированием картины мира у человека, с неизбежностью окончится неудачей. Человек ощущает мир, созерцает его, постигает, познает, понимает, осмысляет, интерпретирует, отражает и отображает, пребывает в нем, воображает, представляет себе "возможные миры". Образ мира возникает в различных актах мироощущения, мироощущения, мирозерцания, мировосприятия, мировидения, миропонимания, миропредставления, мирооценки, мироуяснения, в актах переживания мира как целостности, в актах миродействия. Сознание человека, формирующее идеальный образ внешнего мира, есть не только знание об объекте познания, противостоящем субъекту, но также есть некое "переживание", оно эмоционально окрашено, а в эмоциях гносеологическая противоположность субъективного и объективного исчезает, так что субъект и объект "переживаются" как нечто единое.

Процесс миропостижения у человека континуален, и всякая его дискретизация в строгом смысле слова, условна. Тем не менее теоретически чрезвычайно важно выделить в этом сплошном жизненном потоке миропостижения процессы, имеющие большее отношение к формированию глобального образа мира, именуемого картиной мира.

С известной долей произвольности будем называть глобальный процесс, связанный с картиной мира (как с ее формированием, так и с процессом толкования мира через ее посредство), мировидением (русский эквивалент гумбольдтовского Weltansicht).

Понятие мировидения коррелятивно понятию отражения и имеет с ним смысловые пересечения. Совпадая во многих своих значениях, эти понятия по-разному построены, точнее, смысловое движение, зафиксированное в них, имеет противоположную направленность. В теоретической связи "мир — активность субъекта — образ мира" смысловое движение направлено от "мира" к "активности субъекта", а в понятии "мировидение" — от "активности субъекта" к "миру". Понятие "отражение" делает акцент на объективном начале в процессе миропостижения, а понятие "мировидение" — на субъективном.

В теоретическом пространстве общего учения о человеке мировидение локализуется на шкале "отражение мира", крайними полюсами которой будут объективное познание и его результат в виде "чистого" знания, имеющего внеличностный характер (на получение такого результата претендовала так называемая классическая наука), и субъективно-личностное оценивание и его результат — социально-личностное, ценностно-ориентированное знание, содержащее представление о "социально-полезном", "идеальном", должном, о том, к чему человеку необходимо стремиться и чего ему необходимо избегать.

ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ КАРТИНЫ МИРА КАК БАЗИСНОГО ЭЛЕМЕНТА МИРОВИДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Наиболее адекватным пониманием картины мира представляется определение ее как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека. Картина мира предстает при такой трактовке как субъективный образ объективной реальности и входит, следовательно, в класс идеального, которое, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них.

Как и всякое образование, относящееся к классу идеального, картина мира имеет двойственное существование — необъективированное (точнее, полуобъективированное), как неопредмеченный элемент сознания и жизнедеятельности человека, и объективированное в виде опредмеченных образований — различных "следов", случайных или намеренных, оставляемых человеком в процессе жизнедеятельности. "Отпечатки" картины мира, ее окаменелости можно обнаружить в языке, в жестах, в культовом и светском изобразительном искусстве и музыке, ритуалах, вещах, этикете, мимике, модах, способах ведения хозяйства, технологии вещей, построенных с учетом "логики" вещного мира, вычлененной и запечатленной в картине мира, различного рода социокультурных стереотипах поведения людей и т.д.

Обозначим картину мира с полуобъективированным статусом существования как картину мира₁, а картину мира с объективированным статусом существования как картину мира₂. Картина мира₁ есть элемент жизнедеятельности человека, в которой она возникает в актах мировидения, формируется, трансформируется в другие картины мира. Картина мира₂ соответственно есть объективированный вариант картины мира₁, экспли-

цированный из жизнедеятельности человека, отрефлектированный. Субъективированность статуса существования картины мира заключается в том, что она, принадлежа к миру идеального, "живет" везде, во всех перечисленных выше образованиях, полностью не воплощаясь и не запечатлеваясь ни в одном из них. Определенность в знаковых образованиях для идеального не является обязательной акцией. Человеческие знания о действительности "совершенно не обязательно должны опредмечиваться, закрепляться в виде понятийных характеристик, в виде семантических признаков знака" [Леонтьев, 1975, 15].

Идеальное, в формулировке Э.В. Ильенкова, есть "отражение внешнего мира в формах деятельности человека, в формах его сознания и воли" [Ильенков, 1962, 219]. Эти три сферы — формы деятельности человека, его сознание и воля — и составляют базисные центры бытия идеального. Субъективированные формы бытия идеального предстают как смысловое движение в виде спонтанного потока образов в сознании человека и в более глубоких слоях его психики.

"Пространством" обитания картины мира в ее субъективированном состоянии является в первую очередь воображение действующего субъекта. Репродуктивное воображение воспроизводит образ предмета, уже когда-то созерцавшегося, а продуктивное (творческое) воображение впервые создает образ.

Картина мира как регулятив человеческой жизнедеятельности имеет широкое пространство своего обитания не только в сознании, хранилище идеального, психике, человеческом духе, но и во всем том, регулятором которого она является, — в поведении людей, материально-чувственной практике, продуктах культуры и т.д.

Различные "воплощители" картины мира как идеального образа мира в семиотике интерпретируются как особые языки и тексты на этих языках, опираясь на которые реконструируют существующую в данный момент или ранее существовавшую картину мира. "Модель мира, — пишут Вяч.Вс. Иванов и В.Н.Топоров, — может реализоваться в различных формах человеческого поведения и в результатах этого поведения (например, в языковых текстах, социальных институтах, памятниках материальной культуры и т.д.); в дальнейшем всякая такая реализация называется текстом" [Иванов, Топоров, 1965, 7].

Семиотические воплощения картины (модели) мира неоднородны. Тексты — воплощители концептуальных систем — различаются прежде всего по субстанции знаков, образующих эти тексты, в качестве которой может служить "письменная или устная речь, последовательность графических, живописных или скульптурных изображений, архитектурные комплексы, музыкальные или вокальные фразы, жесты, некоторые особые формы человеческого поведения (например, состояние сна, гипноза, экстаза и т.д.) и осмысленные особым образом обычные формы поведения (например, принятие пищи), а также вовлеченные в культурную сферу обычные предметы обихода" [Зализняк, Иванов, Топоров, 1962, 136].

Семиотические воплощения картины (модели) мира неоднородны и с точки зрения своей осознаваемости: некоторые из них могут осознаваться коллективом носителей этой картины мира (например, многие

социальные институты), другие же относятся к области действия бессознательной социальной психологии (например, семантика естественного языка) [Иванов, Топоров, 1965, 7].

Идея двойного бытия мировидения и картины мира — невидимого (в неопредмеченной форме) и видимого (в опредмеченной форме) как инобытия видимого — и возможность по видимому восстановить невидимое на разных теоретических языках и в связи с различными исследовательскими ситуациями высказывалась разными учеными и философами.

Мифология, по словам А.А. Потебни, есть "история мифического мирозерцания, в чем бы оно ни выражалось: в слове, и сказании, или в вещественном памятнике, обычае и обряде" [Потебня, 1976, 426]. Мифическое сказание, по Потебне, является развертыванием простейшей мифической формулы и мифического представления [там же, 460, примеч. 56]. По мнению О.М. Фрейденберг, называть мифом только словесно выраженный рассказ было бы чистейшей условностью: «На самом деле таким же мифом служат и действия, и вещи, и речь, и "быт" первобытного человека, то есть все его сознание и все то, на что направлено это сознание» [Фрейденберг, 1978, 28]. В работе 1936 г. О.М. Фрейденберг среди оформителей архаического (мифологического) мировоззрения выделяла "ритмико-словесные", "действенные", "вещные" и "персонафикационные" [Фрейденберг, 1936, 119, 121–246].

Эти две формы существования картины мира (объективированная и необъективированная) категориально оформляются с помощью следующих пар оппозиций: отражение — образ, познание — знание, деятельность (духовная или предметно-практическая) — предмет (опредмеченное), энергия — эргон, жизнь — вещь, созидание — произведение и т.д.

Бытие картины мира в отмеченных двух планах в семиотике интерпретируется как существование единиц в синтагматике и парадигматике, тексте и системе. "Мифология как способ глобального концептирования", пишет Д.С. Раевский, немыслима и вне парадигматического аспекта, вне неразрывного единства "мифологического повествования (сюжетов, событий) и мифологических представлений (мироощущения, мифической картины мира)" [Раевский, 1985, 22].

А.Я. Гуревич, выявляя категории, лежащие в основе содержания средневековой культуры (модели мира), замечает, что он занимается рассмотрением не самого "текста", а "словаря" к нему [Гуревич, 1972, 24–25]. Картина мира существует в нашем сознании в довольно смутном виде, в неоформленном и неотрефлексированном состоянии. В своем необъективированном состоянии (как картина мира,) она не дана сознанию во всей своей полноте. Таковой она может предстать, и то лишь в идеале, в актах систематической рефлексии. Обычно же объективация картины мира осуществляется не до конца, эскизно, несистематически, в популярных очерках изложения основ всех наук, в философских трактатах, комментариях, публицистических эссе, художественной литературе — во всех различных художественных, научных и прочих опытах рефлексии над картиной мира и мировидением человека.

Объективация картины мира включает экспликацию субъективных установок, целей и мотивов жизнедеятельности человека, ее регулятивных структур и смыслообразующих факторов. Она опирается на два типа

рационализаций: естественную, носящую стихийный характер (подобная объективация имеет место при создании языка, осуществляющего рационализацию человеческого жизненного опыта), и искусственную, осуществляющуюся в актах намеренной систематической рефлексии над естественным мировоспитанием человека, а также над опытами стихийной рационализации.

Как глубинный слой миропонимания человека, картина мира не всегда может быть адекватно выявлена в актах саморефлексии самим носителем этой картины мира и может даже вообще не осознаваться как наличествующая у человека.

Помимо процедур объективации картины мира, осуществляемых обычно с целью созидания образа мира в рамках определенной сферы деятельности, существуют особые процедуры метаобъективации (метамоделирования), осуществляемые метаисследователями с целью выявления картины мира и представления ее как своего объекта изучения. Так как вполне оформленной, непосредственно данной наблюдению картины мира как готового объекта изучения не существует, нужно предварительно осуществить ее рациональную реконструкцию, зафиксировать в форме метамодели, что и производит метаисследователь, "вычитывая" картину мира по ее следам в текстах.

Картина мира создается в результате двух различных процедур: 1) экспликации, экстрагирования, опредмечивания, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека, и прежде всего его практической деятельности, и 2) созидания, творения, разработки новых образов мира, осуществляемых в ходе специальной рефлексии, носящей систематический характер. В первом случае имеет место чистая реконструкция картины мира по ее следам, во втором — чистое ее конструирование, т.е. создание некоторой ценностно-познавательной конструкции (картины мира), которая ставится в отношение адекватности к познаваемому объекту (миру). Эти процедуры по своей внутренней структуре близки друг другу: в обеих происходит воспроизведение структуры объекта (мира) в структуре предмета — картине мира как некоем концептуальном образовании.

Экспликация картины мира в первой процедуре происходит по естественным "следам", которые картина мира оставляет в естественном языке и других своих семиологических воплощениях. Она осуществляется по общедеятельностным и семиологическим законам построения парадигматики на основе синтагматики. Индивидуальную картину мира можно выявить по отношению человека к окружающей действительности, обнаруживающемуся в его настроениях, чувствах, действиях. Многие скрытые черты картины мира у человека проступают в психопатологии или раскрываются в экстремальных состояниях человеческой психики. Любая экспликация картины мира всегда по необходимости носит случайный характер, будучи не в состоянии охватить всех богатых смысловых оттенков, связанных с ее реальной жизнью. "Картина мира, — пишет Л.В. Яценко, — по своей природе и назначению не может быть полной, единообразной и целиком определеннозначимой, то есть стать объективированным слоем научного или философского знания, а является компонентом мировоззрения общества, индивида" [НКМ, 1983, 1, 44].

На создание целостного образа мира претендуют мифология, религия, философия, искусство, наука, т.е. различные донаучные, ненаучные и научные формы сознания. Исторически первой формой мировоззренческого сознания, в пределах которой сформировалась развитая картина мира, было мифологическое сознание. В мифе в фантастической форме выражается своя особая мифологическая модель мира, сложившаяся в опыте архаического общества.

Начиная от эпохи античной философии и кончая временем создания натурфилософских теорий XIX в. исторические попытки построения картин мира лежали в основном в русле философских исследований. Философия при создании своего "философского" образа мира занимается рационализацией жизненного опыта человека, эксплицирует глубинное мироощущение человека и осуществляет его рефлексии. "...всякая истинная философия, — по выражению К. Маркса, — есть духовная квинтэссенция своего времени... она представляет собой живую душу культуры..." [Маркс, Энгельс, т. 1, с. 105]. "Но философы не вырастают как грибы из земли, они — продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях. Тот же самый дух, который строит железные дороги руками рабочих, строит философские системы в мозгу философов. Философия не витает вне мира..." [там же].

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ КАРТИН МИРА В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Функции картины мира вытекают из природы и предназначения в человеческой жизнедеятельности мировидения, составной частью которого и является картина мира. Мировидение имеет две базисные функции — интерпретативную (осуществлять видение мира) и вытекающую из нее регулятивную (служить ориентиром в мире, быть универсальным ориентиром человеческой жизнедеятельности). Эти же функции выполняет картина мира. Без картины мира как глобального образа мира не могла бы осуществиться во всей своей полноте жизнедеятельность человека как биосоциального существа. На образ мира, составляющий ядро мировидения человека, опирается человек в своей социокультурной деятельности. Без картины мира невозможным оказалось бы человеческое общение и взаимопонимание. Без нее не смог бы существовать весь социокультурный организм с его механизмами трансляции и воспроизводства опыта. Картина мира — стержень интеграции людей, средство гармонизации разных сфер человеческой жизнедеятельности, их связи между собой. Картина мира как целостный образ действительности опосредует все акты человеческого мировосприятия и миропредставления. Она лежит в основе всех актов миропонимания, позволяя осмысливать локальные ситуации в мире, совершающиеся в нем события, помогая осуществлять построение субъективных образов объективных локальных ситуаций.

Картина мира, являясь базисным компонентом мировидения человека, способствует тесной связи и единству знания и поведения людей в обществе. Она подкрепляет это единство тенденцией к унификации плюралистических образов реальности, стремлением к монистическому видению действительности.

(Картина мира формирует тип отношения человека к миру — природе, другим людям, самому себе как члену этого мира, задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизненному пространству). Так, при мифологической трактовке родового пространства как сакрально уникального (считалось, что на его территории человек находится под защитой духа предков, а вне его попадает в поле действия "зловредных" сил) возникает особая форма отношения человека к пространству ("топофилия"). Пример влияния топофилии на поведение человека содержится у Л. Фейербаха: "В Вест-Индии негры умышленно лишали себя жизни, чтобы воскреснуть у себя на родине" [Фейербах, 1955, 214]. В соответствии с современной научной картиной мира развивается так называемая экологическая этика, направленная на ограничение человеческой свободы в общении с окружающей средой.

Человек обращается с вещами в соответствии со своей картиной мира, которая формирует систему запретов на его поведение в мире. На этот факт обращают внимание исследователи, занимающиеся изучением роли картин (моделей) мира в обществах различного типа. ("Моделью мира", складывающейся в данном обществе, человек руководствуется во всем своем поведении, с помощью составляющих ее категорий он отбирает импульсы и впечатления, идущие от внешнего мира, и преобразует их в данные своего внутреннего мира), — пишет А.Я. Гуревич [Гуревич, 1972, 16]. Модель мира служит "программой поведения для личности и коллектива", определяя набор операций, применяемых человеком для воздействия на мир, правила их использования в деятельности и их мотивировку [Иванов, Топоров, 1965, 7].

Картина мира не только формирует стратегии жизнедеятельности общества в целом, но и позволяет сформировать цель жизни отдельного человека [НКМ, 1983₂, 65]. У гармоничного человека мировидение, самосознание, поведение, мышление и даже общая бытовая ориентация едины, у дисгармоничного они пребывают в противоречии. Это нагляднее всего наблюдается в творчестве. Так, Шиллер чувствует иначе, чем мыслит — в понятиях он следует Канту, но его собственное чувство говорит ему совсем иное: «Его рассудок и способ видения мира не соответствуют друг другу. Поэтому во всех теоретических произведениях Шиллера обнаруживается несовпадение рассудочных категорий, в которых он рассуждает, с поэтическим строем его души, благодаря которому он "видит" предмет своих размышлений» [Гайденко, 1975, 102].

Раздвигая узкие рамки непосредственного опыта человека, картина мира расширяет мир его практики, позволяет человеку вступать в контакт с пространством бытия, значительно отдаленным от него. Так, исходя из научной картины мира, разрабатываемой теоретическим естествознанием, создаются специальные технические устройства, с помощью которых человек входит в реально-практическое взаимодействие с такими областями объективной реальности, которые до этого не были предметом практического освоения.

Каждая картина мира в ходе исторического развития человечества предполагает свою особую социо- и психо-, а также прочую технику для общения с миром, находящимся вне пределов непосредственного человеческого восприятия. На основе научной картины мира вырабатываются

технические средства преодоления физического пространства и времени, проникновения в границы микро- и макромира (космическая аппаратура, микроскопы, телескопы и т.д.).

В религиозно-мифологических картинах мира предполагаются культы, ритуалы как формы мистического общения с миром сакрального, разрабатывается техника совершенствования духовных способностей человека. При научном миропонимании граница мира видимого, т.е. доступного для непосредственного освоения в ходе предметно-практической деятельности, экстенсивно (значительно) расширяются, и в пределах этого расширившегося для человека и ставшего "очеловеченным" мира теоретически допускается контакт человека с внеземными цивилизациями. При религиозно-мифологическом миропонимании такого экстенсивного расширения границ не происходит, границы миров видимого и невидимого не изменяются: считается, что эти два мира существуют параллельно и проницаемы друг для друга.

Картина мира служит универсальным ориентиром человеческой деятельности, определяющим общее течение всех процессов в обществе, всю его социокультурную жизнь. Д.С. Раевский обращает внимание на феномен вторичного воспроизведения картины мира в социальных установлениях. "...в архаических обществах, — замечает он, — где мифология есть не только порождение реального социального бытия, но и основной инструмент его восприятия и осмысления, религиозно-мифологическая модель мира определяет характер структур самых различных социальных и политических институтов, вторично воспроизводится в них. Лишь при условии, что все конкретные установления и институты, имеющие определенное значение в жизни социального организма, воспроизводят универсальный космический порядок, они в представлении людей архаического общества могут выполнять свою функцию, т.е. служить обеспечению социального порядка и благосостояния коллектива" [Раевский, 1977, 64].

Человеческое общение возможно, если у людей есть взаимопонимание и взаимопроникновение в духовные миры друг друга. Пересечение духовных миров людей и происходит за счет того, что существует общая для них система миропредставлений. Разрыв в понимании наступает при изменении глобальных картин мира — смене "оптики" для "внутренних" глаз человека, когда новое у м о з р е н и е дает и новую о ч е в и д н о с т ь (выражение С.Е. Никитиной), т.е. когда смена интерпретативного ключа приводит к новым интерпретациям мира.

Абсолютная простота и наглядность исходной модели мира, лежащей в основе миропредставления человека и образующей его глубинный слой, ее универсальность, позволяют ей выполнять роль посредника между отдельными людьми и целыми сферами социокультурной деятельности человека (между наукой, философией, искусством и т.д.), а также внутри одной сферы, между конкурирующими направлениями, например внутри науки между различными, "несоизмеримыми" теориями и "парадигмами".

Общая картина мира может служить своеобразным посредником при общении индивидов, обеспечивающим их взаимопонимание. Понимание есть всегда некая реконструкция смысла. Оно возможно, если у общающихся возникает единое смысловое поле, в пределах которого

осуществляется смысловое движение. Понимание основывается на существовании широкого контекста, определяемого культурой, ядром которой является языковая картина мира. А.А. [Потебня различал два типа значений слов — ближайшее значение, которое "народно", и дальнейшее, которое "у каждого, различное по качеству и количеству элементов, — лично"] [Потебня, 1888, 9]. Индивидуальная картина мира, если распространить различие Потебни на картину мира в целом, являет собой единство "личного" и "народного". Картины мира у людей соизмеримы, потому что они имеют общее ядро, которое "народно".

Общая картина мира служит своеобразным посредником не только при взаимопонимании индивидов, но и при контакте различных сфер человеческой деятельности, сфер человеческой культуры — философии, науки, искусства и т.д. Взаимопонимание возможно, если в основе культуры будут лежать общие исходные представления и образы и если продукты культуры можно будет возводить к единому смысловому полю с единым интерпретационным ключом для мира в целом и событий в нем. Роль такого ключа и выполняет общая картина мира, представляющая собой тот единственный "язык", к которому можно естественным образом свести основное содержание культуры из разных ее сфер.

Основные категории, составляющие модель мира, "как бы предшествуют идеям и мировоззрению, формирующимся у членов общества или его групп, и поэтому, сколь бы различными ни были идеология и убеждения этих индивидов и групп, в основе их можно найти универсальные, для всего общества обязательные понятия и представления, без которых невозможно построение никаких идей, теорий, философских, эстетических, политических или религиозных концепций и систем" [Гуревич, 1972, 16].

Картина мира — глобальный образ мира — есть универсальный естественный посредник между разными сферами человеческой культуры. Выполняя роль посредника, обеспечивающего взаимопонимание людей, картина мира является действенным средством интеграции людей в обществе. "Социальная потребность в картине мира, — замечает Л.В. Яценко, — состоит в желании достичь единство видения действительности, создать средство, обеспечивающее интеграцию индивидов и групп и общее руководство разнообразными трудовыми процессами" [НКМ, 1983, 51].

Картина мира является также действенным средством интеграции сфер культуры и жизнедеятельности человека в целом, она позволяет унифицировать плюралистические образы реальности, формируемые в рамках мировоззрения эпохи. Составляя основание человеческого знания, поведения, типа хозяйствования, образа жизни человека, она способствует тому, чтобы все эти элементы человеческой жизнедеятельности были организованы единообразно, единым "стилем", в котором находит свое отражение единство миропонимания человека и жизненного устройства, соответствующего этому миропониманию.

С каждой картиной мира связана определенная "логика" мировидения, способ мировосприятия и определяемые ею мыслительные привычки. «Все формы культурной жизни средневековья — не что иное, как функции социальной жизнедеятельности людей этой эпохи, результат "моделирования" ими мира, — пишет А.Я. Гуревич. — ...чтобы понять жизнь, поведение и культуру людей средних веков, важно было бы попытаться вос-

становить присущие им представления и ценности. Нужно выявить "привычки сознания" этих людей, способ, которым они оценивали действительность, приемы их видения мира» [Гуревич, 1972, 15].

Всякая картина мира эвристична и антиэвристична одновременно. С эвристической функцией картины мира связываются ее интерпретационная "оптическая" сила и широта, с антиэвристической — ее ограниченность, неспособность включать в свой "угол зрения" определенные явления мира. Человек просто не замечает того, что находится вне его представлений о мире. Эти незамеченные явления попадают в орбиту человеческого внимания при смене фундаментальных картин мира. Антиэвристичность картины мира — стимул к ее модификации. "Наблюдение ежедневно открывает нам новые явления, — замечает А. Пуанкаре, — им приходится долго ждать своего места в системе, и иногда для этого бывает нужно сломать один из углов здания" [Пуанкаре, 1903, 190]. Если воспользоваться афоризмом В. Гумбольдта относительно языка, то картина мира — это особый круг миропонимания, выйти из которого можно, только войдя в новый круг.)

КАРТИНА МИРА И КАРТИНЫ МИРА

Классификация картин мира

Историк культуры не может не обратить внимания на факт многообразия человеческих представлений о мире, образов мира, или картин мира, сменяющих друг друга в ходе исторического развития человечества, а иногда и сосуществующих в одну историческую эпоху. Чем же объясняется подобная ситуация? Почему при том, что мир один, картин мира у людей много и они такие разные? Как мы уже отмечали выше, специфика бытия человека состоит в том, что мир в своих глубинных свойствах скрыт от его глаз. Для проникновения в смысл мира и познания его сущности человек вынужден вырабатывать собственный образ мира в ходе специальной деятельности по отображению мира.

Картина мира — это не зеркальное отражение мира, а всегда есть некоторая интерпретация. Акты миропонимания осуществляются отдельными субъектами (коллективными и индивидуальными), а эти субъекты различаются друг от друга. Они могут обладать различными природными способностями и склонностями и по-разному связаны с культурой своего времени. Их контакты с миром всегда уникальны. "Одним" поэтам присуще звуковое восприятие мира, другим зрительное, — писал И.Г. Эренбург. — Блок слышал, Маяковский видел, Мандельштам жил в различных стихиях" [Эренбург, 1967, 313]. По словам А.Ф. Лосева, "в каждом человеке можно заметить, как бы ни была богата его психика... одну общую линию понимания вещей и обращения с ними", которая "свойственна только ему и никому больше" [Лосев, 1930, 80, 84]. Эта первичная примитивно-интуитивная реакция человеческого сознания на вещи, возникающая в актах общего, простейшего дорефлексивного, интуитивного взаимоотношения человека с ними, есть его изначально-жизненная интуиция, исходное мироощущение человека, которое не может не наложить своего отпечатка на характер организации его личной картины мира.

7 Субъекты картин мира различаются своим глубинным мироощущением, которое задает картине мира индивида свою особую тональность, эмоциональную окрашенность и, по-видимому, схватывает некоторые глубинные свойства мира, такие, как его гармоничность (космическая упорядоченность) или же дисгармоничность (хаотичность). "По своему инстинктивному отношению к Вселенной все люди, от неграмотного простолудина до ученого, делятся на два типа — гармонический и дисгармоничный. Первый характеризуется врожденным чувством законности мирового порядка, полным согласием собственного разума с закономерностью, господствующей в природе; это — души абсолютно акклиматизированные. Если это человек, одаренный творческим гением, то его творчество представляет собою положительный полюс мировой гармонии, точку, где собраны в ослепительный пучок многие из тех лучей вечной красоты, которые действительно каждый миг мирадами играют перед нами, но которые, врозь не собранные и не отраженные художником, едва видны нашему близорукому глазу. Таков наш Пушкин. Второй тип характеризуется врожденной дисгармоничностью, разладом между собственным сознанием и космическим разумом. Это — люди с неприспособленной к миру психикой, вечно несчастные этой своей неприспособленностью; в их душе неистребимо живет сознательное или бессознательное представление о мире таком, каким он должен быть и каков он не есть, и чувства их улавливают в мире лишь те черты, которыми он уклоняется от этого идеального образа. Если такой человек — поэт, то его творчество становится отрицательным полюсом мировой гармонии, так сказать, фокусом мировых диссонансов. Таков наш Лермонтов. Каждый художник может быть подведен под одну из этих категорий, и трудно спорить, какая из них в искусстве больше служит человечеству: обе, хотя разными путями, ведут его туда, где сияет недостижимый храм ничем не омраченной красоты, ничем не возмущенной радости. Ибо искусство не имеет другого предмета, как мировая гармония и стремление к ней", — так выразил М.О. Гершензон идею о различии мироощущения у людей [цит. по: Никитин, 1981, 69—70].

Хотя исходное мироощущение человека и является врожденным, но образ мира, составляющий ядро картины мира, нельзя признать таковым. Он формируется у человека в процессе всей его жизнедеятельности, в ходе всех его контактов с миром и на базе самых разнообразных его способностей. На картины мира влияет сфера деятельности субъекта, внося в нее определенные профессиональные черты, свои глубины и свои деформации. Картины мира философа, ученого, художника и композитора будут разительно отличаться друг от друга по тину проработки и представления исходного образа мира.

Роль субъективного фактора в создании картины мира можно проследить на материале создания философских картин мира. "Философские системы, — пишет С. Радхакришнан, — это различные способы, посредством которых ум человека откликается на проблемы мира в соответствии со своим специфическим устройством" [Радхакришнан, 1956, 28]. К таким извечным проблемам мира он относит проблемы бога, свободы и бессмертия. Каждая философская система отвечает на вопросы, поставленные эпохой, в рамках этих грандиозных проблем. Но ответ на них

даже в пределах одной и той же исходной интуиции бытия может быть дан в разной форме, которая определяется тем, через какую базисную человеческую способность — ум, чувство, волю — осуществляется в актах мировидения интерпретация исходной интуиции бытия. Для рационалистов такой призмой мировосприятия является разум, для эмпириков — чувство, для волюнтаристов — воля⁴. Для Гегеля мир — это абсолютизированное понятие, для Шопенгауэра — воля. "...те, кто не удовлетворен постигаемым интуицией бытием и желает иметь синтез, допускающий бытие, постигаемое мыслью, которая имеет естественную склонность к конкретному, тяготеют к системе объективного идеализма. Объективные идеалисты пытаются соединить в едином божестве два понятия — чистого бытия и видимого становления... все логические догматики, верящие в силу мысли, приходят к подобной концепции мира", — пишет Радхакришнан [там же, 26—27].

В каждой оригинальной философской концепции, развертывающей определенную картину миропонимания, можно заметить эффект преобладания какой-либо одной из этих естественных природных призм, бессознательно избранных для получения образа мира. Но природа позаботилась о равномерном разбросе природных склонностей людей, чтобы целостный образ мира у человечества в принципе был реализованным. И в истории философии намечено величайшее разнообразие философских систем, реализовавших целостное мировидение в самых различных аспектах. Гармоничные натуры, обладающие более адекватным мировосприятием, с помощью всех своих разнообразных способностей, часто могут сообщить о мире меньше, чем односторонне, т.е. через одну призму, видящий мир оригинальный мыслитель. Общая картина мира коллективного субъекта и должна, впитав остроту одностороннего видения мира какого-либо субъекта, в итоговом синтезе снять эти односторонности в едином изображении. Подлинно адекватный глобальный и целостный образ мира может создать только коллективный субъект в процессе всестороннего постижения внешнего мира, создавая общую картину мира, в которой снимаются все нюансы индивидуального мировосприятия.

Наличие множества картин мира, воплощающих различные мировидения людей, есть не субъективная прихоть истории, а ее объективная необходимость. Какие же бывают картины мира и как их можно исчислять? Каковы формальные признаки, которые могут быть положены в основание такого исчисления для создания типологии картин мира?

В деятельностно-эргонном представлении картина мира есть некий результат построения субъектом образа мира с помощью определенных средств. Энергетическое понимание картины мира снимает в себе эргонное изображение как свой момент. В основу исчисления картин мира может быть положена деятельностная категориальная парадигма:

- 1) субъект картины мира (ее "деятель", "кто"), изображающий;

⁴ Аналогичная ситуация возникает и в случае создания художественных картин мира. "Белый, человек очень тонкой, рафинированной натуры, — писал М. Горький, — это писатель на исключительную тему, существо его — философствующее чувство. Белому нельзя подражать, не принимая его целиком, со всеми его атрибутами как некий своеобразный мир, как планету, на которой — своеобразный растительный, животный и духовный миры" [На рубеже веков, 1983, 245].

2) предмет картины мира (ее объект, "что"), изображаемое;

3) результат деятельности (сам образ), собственно картина.

В строгом смысле слова, существует [столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром. (Субъектом картины мира, смотрящим на мир и изображающим свое видение, могут быть: 1) отдельный человек (эмпирический субъект), 2) отдельная группа людей (сообщество), 3) отдельный народ (народы), 4) человечество в целом.

При создании философских картин мира философы прибегают к понятию трансцендентного субъекта. Предполагается, что на уровне трансцендентного субъекта все индивиды достигают освобожденности от своей индивидуально-психологической "партикулярности" (трансцендирование — это и есть выход за пределы собственной ограниченности).

Каждый "смотрящий" (индивидуальный или коллективный, собирательный, субъект) может быть учтен и рассмотрен в классификации картин мира в двух его аспектах — во вневременном плане его мировидения или же во временном — в момент его конкретно-исторического мировидения. Каждый из перечисленных субъектов картин мира в метаописании предстает как идеальный тип, абстракция, равным образом как и приписываемая ему реконструируемая картина мира. Эту мысль особо подчеркивает А.Я. Гуревич: «употребляемое нами понятие "человек средних веков" есть абстракция... Рисуемая нами "модель культуры" — скорее "идеальный тип", нежели по возможности точное воспроизведение действительности» [Гуревич, 1972, 20–25].

Существует несколько качественно различных типов субъектов картин мира: взрослые и дети; лица психически нормальные и лица с нарушениями в психике; люди современной цивилизации и люди архаического миропонимания. Соответственно выделяются три принципиально различных типа картин мира:

1) картина мира взрослого человека и детская картина мира;

2) картина мира психически нормального человека и психопатологическая картина мира;

3) "цивилизованная" картина мира и архаическая.]

Мысль о существовании различных субъективных миров хорошо выразил С.И. Вавилов: "И в наше время рядом с наукой, одновременно с картиной явлений, раскрытой и объясненной новым естествознанием, продолжает бытовать мир представлений ребенка и первобытного человека и, намеренно или ненамеренно, подражающий им мир поэтов. В этот мир стоит иногда заглянуть, как в один из возможных истоков научных гипотез. Он удивителен и сказочен; в этом мире между явлениями природы смело перекидываются мосты — связи, о которых иной раз наука еще не подозревает. В отдельных случаях эти связи угадываются верно, иногда в корне ошибочны и просто нелепы, но всегда они заслуживают внимания, так как эти ошибки нередко помогают понять истину" [Вавилов; 1976, 3].

~~Строго говоря, существует столько картин мира, сколько имеется "призм" мировидения.~~ Человек смотрит на мир не только сквозь призму своего индивидуального опыта, но прежде всего через призму общественного опыта. На это обращает внимание Х. Ортега-и-Гассет: "С момента появления на свет мы живем, погружаемся в океан обычаев, именно они —

первая наиболее сильная реальность, с которой мы встречаемся; они являются *sensu stricto* нашим окружением, или социальным миром, тем обществом, в котором мы живем. Через этот социальный мир, или мир обычаев, мы и видим людей и мир предметов, видим Универсум" [цит. по: Зыкова, 1978, 144].

В каждой самостоятельной сфере общественного сознания — мифологии, религии, философии, науке — существуют свои особые средства мировосприятия, свои "призмы", через которые человек видит мир. Итогом такого мировидения и являются соответствующие картины мира — мифологические, религиозные, философские, научные.

Собственно говоря, существует столько картин мира, сколько имеется "миров", на которые смотрит наблюдатель. Под словом *мир* понимается обычно совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве, вселенная или ее отдельная часть, планета, а также отдельная область явлений. Синонимами слова *мир* выступают действительность, реальность (объективная), бытие, природа и человек.

В картинах мира речь может идти о мире в целом (целостная картина мира) или о фрагменте мира (локальная картина мира) } об определенном срезе или аспекте его. Примерами целостных картин мира являются мифологические, религиозные, философские, а из числа научных картин мира — физическая картина мира. Примерами картин второго типа — большинство частнонаучных картин, дающих модель фрагмента универсума, фрагмента, составляющего предметную область соответствующей науки.

Список частнонаучных картин мира продолжает расти. В настоящее время в него включаются такие картины, как: 1) физическая, 2) химическая, 3) биологическая, 4) геологическая и геонимическая, 5) техническая (научная картина техносферы), 6) социологическая, 7) системная, 8) кибернетическая, 9) информационная, 10) экологическая, 11) математическая и др.

Безудержное возрастание частнонаучных картин мира, наблюдающееся в настоящее время в науке, грозит девальвировать само понятие картины мира, вызвать размывание его границ. Эта ситуация приводит к вопросу о том, существуют ли эти многочисленные частнонаучные картины мира. Имеется два типичных решения этой проблемы. Первое решение предлагает В.С. Степин [НКМ, 1983₁]. Он считает, что все частнонаучные картины мира имеют статус реальности, но те картины, которые отражают локальный фрагмент мира, лучше называть не картинами мира, а картинами исследуемой реальности. Второе решение принадлежит Л.Б. Баженову [НКМ, 1983₂, 10]. Он считает неверным предполагать, что существуют различные частнонаучные картины мира, синтез которых дает естественнонаучную картину мира. Подлинной картиной мира Л.В. Баженов считает только физическую картину мира. Физическая картина мира в своих разновидностях — механическая, электромагнитная, релятивистская, квантово-релятивистская — может быть подлинной картиной мира именно потому, что физика изучает наиболее фундаментальный уровень материальной организации мира, который определяет собой все другие вышележащие уровни. Биологическая и кибернетическая картины мира могут стать подлинными картинами мира, если биология или кибернетика приобретут более фундаментальный статус, представляя мир в целом и все материальные образования в нем как органические образования или же как самоорганизую-

шиеся и самоуправляющиеся системы. Картины мира такого типа уже существовали в истории человеческой мысли, считает Баженов, но были преодолены физической картиной мира.

Аспект и фрагменты целостного универсума иногда именуют отдельными "мирами", говоря о картине микромира, макромира, мегамира. В некоторых работах предпринимаются попытки связать число частных "миров" с уровнями организации материи, выделяя в качестве самостоятельных образований: мир тяготения (галактические, звездные, планетарные процессы), мир ядра (лептонные, адронные, внутриядерные процессы), мир электромагнетизма (внутриатомные, химические, молекулярные процессы), мир живой природы (организменные, популяционно-видовые, биоэкологические процессы), мир человеческого общества (процессы взаимодействия людей с миром и между собой) [НКМ, 1983₂, 7].

В качестве третьего признака, по которому различаются картины мира, можно признать тип изображения на самой картине, технику ее исполнения, характеризующиеся следующими особенностями: 1) одинаковыми ли "глазами" их субъекты смотрят на мир; 2) с одной ли точки пространства субъекты картины смотрят на мир; неподвижна ли она или эта "точка зрения" перемещается за изображаемым; 3) с одинаковой ли глубины (высоты) смотрят они на мир или с разного расстояния до мира; 4) изображают ли они мир гомогенно или гетерогенно, т.е. ритмично, с одинаковой проработанностью всех частей или с немотивированной акцентуированностью лишь некоторых частей.

Аналогами этих вопросов в искусстве являются проблемы плоскостности и глубинности, прямой и обратной перспективы, воздушной и цветовой перспективы, проблема "лягушачьей" точки зрения или точки зрения с высоты "птичьего полета", проблемы статики и динамики, тектоники и разрешающиеся на сопряжении двух установок — изобразительной и выразительной [КСЭ, 1983, 131, Пространство художественное; см. также: Раушенбах, 1980; Жегин, 1970].

Как известно, «все многообразие стилей, известных в истории искусства, располагается между двумя полюсами — натуралистическим иллюзионизмом, который пытается адекватно передать в искусстве пространственные отношения природы, исключая какую-либо их художественную трансформацию, и абстракционизмом (геометрическим или ташистским), который, напротив, отрекается от объективных пространственных отношений реальности во имя свободного выражения "чувства пространства", присущего художническому мировосприятию» [КСЭ, 1983, 131]. Описанная ситуация характерна и для формирования картин мира. По технике представления образа реальности картины мира распадаются на две большие группы — картины, где представлен преимущественно рационально обработанный образ мира, и картины, где представлен картинно-образный облик мира. Рационально обработанные картины мира могут различаться по типу категориальной парадигмы, используемой в качестве средства теоретической рационализации образа мира. Так, различают функциональные картины мира, информационные, теоретико-вероятностные и др.

Художественные изображения могут различаться тем, где художник располагает смотрящего — вне картины или в ее рамках. Первый случай, когда созерцатель смотрит на изображаемое, является наиболее распространен-

ным в живописи. Вторую возможность являет собой иконопись. В иконе, предназначенной для визуального восприятия, преобладает взгляд "от персонажа", а не "от зрителя" что определяет разделение частей иконы как правой или левой [Успенский, 1973, 138; Раевский, 1985, 232].

При концептуальном моделировании мира первый случай может быть проинтерпретирован как развертывание картин мира по принципу субъектно-объектного отношения, характерного, например, для науки: естествоиспытатель созерцает противостоящую ему природу. Второй случай соответствует мировосприятию, при котором человек ощущает себя частью космоса, а не противостоящей ему силой, направленной на его преобразование.

Некоторые философские картины мира построены по принципу присутствия "абсолютного глаза". К ним относится концепция атеистического экзистенциализма Ж.П. Сартра. Анализируя ее методологические основания и содержание, Л.И. Филиппов пишет: «Вся идеологическая конструкция Сартра рухнула бы, если бы модель мира, в которой действует экзистенциальный человек, не включала бы в качестве негативного определителя "абсолютный глаз" — бога как причину и источник "изначального стыда" и доведенного до предела понятия "инаковости другого". Безрелигиозному сартровскому человеку бог нужен хотя бы для того, чтобы, отрицая его, утверждать свою собственную субъективность» [Филиппов, 1977, 206].

Этот третий признак классификации картин мира поднимает связанный с ним вопрос о том, каких картин мира не бывает. Очевидно, не бывает картин мира полностью неантропоморфных, внечеловеческих, так как картины мира есть всегда картины, увиденные глазами человека. Это не "окна" в мир, а именно картины: не бывает картин, которые бы совсем не выражали ничего существенного в мире, и не бывает картин, противоречащих законам мышления и мира (мы исключаем случаи полной патологии). Картины мира не могут состоять из одних ошибок, в них всегда есть доля истинного мировидения, проявляющегося хотя бы в структурировании ими "видимого" мира. Перефразируя слова немецкого историка прошлого столетия Л. фон Ранке: "каждая эпоха находится в непосредственном отношении к богу" [цит. по: Гуревич, 1972, 6], можно сказать, что каждая картина мира особым образом предстает истине и содержит в себе ее частицы. "...Истина многогранна, и... различные воззрения представляют собой лишь различные стороны истины, которая не может быть выражена полностью", — пишет С. Радхакришнан [Радхакришнан, 1956, 36]. "Никто не может обладать всей истиной. Она может быть добыта лишь постепенно, по частям и лишь на время" [там же, 97]. "Абсолютное никогда не может стать объектом познания, ибо то, что известно, является конечным и относительным" [там же, 23].

Невозможность сведения картин мира к их редуцированным вариантам

Общая картина мира является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной из ее сторон — чувственных форм отражения (восприятия, представления, созерцания, воображения) или понятийной (сознания, бессознательного или сверхсознательного моментов рабо-

ты человеческой психики [о подсознании и сверхсознании см.: Симонов, 1983]). "Мир человеческого духа" потерпел бы крушение с исчезновением хотя бы одного из главных составляющих сферы человеческого сознания — познавательного, нравственного и эстетического компонентов. Каждая из сфер сознания в настоящее время располагает особой специализированной отраслью духовного производства: в познавательной сфере такой отраслью является наука, в нравственной — мораль и право, в эстетической — искусство [Никитин, 1981, 6]. Несводимость человеческого духа к своим основным началам означает в свою очередь, что целостный образ мира, формируемый человеком в процессе своей жизнедеятельности, не может быть сведен к редуцированному образу мира, формируемому в одной из этих специализированных отраслей духовного производства. Ведь образ мира, формируемый в каждой из областей человеческой деятельности, есть отражение реальности через определенную призму мировидения, имеющую свой особый угол зрения.

Наука в ее классическом варианте восприняла идею эпохи рационализма о наличии в мире вневещного естественного порядка и бесконечной причинной цепи событий, а также предположение о непрерывности, однородности и контролируемости познающим субъектом опыта как источника достижения истины [см.: Мамардашвили и др., 1972, 37–39]. Из научного образа мира исключаются явные эмоциональные оценки событий в мире. "Чистая" наука в ее идеале не признает живописности, картинности, эмоциональности в представлении мира. По образному выражению В. Виндельбанда, "наука статична и холодна; она послушествует законченному и механическому пространственно-временному миру, она — его отвлеченная копия и аналитически продуманная картина" [Виндельбанд, 1904, 101]. Говоря о "мире", который "воздвигает" естествознание, Виндельбанд замечает: "Как бы наглядны ни были его исходные точки, его познавательной целью служат теории, которые в конечном счете сводятся к математическим формулам законов движения: в чисто платоновском духе игнорирует оно как бессознательную видимость отдельную преходящую чувственную вещь и стремится к познанию закономерной необходимости, которая с вневременной неизменностью царит над всем совершающимся. Из сияющего красками мира чувств она приготовляет систему абстрактных понятий, в которых она старается постигнуть истинную, скрывающуюся за явлениями сущность вещей, мир атомов, бесцветный и беззвучный, лишенный земного запаха чувственных качеств: это есть триумф мышления над восприятием. равнодушное ко всему преходящему, естествознание забрасывает свой якорь только в вечно неизменное и пребывающее; не изменчивое как таковое ищет оно, а только неизменную форму изменения" [там же, 325–326].

Действие ограничивающей призмы с ее специфическим углом зрения начинается уже с первого акта миропостижения — задания реальности, в пределах которой начинает разворачиваться глобальный образ мира. В науке такие реальности, как уже отмечалось, выделяются по типу наук — физическая, биологическая и т.д. Аналогичные реальности — эстетические — создаются в искусстве. Они представляют собой объективную реальность, преломленную определенным образом в сознании художников. При значительном коэффициенте преломления возникают и значительно "деформированные" эстетические реальности. Призмы мировидения неравноценны

с точки зрения своей эвристики и антиэвристики, т.е. способности пропускать сквозь себя определенные свойства мира. При этом возникают следующие вопросы: какие свойства мира теряются при отображении его в соответствующей картине мира, что привносится в мир человеком при восприятии мира через определенные призмы, каковы мир и жизнь в объективно-субъективных "реконструкциях" науки, искусства, мифологии?

Редукция мира при создании глобального образа мира в специализированных отраслях духовного производства (наука, искусство и т.д.) проходит по двум параметрам — "экстенсивности" (отображение мира или его части) и "интенсивности" (отображение через определенную смысловую "сетку координат", имеющую всегда ограниченный характер). Объект общей картины мира есть мир в целом, вся объективная реальность, а не отдельная часть или аспект действительности. Ни одну из существующих или существовавших общих картин мира нельзя квалифицировать как чисто научную картину мира, например как физическую (механическую) картину мира. Частнонаучные картины мира в состоянии высвечивать лишь какой-либо один фрагмент объективной действительности, составляющий предметную область соответствующей частной научной дисциплины. Ни одна из созданных в науке картин мира не отображает мир в целом, даже наиболее общая из них — физическая картина мира.

Учитывая эту ситуацию, в методологии науки сциентистской ориентации выдвигается тезис о том, что мир в целом может быть отображен в общенаучной картине мира, которая возникает в итоге синтеза частнонаучных картин мира. Существование же частнонаучных проекций мира рассматривается как закономерное следствие диалектического развития естественных наук, исключающего на высших уровнях абстрактного представления мира резкие разграничительные линии и предполагающего взаимопереход между различными сферами науки [НКМ, 1983, 1, 122].

Если кратко резюмировать ситуацию о научной картине мира в ее претензии задать глобальный образ мира и стать подлинной общей картиной мира, то можно отметить следующее. Как ни велик удельный вес научного материала в современной общей картине мира, она не становится общенаучной картиной мира и не приобретает ее черты. Но, может быть, это связано только с современным состоянием науки и преодолимо в будущем? Может быть, эта ситуация связана не с принципиальной неспособностью науки задать общую картину мира, а лишь с современным, преходящим ее состоянием? На этот вопрос в методологии науки и в опытах внутринаучной рефлексии в рамках самой науки были даны два ответа — "оптимистический" и "пессимистический".

Представители первой точки зрения считают, что наука сможет осуществить свою миссию целостного видения реальности в будущем, когда в ней возобладает тенденция к единству научного знания. Научная картина мира, как комплексная теория мира в целом, скорее принадлежит будущему, чем настоящему [НКМ, 1983, 1, 6].

Сторонники второй точки зрения утверждают, что интегративным процессам в современной науке (междисциплинарные контакты, возникновение комплексных и региональных дисциплин) противостоит столь же мощная тенденция к дифференциации, проявляющаяся в возникновении новых дисциплин и направлений, ситуация выбора альтернативных теорий и др.

Единство научного знания — это не реальная возможность, а идеал, постоянно отодвигаемый в неопределенное будущее при пересмотре оснований научного знания. В науке непрерывно возобновляется и непрерывно воспроизводится на новом уровне ситуация раздробленности, фрагментарности, незавершенности частных теоретических моделей. Поэтому научное объяснение в целом — это не единая система (а тем более картина), а "подвижная мозаика, отдельные элементы которой то рассыпаются, то собираются вновь" [НКМ, 1983₂, 47–48]. Наука способна создать не картину, дающую целостное отражение мира, а в лучшем случае только метатеорию как разновидность комплексной теории, синтезирующей результаты частных научных дисциплин. Научная картина мира может рассматриваться лишь как потенциальный компонент общей картины мира, создаваемой не исключительно наукой, а формируемой на основе фундаментальных образов деятельности при участии обыденного (дотеоретического), мифологического и художественного сознания путем ассимиляции результатов познания, полученных во всех областях человеческой деятельности.

В основе современной "онаученной" картины мира лежат идеи А. Эйнштейна об относительности пространства и времени, идеи В.И. Вернадского о ноосфере и биосфере, идеи К.Э. Циолковского о космическом переселении людей, мысли А.Л. Чижевского о связи солнечной радиации и скрытых физиологических процессов на Земле. В рамках науки разработаны гипотезы, которые в случае их подтверждения способны коренным образом изменить научную картину мира и повлиять на изменение общей картины мира. К их числу относится гипотеза тахионов в физике, претендующая на изменение представлений о границе скоростей в микромире. В соответствии с этой гипотезой микрообъекты распадаются на три группы: тардионы, скорость которых оказывается меньше скорости света ($V < C$), люксоны, скорость которых равна скорости света ($V = C$), тахионы, скорость которых больше скорости света ($V > C$) [НКМ, 1983₂, 15].

Современная наука открыла "новые миры", которые частично проникли уже и в общую картину мира. К таким "мирам" относятся элементарные частицы, плазма, лазеры, нелинейность, квазары и аттракторы в математике, гравитационные линзы, реликтовые излучения, квазары в астрономии, движение континентов в современной геологии, молекулярная биология и новые эволюционные представления в современной биологии.

В процессе движения из специальной научной картины мира в общую картину мира часть знаний искажается, мифологизируется, мистифицируется, обрастает предрассудками обыденного сознания, приобретая часто несвойственный им смысл.

В отличие от науки создающий "мир" искусственно сконструированных идеальных абстрактных объектов, формирующих модель реального мира, искусство, религия и их общий генетический источник — мифология представляют реальность в "реальноподобных формах" с помощью деятельности воображения, не абстрагирующей от конкретности бытия [Каган, 1985, 97]. Но искусство не может претендовать на создание общей картины мира вследствие своего субъективного характера и, следовательно, принципиальной недостижимости независимого от ценностно-мировоззренческих установок художника мировидения. «Художественный образ, — пишет П. Налневский, — есть не "сочетание и сосуществование" познания и оценки,

а их истинно органическое единение, более "плотное" даже, чем сочетание атомов кислорода и водорода в молекуле воды; поэтому познание как таковое и оценка как таковая отличаются еще больше, чем кислород и водород от воды» [ТЛ, 1962, 116, 106–107]. Искусство в состоянии скорее создать адекватную картину не внешнего мира (хотя и здесь оно, сливаясь с философией и мифологией, способно достичь известной адекватности миропонимания), а картину субъективных миров – внутренней духовной жизни человека во всей ее целостности и полноте.

Художественные образы мира, как и научные, охватывают мир также лишь в определенных аспектах, а не мир в целом, обладающий бесконечным разнообразием. Художественно-музыкальная картина мира⁵, имитирующая ритмику мира, воспринимает мир так же односторонне, как и физическая картина мира, моделирующая мир в виде абстрактных объектов – волн, кварков и виртуальных частиц. И мир, открывшийся музыканту, и мир, открывшийся физика, это не отдельный где-то существующий автономный мир, а всего лишь аспект реального бесконечного единого мира, на который с других позиций смотрят поэт, математик и человек, занятый предметно-практической деятельностью.

Философия, задавая свою картину мира, исходит из опыта вторичной рефлексии мироощущения человека. Она во многом рационализирует интуиции обыденного сознания, отразившиеся в языке как первом опыте рефлексии над человеческой жизнедеятельностью, а также эксплицирует глубинное мироощущение человека непосредственно, не опираясь на языковую рефлексию. Философская картина мира всегда имеет умозрительно-отвлеченный характер. Философия, как бы "конкретна" она ни была, всегда есть некоторое разумное построение, которое «не хочет быть настолько "конкретной", чтобы заменить саму действительность» [Лосев, 1930₂, 469].

Метафору об умозрительном характере философии наиболее наглядно являет собой феноменология, ориентирующаяся на раскрытие первоначального знания вещей как их определенной осмысленности. Феноменология претендует на адекватное "узрение вещей" – узрение их в эйдосе. В интерпретации А.Ф. Лосева она есть "осознание умом смысловой структуры слова, независимо от характера этой структуры и от характера слова ... Она не наука ... поскольку и физическое зрение еще не есть ни наука, ни метод. Но физическое зрение видит предмет во всей его случайной пестроте данного момента, а феноменологическое зрение видит его смысловую структуру, независимую от случайностей и пестроты, и во всех этих случайностях и пестроте пребывающую неизменной и самотождественной" [Лосев, 1927₂, 211].

Если в своих развитых формах научное, философское, мифопоэтическое и художественное мышление действительно весьма отличаются друг от друга, то на крайних полюсах духовной активности человека – в ее неразвитом состоянии и на вершинах человеческого духа – эта граница между ними размывается.

Стремясь передать целостность постигаемого мира, люди прибегали к синкретическим способам отображения мира. Так, в античности пифагорей-

⁵ Различные аспекты художественной картины мира рассматриваются в кн.: [Художественное творчество, 1986].

цами было создано учение о музыкально-математическом устройстве космоса – музыкальном звучании планет (музыка сфер, или гармония сфер) в рамках геоцентрических представлений Птолемея и других астрономов. Пифагорейцы считали всю Вселенную гармонией и числом [ФЭС, 1983, 101–102]. В наши дни художник и музыкант М.К. Чюрленис, создатель живописных сонат и прелюдов-фуг, пластически воплощает свой образ мира через поиски ритмико-цветовых соотношений, через музыку красок. Творчество Чюрлениса, пишет Вяч. Иванов, "есть опыт синтеза живописи и музыки; попытка без сомнения непреднамеренная, наивная, все же проведенная с тою бессознательною закономерностью, которая составляет постоянное свойство истинного дарования" [Иванов, 1914, 6]. В произведениях Чюрлениса, в которых значительное место занимают космогонические мотивы, неразрывно сливаются разнообразные импульсы фантазии и интеллекта, не определимые в рамках одного лишь рационального замысла [Ландсбергис, 1973, 7]. Творчество М.К. Чюрлениса, писал критик В. Чудовский, есть "зрительное откровение прекрасного гармоничного мира, вечной беспредельной жизни. И светла будет тоска ваша по этому миру, по этой жизни" [Чудовский, 1914, 39]. Работы Чюрлениса, особенно его цикл "Сотворение мира", нельзя рассматривать как иллюстрацию библейских, мифологических или научных представлений. Создав первые 13 пастелей из этого цикла, Чюрленис в письме к брату писал: "...цикл не окончен. У меня есть намерение писать его всю жизнь, – конечно, поскольку будут появляться новые мысли. Это – сотворение мира, только не нашего, по Библии, а какого-то иного, фантастического. Я бы хотел создать цикл не менее чем в 100 картин" [цит. по: Ландсбергис, 1973, 7].

Итак, целостный образ мира создается человеком в практике его разнообразных контактов с миром при участии всех форм сознания – дотеоретического (обыденного), теоретического (научного и философского) и внетеоретического (религиозно-мифологического и художественного). Если общая картина мира не может быть воссоздана во всей ее полноте и целостности в рамках одной из форм сознания человека, естественно возникает вопрос о совместимости результатов миропостижения, полученных в различных областях человеческой деятельности.

Не рассматривая этого вопроса в общем виде, обратимся к реальной практике построения общей картины мира на основе синтеза отдельных представлений. Примером совмещения теоретического и художественного мировидения могут служить различные античные учения о строении космоса. Опыт совмещения философских и научных подходов при создании единой картины мира человека представлен в концепции исторического материализма. Гомер в своем мировидении совмещал мифопоэтическое и художественное мышление, Платон – мифопоэтическое и философское мировидение. "Исторически научное знание вступало в самые различные – и порой весьма неожиданные – отношения с мифологической, религиозной и художественными формами сознания ... Прежде чем появилась математика как теоретическая система, возникло учение о числе как некотором божественном начале мира" [Гайденок, 1980, 29]. Согласно космологическим представлениям ранних пифагорейцев, "мир вдыхает в себя окружающую его пустоту, и таким образом в нем возникает множественность вещей" [там же, 30].

Различные культурно-исторические эпохи дают различные разрешения и запреты на комбинирование слоев знаний, полученных в разных сферах духовной деятельности человека. Так, научное естествознание, отпочковываясь от схоластики, первое время сохраняет теологический облик [Косарева, 1977, 51]. Впоследствии, когда такая прямая связь разрушилась, остались косвенные контакты между наукой и теологией, проявляющиеся, в частности, в том, что наука черпала из теологии свои метафоры. Например, И. Кеплер, который близко подошел к формулированию закона всемирного тяготения, видел в природе гравитации аналогию проявления любви. Его метафора в свою очередь явилась трансформацией более древнего представления о заполненности пространства любовью бога ко всему миру [Bronowski, 1978, 63; Гусев, 1984, 145].

Итак, в разных сферах духовного производства человеком были выработаны разные образы мира. Возникает вопрос, в каких отношениях друг с другом они находятся, рядоположены ли они. Теоретически между ними возможны отношения исключаемости, дополнительнойности, преемственности. Эти картины могут быть сняты в целостном изображении при синтезе единой картины мира.

Проблема единства картины мира у человека при многовариантности путей ее созидания у отдельных субъектов (коллективных и индивидуальных), или, в другой терминологии, проблема инвариантного образа мира через синтез своих вариантов, является одной из самых дискуссионных. "Вопрос, может ли возникнуть одна универсальная целостная картина бытия, проблематичен. Скорее всего [отношение между различными типами представлений реальности строится по принципу дополнительнойности, которое и обеспечивает внутреннюю целостность мировоззрения]" — пишет А.И. Цофнас [НКМ, 1983₂, 92]. Достижим ли синтез всех миропредставлений в рамках единого целостного нередуцированного представления мира, неясно. Скорее всего недостижим. Опыт же частичного синтеза отдельных представлений в истории культуры имеется. В методологии науки [Schedrovitsky, 1971] разработаны процедуры конфигурирования, или синтеза представлений, на основе техники системного мышления. Для современной науки типичной является ситуация "выбора теории", когда, по словам В.С. Степина, "один и тот же тип картины мира представлен в форме конкурирующих и альтернативных друг другу представлений о физическом мире и когда одно из них в конечном итоге побеждает в качестве истинной картины мира" [НКМ, 1983₁, 25]. Примерами этой ситуации может послужить борьба ньютоновской и декартовской концепций природы как альтернативных вариантов механической картины мира, а также двух направлений в развитии электродинамической картины мира — исследовательских программ Ампера—Вебера и Фарадея—Максвелла.

Методологическое осмысление ситуации многовариантности созданных картин мира при необходимости существования единой картины мира у человека поднимает прежде всего ряд вопросов: 1) до какой степени возможно и целесообразно сведение вариантов картин мира к некоему единому инварианту? 2) насколько возможен и перспективен синтез этих инвариантов в рамках единой общей картины мира? 3) какие картины мира возможно свести к отношению "вариант — инвариант", а какие к отношению "инвариант — инвариант"? 4) к какому отношению можно свести в

первую очередь картины мира у одного и того же индивида в течение различных периодов его жизни? По-видимому, в последнем случае картины мира можно по образцу фонологии квалифицировать как диахронические варианты одной и той же единицы — личной картины мира человека. В науке считаются вариантами одной и той же картины мира будут случаи альтернативного представления одного и того же фрагмента реальности. Картины мира, выработанные в различных формах сознания, — научные картины мира, религиозные, философские, художественные, — очевидно, разумно не квалифицировать как варианты одной и той же единицы (картины мира), а целесообразно рассматривать как инварианты. Неоправданной абстракцией было бы считать, что у человечества есть единая картина мира, а все конкретно-исторические преходящие картины мира квалифицировать как ее варианты.

Следующие вопросы, которые возникают в связи с ситуацией множественности миропредставлений, касаются определения того, как справляется человечество с ситуацией "картина мира — картины мира" в актах своей рефлексии и на практике, расценивается ли эта ситуация как аномальная или же, напротив, как нормальная, и делаются ли попытки к ее разрешению.

В рамках науки ситуация "выбора теории" и смены картин мира рассматривается как закономерный путь движения науки от относительной истины к абсолютной.

В философии синтетические концепции, снимающие односторонность частных философических видений — рационализма, волюнтаризма, иррационализма и др., — малопопулярны. Одна из немногих попыток в этом направлении принадлежит французскому философу А. Фулье, который приходит к мысли о необходимости объединить и примирить противоположные точки зрения во внешнем синтезе путем обнаружения общего в различных философских системах и нахождения связующих звеньев между разнородными идеями [ФЭ, 1970, т. 5, 417].

Религия в целом не стремится к синтезу глобальных мировидений — христианства, ислама, иудаизма, при том, что в рамках каждого из них не исключаются интегративные процессы, примером которых могут служить экуменические движения по объединению христианских вероисповеданий (конфессий). Некоторое исключение на общем фоне автономности глобальных религиозных мировидений составляет теософская доктрина с ее попыткой построения "универсальной религии", не связанной с определенной догматикой.

Идея достижения единого "всеобщего" языка в свете общих идей лингвистики, базирующейся на антропологических началах, представляется лингвистической утопией, а точнее — дистопией. Практическое осуществление подобного проекта было бы губительным для человеческого духа. С вульгарно-социологических позиций идея единого общечеловеческого языка развивалась Н.Я. Марром: "Как человечество от кустарных, разобшенных хозяйств и форм общественности идет к одному общему мировому хозяйству и одной общей мировой общественности в линии творческих усилий трудовых масс, так и язык от первичного многообразия гигантскими шагами продвигается к единому мировому языку" [цит. по: Сवादост, 1968, 184]. Идея единого общечеловеческого языка развивалась им в рамках концепции "пирамидальности всемирной языковой эволюции". "По

яфетическому языкознанию, — писал Марр в 1924 г., — зарождение, рост и дальнейшее или конечное достижение человеческой речи можно изобразить в виде пирамиды, стоящей на основании. От широкого основания, именно праязычного состояния в виде многочисленных моллюскообразных зародышей-языков, человеческая речь стремится, проходя через ряд типологических трансформаций, к вершине, т.е. к единству языков всего мира” [там же, 187]. Концепция возникновения общечеловеческого языка Марра, именуемая им “яфетической пирамидой”, противопоставлялась у него теоретическим компаративистским построениям индоевропейцев, у которых такая пирамида располагается вершиной вниз: от единого прапраязыка к нескольким праязыкам и далее ко все большему многообразию языков.

Идея возможности и необходимости создания единого языка человечества, вытесняющего все многообразие живых языков, в наше время — теоретический анахронизм. Ее разделяют только отдельные авторы [Свадост, 1968, 212].

Факт языкового многообразия по-разному расценивается в духовной культуре общества — как падение, губительное для человечества, или, напротив, как благотворный для него фактор. Первая точка зрения была высказана в теории божественного происхождения языка (теории “откровения”), вторая является ведущей в современных концепциях языка. Выражая первую точку зрения, К. Аксаков писал: “Тот язык, которым Адам в раю назвал весь мир, был один настоящий для человека; но человек не сохранил блаженного единства первоначальной чистоты для того необходимой. Падшее человечество, утратив первобытное и стремясь к новому высшему единству, пошло блуждать разными путями; сознание, одно и общее, облеклось различными призматическими туманами, различно преломляющими его светлые лучи, и стало различно проявляться”. Приведя это высказывание Аксакова, А. Потебня заметил, что само раздробление языков с точки зрения истории языка не губительно, а полезно, потому что, не устраняя возможности взаимного понимания, дает разносторонность общечеловеческой мысли. Притом, медленность и правильность, с которою оно совершается, указывает на то, что искать для него мистического объяснения было бы так же неуместно, как, например, для изменений земной коры или атмосферы” [Потебня, 1913, 6–7].

Синтезированная картина всех исторически конкретных, преходящих картин мира, полученных в разных сферах духовного производства, очевидно, не может считаться идеалом для человечества; такая картина оказалась бы противоречивой. Существование различных мировидений, как мы попытались показать вначале, — конститутивная черта человека, стоящего перед “лицом” бесконечного мира, целостный образ которого вырабатывается самим человеком в процессе всестороннего постижения им мира. Человек, очевидно, не сможет преодолеть многообразия картин мира, как бы он ни пытался сократить видимое многообразие мировидений, сводя их к инвариантам.)

Картина мира включает в себе глобальный образ мира. С семиологической точки зрения во всяком образе как семиотическом объекте можно выделять его содержание и форму, содержательные свойства и формальные. Рассмотрим сначала содержательные (сущностные) свойства картины мира, а затем формальные, учитывая при этом некоторые дополнительные аспекты характеристики свойств картин мира.

Исходным пунктом для понимания природы и сущностных свойств картины мира является тот факт, что она представляет собой создаваемый человеком субъективный образ объективной реальности. Мир бесконечен, а человек конечен и ограничен в своих возможностях миропостижения. Любая картина мира, создаваемая за счет видения мира через определенные интерпретационные призмы, содержит всегда с неизбежностью черты человеческой субъективности, специфичности. Картина мира составляет ядро мировидения человека и несет в себе его основные свойства. Мировоззрение же как тип сознания всегда "бытийно, если угодно, космологично, но эта бытийность, космологичность предполагает обязательно и своеобразный момент антропоморфизма, момент интерпретации природы человеческого существования, вписанного в более широкий контекст мира в целом, космоса, универсума, бытия и подчиненного этому контекста" [Швырев, 1984, 115].

[Базисное свойство] картины мира как ядра мировоззрения заключается в ее космологической ориентированности (она есть глобальный образ мира) при одновременной антропоморфичности (она несет в себе черты специфически человеческого способа миропостижения). Это свойство картины мира отчетливо проявляется в представлениях о мире у пифагорейцев: «Пифагорейцы считали, что бог упорядочил космос сообразно с числами, всякая гармония является божественной и состоит в соотношении чисел. Отсюда следует, что познание числовых отношений открывает секрет миропорядка. Чтобы найти этот "секрет" (инвариантные свойства), числа классифицировались. Выделялись "мужские" (непарные) и "женские" (парные) числа... Особую категорию образуют "дружественные" числа, каждое из которых представляет собой сумму настоящих делителей другого (таковы, например, 284 и 220)... На метауровень мышления были перенесены архаические оценки: выделялись дружественные, приятные, запретные и опасные числа. К числу 17, например, относились с неприязнью, поскольку оно отделяет 16 от 18 — единственные числа, у которых в геометрическом представлении периметр равен площади» [Клике, 1985, 272–273].

Признак антропоморфичности не является глобальной чертой всей картины мира вплоть до ее деталей. При реконструкции картины мира древних славян Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров обращают внимание на разную степень индивидуализированности и антропоморфности элементов разных уровней в реконструируемой системе [Иванов, Топоров, 1965, 187, 190]. Элементы одних уровней, например уровня мифологических или мифологизированных исторических героев, хотя бы в одной из своих ипостасей обязательно антропоморфны. Элементы других уровней могли не иметь такого облика. Так, предок-родоначальник мог быть представлен в виде пучка соломы.

Усвоить, увидеть мир, воспринять, взять из мира объективного или мира субъективного (мира духовной продукции) можно только нечто, соразмерное смотрящему, доступное ему, то, что составляет предмет его интереса и деятельности. Соразмерен ли мир человеку, постижим ли он в целом или лишь в определенных своих слоях? Способен ли человек отразить мир адекватно в своих картинах мира? В философских учениях, резюмирующих исторические решения человеком этих проблем, представлены все возможные случаи движения мысли: 1) мир пронцаем для человека во всех своих слоях (человек в состоянии адекватно отразить его в ходе исторического движения познания); 2) мир пронцаем для человека лишь в отдельных своих слоях; 3) мир непостижим для человека в своей сути и глубине, а человеческое знание есть (с неизбежностью) лишь антропоморфическое видение мира. Один из вариантов первого решения опирается на идею о структурном подобии макрокосма (вселенной) и микрокосма (человека) и о возможности познания макрокосма через познание микрокосма. Эта идея, возникшая еще в рамках мифологического миропонимания, была воспринята в различной форме религией, натурфилософией и наукой. По вопросу о соотношении микрокосма и макрокосма были выдвинуты разные гипотезы. Так, считается, что "человек в процессе длительной эволюции все более оптимально приспосабливается к окружающему миру. Это означает, в свою очередь, что в человеке все более адекватно запечатлевалась структура самого мира" [Ахундов, 1982, 9].

При любом мировоззренческом решении вопроса об истинности человеческого знания предполагается, что картина мира фиксирует мир в форме, доступной для человеческого восприятия.

Но возможно ли человеку выйти из себя, своей формы и увидеть мир "как он есть"? На такой вариант миропостижения претендовала классическая наука, уверенная в своей способности увидеть мир с позиции "божественного наблюдателя". «Для становления классического естествознания, — пишут В.В. Ильин и А.П. Калинин, — характерно было освобождение от всех антропоморфных элементов, в том числе элиминация из своего предмета индивидуально-личностных моментов, которые "замутняли" чистый образ природы» [Ильин, Калинин, 1985, 175]. Современная наука смягчила претензии классической науки на полное исключение субъекта исследования из отображаемой ею картины реальности.

Каковы атрибуты мира вне его восприятия человеком, что привносит человек в образ мира и, напротив, какие качества мира он игнорирует? Эти проблемы занимали уже древних философов. Так, Демокрит считал, что все ощущаемые качества вещей (слуховые, цветовые и др.) возникают из соединения атомов лишь для воспринимающих и не являются таковыми по природе вещей. По свидетельству Секста, он говорил: "(Лишь) в общем мнении существует сладкое, в мнении — горькое, в мнении — теплое, в мнении — цвет, в действительности же (существуют только) атомы и пустота". Атомы он называл "что", "пустоту" — "ничто" [АМФ, 1969, 330–331].

(Картина мира есть исходный элемент мировоззрения человека, а не только его мировидения. При развертывании своего содержания она опирается во многом на принцип ценностной ориентированности, который выступает в ней как главный принцип иерархизации предметов. Этим своим свойством она напоминает диспропорциональность фигур в детских рисунках

и произведениях древнего искусства, где наиболее важно изображено крупным планом и рельефнее. Так, шумерские скульптуры придавали изображаемому гигантские глаза и уши, метонимически раскрывая его мудрость и проницательность [Дьяконов, 1977, 30].

Для картины мира характерна облигаторность действия при одновременно полуосознаваемом характере. Перечислив категории, которые образуют семантический инвентарь культуры, служащий строительным материалом картины мира, А.Я. Гуревич замечает: «Обязательность этих категорий для всех членов общества нужно понимать, разумеется, не в том смысле, что общество сознательно навязывает их людям, предписывая им воспринимать мир и мыслить именно таким образом: речь идет о неосознанном восприятии, "впитывании" этих категорий и представлений членами общества...» (хотя в той мере, в какой правящие группы осознают и берут под свой контроль некоторые из категорий и понятий культуры, они препятствуют вольной их интерпретации и видят в лицах, отходящих от их традиционного и "ортодоксального" понимания, еретиков и отступников, — как это и было при феодализме). Эти категории запечатлены в языке, а также и в других знаковых системах (в языке искусства, науки, религии); и мыслить о мире, не пользуясь этими категориями, столь же невозможно, как нельзя мыслить вне категорий языка» [Гуревич, 1972, 16].

Картина мира подобна айсбергу: одна часть ее скрывается в глубинах подсознания, пронизывая собой все акты человеческой жизнедеятельности, а другая коренится в сознании. Один из путей выявления картины мира заключается в анализе рефлексов человеческой подсознательной деятельности, к каким относятся, например, сны. На такую возможность обращают внимание Р.Д. Тименчик, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян: «Разные тексты русской культуры сохранили бесценный материал снов... можно настаивать на особом, исключительном значении этих описаний для понимания глубинных основ тех моделей мира и их художественных воплощений, которые были созданы русской культурой в последние два столетия... Сон... особое состояние души, сердца, надежды, воображения, равноценное тому забвению (пушкинские словоупотребления), когда "дух живет своим собственным содержанием", открывая путь воспоминаниям, синтезирующим общую правду» [Тименчик и др., 1975, 129]. Узнать, жива ли определенная картина мира в человеке или ее какой-либо фрагмент, можно по ее действию в человеке, определяющему все внешние и внутренние акты человеческого поведения. Человек пребывает в определенной картине мира, но во всех деталях ее не знает и часто даже не догадывается о ее организующей силе.

Важнейшая особенность картины мира состоит в ее внутренней безусловной достоверности для субъекта этой картины. Картина мира рассматривается ее носителями не как картина и осознается не как исторически конкретное видение реальности, а как смысловой двойник мира. «Объективное и научное объяснение и картина мира имеют вероятностный характер, — пишет Л.В. Яценко, — но если научная теория принципиально соблюдает определенную дистанцию по отношению к реальности, то картина мира как компонент мировоззрения претендует на абсолютную подлинность и тождество с действительностью... образы мира могут варьировать по широте, согласованности частей, но все они претендуют на идентичность с действительностью, основываются на вере, что мир

именно таков, каким он предстает в картине мира. Становясь компонентом господствующего мировоззрения, картина мира приобретает огромную внушающую силу, культивирует веру в свою безусловную подлинность" [ИКМ, 1983₁, 46–47]. Образ мира воспринимается в картине мира как сама реальность. Субъект картины мира верит, что мир таков, каким он изображен в этой картине. Другие же понимания мира представляются ему "оптической" иллюзией. Отношение к общей картине мира как к абсолютно достоверной и подлинной не исключает квалификации отдельных ее компонентов как заблуждений, предрассудков и суеверий, идущих от старых мировидений, общий смысл которых уже был утрачен.

Признание определенных фрагментов миропредставлений как предрассудков означает перевод картины мира или отдельных ее фрагментов в обьективированное состояние, включение рефлексивных механизмов оценки.

Каковы же субъективные основания уверенности субъекта в истинности своей картины мира и субъективные гарантии ее адекватности? Если картина мира есть сплав результатов познания как чисто объективного начала и оценки как чисто субъективного начала, то основанием уверенности человека в подлинности его картины мира должны быть одновременно и знание и вера⁶.

Иногда выдвигается требование не только самодостоверности картины мира, но даже ее "чувственной достоверности": «Чувственная достоверность картины мира — вовсе не анахронизм и не модный "примитив" ... а наиболее целесообразная форма выражения и регуляции социального опыта. Здесь особенно хорошо видна разница между картиной мира и частной моделью. Квантово-релятивистское описание микромира, для которого, по удачному выражению С.И. Вавилова, уже не хватало образов, это не разновидность физической картины мира, а формальная частная модель узкопрофессионального назначения. Она и фигурирует в общественном сознании в виде условного знака, выражающего отсутствие знака» [НКМ, 1983₁, 53].

В диалектическом освещении картина мира предстает как напряженно-противоречивое целое, находящееся в постоянном становлении. Она может быть охарактеризована с помощью следующих категориальных связей: 1) деятельность — предметность (вещность), или, в терминах В. Гумбольд-

⁶ Имеется в виду категория веры в ее расширительном понимании как позиции разума, принимающего то, что логически недоказуемо и что, кроме того, не доказано. В рамках науки при таком расширительном понимании категории веры принятыми на веру без логического доказательства окажутся, например, аксиомы — исходные научные положения научной теории, принимаемые в качестве истинных без логического доказательства и лежащие в основе доказательств других положений теории. Принятыми на веру в науке окажутся также некоторые исходные принципы науки, не получающие при современном уровне науки достаточного обоснования. По словам Г. Бонди, "атомная физика с самого начала окружена ореолом глубины, как и все, относящееся к элементарным частицам, потому, что у нас есть веские основания верить в то, что атомы в любом месте и в любое время ничем не отличаются от атомов, которые сейчас находятся здесь. Следовательно, все, что мы устанавливаем здесь и теперь, по большей части имеет универсальное значение, а следовательно, и глубину" [Бонди, 1972, 15]. О необходимости изучения традиционной оппозиции "знание — вера" не только в плане противостояния этих особых типов человеческого отношения к миру, но и как формы их единства см.: [Пружинин, 1986, 131] .

та, энергейя — эргон; 2) конечное — бесконечное; 3) прерывное — непрерывное (дискретность — континуальность); 4) единое — многое; 5) идельное — вещественное (форма — материал); 6) внутреннее — внешнее; 7) живое — мертвое.

Наиважнейшим базисным категориальным определением картины мира будет понимание ее как эргона и энергейи. Эта квалификация картины мира выражается в проводимом нами различении картины мира₁ как элемента жизнедеятельности человека и картины мира₂ — ее объективированного варианта. Как акт миропонимания картина мира₁ беспрерывно осуществляется в своих субъектах — человеке и человечестве. Она есть вечно создаваемое образование, деятельность человеческого духа, заключающаяся в непрерывном формировании базисного образа мира. К картине мира можно применить все характеристики энергейи, или, по Гумбольдту, деятельности духа по претворению мира в предметы сознания. К таким характеристикам относится квалификация ее как живого или мертвого образования. Мертвые картины мира напоминают мертвые языки: как те, так и другие представляют собой не одухотворяемые и не оживотворяемые человеком образования, которые сохраняются и удерживаются в культуре исторической памятью человечества, а не живыми историческими связями времен. Живые картины мира являются элементом жизнедеятельности реально живущих в данное время людей. Мертвые картины мира — это базисные образы, когда-либо бывшие активными элементами живых мирозерцаний. Глубина и многоплоскостность картин мира индивидуумов зависит от числа и типа оживотворяемых ими образов мира в рамках своего конкретно-исторического мировидения. В этом смысле есть объемные личные картины мира и плоские, поверхностные.

Картина мира представляет собой диалектическое единство статики и динамики, стабильности и изменчивости. В этом синтезе вневременности и конкретной историчности облика и заключается основной парадокс, связанный с картиной мира. Для выполнения своих функций регулятора жизнедеятельности человека картина мира должна совмещать и стабильность и динамичность. («"Модель мира" — достаточно устойчивое образование, определяющее человеческие восприятия и переживания действительности в течение длительного периода», — пишет А.Я. Гуревич [Гуревич, 1972, 20]. Стабильность — одно из существенных свойств картины мира. Если же рассматривать картину мира во всей ее полноте как образ мира, который все время уточняется и конкретизируется в процессе человеческой жизнедеятельности, то, очевидно, следует признать, что картина мира не вечна даже в пределах жизни одного человека. Она постоянно корректируется, дополняется, уточняется. Картина мира напоминает не законченную работу художника, а произведение, которое у него постоянно "в работе", которое дорисовывают и перерисовывают. В этом смысле точнее было бы сказать, что это вовсе и не картина, а экран, на котором запечатлевается работа человеческого духа в процессе формирования базисного образа мира.

Картина мира несет в себе черты своего создателя, и прежде всего динамичность его мировидения. При сохранении целостности картины мира (заданности ее рамок и принципа изображения) в ней могут меняться ее отдельные фрагменты или общая колористика, запечатлевающая мироощущение субъекта этой картины. В автобиографии 1915 г. А. Блок пи-

сал: «Каждый год моей сознательной жизни резко окрашен для меня своей особенной краской» [цит. по: Долинский, 1985, 30]. В анкете 1897 г. он заметил: «Мой любимый цвет — красный» [там же], в дневнике 1921 г. он пишет: «Следующий сборник стихов, если будет, "черный день"» [там же, 33]. «Цветовое видение поэта, — отмечает М.З. Долинский, — менялось вместе с ним. В юности — "заревое белое, желтое, красное", "золотые и красные маки", потом — "черная роза в бокале золотого, как небо, ай", еще потом — "за окном черно и пусто", и в последний год жизни — вспыхивала памяти:

...и в мезонине
Венецианское окно,
Цвет стекол — красный, желтый, синий,
Как будто так и быть должно» [там же, 34].

"Цвета у поэтов — суть души", — говорил А. Белый [там же, 30]. «... Блок 1904 года — Блок незабвенный, неповторяемый, правда, присутствующий всегда в других "Блоках", но как бы выглядывающий из-за них, как из-за складок тяжелой, прекрасной, то зелено-фиолетовой, то серо-пурпурной, то желто-черной мантии бархата (желтые закаты третьего тома). Мне удалось застать Блока еще не в этих тонах, а в налете, подобном загару, розово-золотого воздуха» [там же, 33]. В первом томе блоковских стихотворений, замечает Белый, небо "лазурное, с розово-золотой атмосферой зари", во втором — небо "серое... с лилово-зелеными ответами", в третьем — небо "черное с брызжащей желтою... зарею, желтое с черным или черное с золотом... глядит отовсюду" [там же, 34].

Динамизм картины мира находит свое отражение и в ее строении, где представлены слои из разных мировидений. Некоторые из таких слоев ощущаются как предрассудки, подлежащие элиминации, или как бы "гипотетические" составляющие картины мира.

Картина мира есть синтетическое единство субъективного и объективного начал в мировидении человека, синтез духовно-индивидуальной и культурно-исторической субстанций. Она создается в ходе активности человеческого духа и есть в известном смысле ее продукт, а продукт деятельности, по справедливому замечанию В.С. Швырева, «всегда выступает как воплощение диалектики субъективного и объективного, как результат определенного взаимодействия субъекта с объектом, и в объективном содержании этого результата как бы гасится, "замирает" субъективность» [Швырев, 1984, 82].

Интерпретация субъективности/объективности картины мира может быть разной. Картина мира имеет своим предназначением "снятие противоречия между коллективным характером освоения объективной реальности и специализацией исследовательского труда, между общественной потребностью в отражении сферы практической деятельности и профессиональным (частным) владением специальными фрагментами знания" [НКМ, 1983, 21].

Будучи результатом деятельности социума в целом, картина мира требует для своего формирования, усвоения и удержания субъективной активности ее носителя. Индивидуальная картина мира возникает в результате субъективных усилий человека по "распредмечиванию" продуктов культуры. Полнота картины мира, ее углубленность или плоскостность определя-

ется во многом интенсивностью духовных поисков ее субъекта, способностью адаптировать накопленный культурой опыт миропонимания, пропускать его через свое духовное видение.

Субъективность общей картины мира связана также с участием отдельных личностей в формировании ее фрагментов и отдельных срезов. "Авторы" первых картин мира забыты, их открытия и озарения анонимно запечатлелись в языковой и мифологической картинах мира. В исторически обозримое время такое авторство уже можно проследить. Так, считается общепризнанным, что научные революции совершаются путем выдающихся открытий гениев, какими были, в частности, творцы новых парадигм мировидения в человеческой культуре: Коперник, Ньютон, Эйнштейн. Но эти открытия должны быть адаптированы социумом, который включает их результаты в общую картину мира. Иначе они так и останутся жить только в культуре. В этом проявляется двуприродность картины мира как явления индивидуального и социального одновременно.

Прежде чем войти в состав культуры, новое о мире, предлагаемое наукой, проходит через ряд социальных "фильтров" или "усилителей", к которым В.Ф. Степаненко относит следующие оппозиции: понято/не понято (знание "не ко времени" может быть не принято современниками), интересно/не интересно (если эпоха живет "не тем", то знание может быть отвергнуто, как это произошло с идеями Менделя), нужно/не нужно (идеи Циолковского, выдвинутые в конце XIX в., начали реализовываться лишь в настоящее время [НКМ, 1983₂, 39]).

Картина мира есть органическое единство творческого и репродуктивного начал.

Создание научных картин мира как глубоко творческий процесс не совершается по алгоритму. Картина мира не может быть выведена дедуктивно из философских представлений о мире, равно как не может быть индуктивно получена из данных науки. Связь между картиной мира и ее потенциальными источниками носит противоречивый и сложный характер. Формирование и использование картин мира в процессе познания представляют собой подлинный творческий акт. Адаптация индивидом образов мира, выработанных в разных сферах культуры, представляет собой процесс распрямления знания (знаково-символического образования) как результата предшествующей деятельности по созданию этого образа. Оба процесса могут быть поняты лишь в целостном контексте социокультурного исторического творчества в связи с решением конкретных задач.

Картина мира являет собой синтез конечного и бесконечного. Человеческий жизненный опыт конечен, а мир, образ которого формируется у человека в процессе этого опыта, бесконечен. Общение конечного человека с бесконечным миром и имеет своим результатом выработку образа мира, соединяющего в себе обе эти черты. По мере исторического движения человечества образ мира становится во многих чертах все определеннее. "Как получается, что люди, контакты которых с миром кратковременны, личны и ограничены, тем не менее способны познать столько, сколько они в действительности знают? Развитие нашего познания, если оно успешно, имеет сходство с приближением путешественника к горе сквозь туман: сначала он различает только крупные черты, если даже они имеют не вполне

определенные контуры, но постепенно он видит все больше деталей, и очертания становятся резче" [Рассел, 1957, 230].

Картина мира должна выходить за пределы реального жизненного опыта, чтобы давать ему возможность состояться в будущем. Конфликт между конечным и бесконечным, присущий всякому мировому процессу, достигает своей вершины в человеческом сознании [Радхакришнан, 1956, 170]. Картина мира и является одним из средств разрешения этой антиномии. Бесконечное требует если не глубинного познания, то хотя бы какой-либо интерпретации, достаточно произвольной. Человек должен как-то отнестись к ощущаемой им бесконечности мира, включить ее в поле своего внимания. Картина мира есть синтез форм знаний, осмысливающих обыденно-практическую жизнедеятельность человека — область "конечного" и область бесконечного, часто интерпретируемого как "сакральное". В традиционных обществах было четкое разделение двух сфер жизнедеятельности человека: обыденно-практической с обслуживающими ее и вплетенными в нее формами обыденного сознания, и высокой сферы сакрального, в рамках которой осуществлялось создание модели мира, определяющей исходные принципы и нормы отношения человека к миру. Теоретическое сознание как форма духовного производства, подчеркивает В.С.Швырев, могла зародиться только в этой второй сфере [Швырев, 1984, 120—121]. Первоначальный смысл слова *теория* (от греч. *θεωρέω* 'рассматриваю, исследую') есть экстатическое мистическое созерцание. Идея очищения человека через чистое созерцательное познание была выведена пифагорейцами [Бернал, 1956, 105]. Духовное усмотрение "идеальных сущностей", проникнутое религиозно-экстатическим пафосом, было для пифагорейцев и их последователей не знанием ради знания, а способом проникновения в основы мироздания для достижения духовного совершенства.

Картина мира позволяет связать в едином смысловом пространстве два мира — видимый мир предметно-практической деятельности и "невидимый мир" бесконечного.

Рассмотрим некоторые формальные свойства картины мира, проистекающие из функций картины мира и формы ее существования как "картины". Картина мира является регулятивом самого широкого действия, и ее многие структурно-субстанциональные особенности в значительной степени определяются этим обстоятельством. Между областью применения регулятива и его структурно-субстанциональными свойствами как особого знакового образования устанавливается прямая связь: чем уже сфера действия регулятива, тем большей "четкостью", "строгостью", "нацеленностью" он обладает и тем мощнее его "нормативные потенции"; нормативные и эвристические средства самого широкого диапазона отличаются "расплывчатостью" и вместе с тем огромной пластичностью [НКМ, 1983, 38].

Если проводить аналогию картины мира с картиной, то можно говорить о предмете ее изображения, художественной манере написания, ориентации на передачу пластики мира или, например, на отображение структуры мира, об уровне детализации изображаемого. Цвет картины мог бы рассматриваться как аналог мироощущения, запечатлеваемого в определенной картине мира. Так, цветовые контрасты в поэзии Блока служат "живописным выражением расколотости мира, его дисгармоничности" [Горелов, 1970, 257].

Чтобы реалистично изобразить меняющееся глобальное при локализме средств, субъект картины мира, очевидно, должен оставить ее как бы не дорисованной до конца. При всей своей ориентированности на системность картина мира есть всегда во всех своих деталях незаконченное изображение, не дорисованный до конца эскиз. Картина должна иметь лакуны. "...Необходимо, чтобы система синхронии в каждый данный момент была полна лакун, в которые может вторгнуться иррациональное событие", — писал в работе о феноменологии языка М. Мерло-Понти [ОПЯ, 1975, 111]. Наличие в картине "лакун" ("пустых клеток") не есть недоработанность картины мира, а следствие особенностей мира и человека. Мир бесконечен и загадочен для человека, а человек конечен и ограничен в своих познавательных возможностях. Так как картина мира не представляет собой законченного образа мира, она обладает особой пластичностью, подвижностью, поливариантностью.

Любая картина, которую создает и воспринимает человек, должна учитывать возможности воспринимающего. Она не может быть выполнена в "языке", незнакомом человеку. Картина мира должна быть обозримой, она не может быть бесконечной; последняя была бы лишена целостности и превышала бы "визуальные" возможности человека. Картина мира ни в коей мере не должна быть и стенограммой знаний о мире. Плотность изображения в ней не должна превышать человеческие возможности восприятия. Изображая мир в его целостности, она не может быть мозаичной и состоять из не связанных друг с другом изображений. В ней всегда мир предстает как целое. Что же касается требований гомогенности изображаемого в смысле пространственно-временной однородности, то картины мира могут быть подобны картинам, построенным в соответствии с принципами прямой или обратной перспективы, где на одной плоскости изображаются события, которые воспринимаются из одной точки смотрящим, и картины (изображения), где на одной плоскости предстают изображения из разных времен и разных мест.

Хотя картина мира имеет тяготение к панорамному представлению реальности, широте и многомерности, она должна иметь свой предел сложности, свой допустимый предел детализируемости в индивидуализированном представлении изображаемого в сознании человека, в котором может быть прояснена часть наличествующей у него картины мира. Чтобы быть предельно ясной, лаконичной, емкой, она должна использовать и особые средства построения образов, выработанные человечеством для синтеза и свертывания информации, — размытые понятия, "серую" логику, образы-гештальты, форму художественного обобщения. Эти средства используют при создании научной картины мира.

Предметному характеру человеческой деятельности и мышления соответствует и такой признак картин мира, как наглядность. Хотя формы наглядности могут значительно изменяться в зависимости от исторической эпохи и сферы, где вырабатывается образ мира, этот признак не является факультативным для картины мира в целом. Специфика наглядности картины мира состоит не просто в "сенсуальной очевидности", как это нередко имеет место у моделей и "чувственных компонентов" научных теорий, а в использовании различных средств "художественной концентрации идей" [НКМ, 1983₁, 52—53]. Среди таких средств — расплывчатые, избыточные,

не строго сформулированные многозначные и бесконечные вглубь образы-понятия, дающие импульс для широких обобщений и аналогий.

Наглядность и "картинность" образов картины мира связана с тем, что более 90% информации о мире человек получает через зрительные ощущения и живое созерцание. Нагруженность органов чувств при создании и прочтении картин мира неодинакова. Хотя большинство образов в картинах мира визуального характера, но довольно значительно нагружен и слух. Важно не только схватить форму вещи в мире, но и передать ритмику мира, его звучание. Пифагорейцам принадлежит учение о музыкальном звучании планет. Согласно преданию, непосредственно слышать гармонию сфер мог только Пифагор, другие же люди не в состоянии различать ее из-за отсутствия контрастирующей с ней тишины. В пифагорейском употреблении термин *'αρμονία* означал октаву (звукоряд в одну октаву). Высота тона считалась пропорциональной скорости светила (Александр Афродисийский). В древнем пифагореизме душа мыслилась как гармония, изоморфная гармонии космоса, земная лира считалась точным отображением небесной, а игра на ней — приобщением к гармонии вселенной и приготовлением к возвращению на астральную прародину. В концепции космической музыки помимо учения о гармонии сфер входила также пифагорейская теория музыки времен года, дошедшая до нас в изложении Аристиды Квинтилиана, согласно которой весна образует кварту по отношению к осени, квинту по отношению к зиме, октаву по отношению к лету. В древневосточной (китайской) традиции признавалось соответствие пяти нот китайской гаммы "пяти элементам" и временам года [см. подробнее ФЭС, 1983, 101].

Некоторые художники при создании своих картин стремятся изобразить вещи не столько такими, как их "видят" или "слышат", а, скорее, такими, как их "знают" [МИИ, 1934, 439].

Картина мира есть результат определенного мировидения, которое всегда имеет системный характер. Нет такой ранней эпохи, когда человечество питалось бы обрывками или отдельными кусками представлений, — пишет О.М.Фрейденберг. — В самые первые эпохи истории мы застаем человека с системным мировосприятием" [Фрейденберг, 1978, 24]. Многие исследователи обращают внимание на то, что картина мира в реконструированном виде предстает в более систематическом виде, чем она существует в реальности. "Нужно... не забывать, что объект в процессе структурного описания не только упрощается, но и доорганизовывается, становится более организованным, чем это имеет место на самом деле, — пишет М.Ю.Лотман. — Описание неизбежно будет более организованно, чем объект" [Лотман, 1978, 20–21]. Эту же идею развивает Д.С.Раевский, утверждая, что реконструкция мифологической системы направлена на выявление ее инвариантного содержания и отвлекается от внесистемных элементов, хотя и не отрицает их существования [Раевский, 1985, 12].

В картине мира "умо-зрительное", ненаблюдаемое, предстает в виде "очевидного", чувственно воспринимаемого, наглядного. Наглядность относят нередко к числу существенных признаков картины мира как глобального образа мира. Однако такое решение не является общепринятым, и вопрос о том, должны ли все картины мира быть обязательно наглядными, является дискуссионным. Признак наглядности характерен для современных

научных картин мира, где он выступает в разных своих формах. В содержании и формировании современной научной картины мира основной акцент падает не только на наглядные образы, но и на операционно-наглядные моменты. В современной картине мира (релятивной, квантовой), ссылая на операциональный момент (общий тип измерения) становится ее неотъемлемой частью, свидетельствующей об активности познавательной деятельности субъекта [НКМ, 1983_а, 62]. М.Планк считал, что наглядность научной картины мира в будущем может быть утрачена: "...будущий образ мира окажется более бледным, сухим и лишенным непосредственной наглядности по сравнению с пестрым и красочным великолепием первоначальной картины. Какое же обстоятельство дает такие преимущества будущей картине мира, что она вытеснит все прежние, несмотря на указанные недостатки? Это не что иное, как единство его" [Планк, 1966, 44]. В настоящее время физика не может пока предложить никакой единой картины мира [Подгорецкий, Смородинский, 1980, 54]. Поскольку каждая фундаментальная физическая теория вырабатывает свою картину мира, то проблема единства физической картины мира оказывается тесно связанной с проблемой единства физики как науки.

Для картины мира свойственна не только живописная наглядность ее элементов, но и конкретность их облика, причем тип такой конкретности может существенно варьироваться в зависимости от сферы духовной деятельности (науки, философии, искусства, религии) и от типа личности создателя картины мира. Есть люди схематизирующего типа ума и ума конкретно-чувственной ориентации. Так, например, для Блока было характерным "постоянное восприятие... отвлеченных понятий как зрительно-представимых" (З.Г.Минц) [цит. по: Долинский, 1985, 29].

Картина мира при всех самых несовершенных вариантах своего воплощения всегда целостна. Ее характеризует единство образов, согласованность частей. Она никогда не бывает разорванной, за исключением случаев патологии.

Целостность миросозерцания не служит гарантией его гармоничности и непротиворечивости, свидетельством чему является, например, система миросозерцания средневековья, в рамках которой можно обнаружить разные мировоззренческие слои [Гуревич, 1972, 12]. Целостность картины мира неразрывно связана с аллегорическим и символическим характером ее основных образов. "Как и поэтическая аллегория (например, весы — правосудие, сердце — любовь, крест — мученичество и т.п.), образцы картины мира представляют идею в телесном чувственно воспринимаемом облике (волна, поле, сила, работа и проч.), — пишет Л.В.Яценко. — Более того, образы картины мира выходят за пределы однозначной аллегоричности и становятся эстетическими символами, связующими разные аспекты бытия и намекающими на неопределенно глубокое содержание" [НКМ, 1983₁, 53].

Завершая рассмотрение атрибутивных характеристик картин мира, зададимся вопросом: возможна ли оценка картин мира и каковы ее критерии, если такая оценка осуществима? Эмпирически очевидно, что картины мира так же непохожи друг на друга, как и все другие продукты человеческого творчества. Очевидно также, что не все созданные картины мира равноценны по своим качествам. Обладая различной гносеологической

структурой, они имеют различные репрезентативные и регулятивные возможности.

При сравнении картин мира и их оценке возможны две перспективы: изнутри жизнедеятельности общества, в рамках которого картина мира функционирует, и в историческом плане, когда картины мира выступают рядоположенно как конкретно-исторические варианты мировидения человека.

Отражение мира человеком совершается в виде познания и оценки. Следовательно, критерием оценки картин мира могут быть в первую очередь их адекватность миру (истинность), оптимальность выбора ракурса отображения для человеческой жизнедеятельности, а также гармоническое равновесие между ними. Существуют более адекватные с исторической точки зрения картины мира и менее адекватные, с высокой антиэвристикой, а также картины мира с оптимально избранным ракурсом мировидения и с менее оптимальным.

При оценке картин мира важно помнить, что картина мира не есть зеркальное отображение мира и не открытое "окно" в мир, а именно картина, т.е. интерпретация, акт миропонимания, и что она зависит от призм, через которую совершается мировидение. Чистота призм, дающей суженный угол зрения, не гарантирует адекватности возникающего образа.

С точки зрения выполнения регулятивной функции наиболее оптимальной окажется такая картина мира, которая наилучшим образом обеспечивает гармоничность взаимоотношений человека с миром, устанавливает равновесие всех сфер жизнедеятельности человека, а также позволяет осуществлять взаимопонимание людей. Признаки наиболее полного и значимого для человека отображения мира и оптимальной регулятивной действительности не обязательно коррелируют. Например, картина мира у человека с психическими нарушениями, регулирующая его жизнедеятельность, может быть искаженным "образом" объективной действительности. При оценке картин мира необходимо исходить из подвижного равновесия обоих критериев — адекватно-ценностного отображения мира и регулятивной силы.

Картины мира можно сравнивать также по признаку их рефлексивной проработанности и субъективной достоверности для их носителей. Наиболее несомненными для своих носителей окажутся мифопоэтические картины мира, которые обладают практически нулевой рефлексивностью и не занимаются выявлением и установлением законности своих оснований.

Картины мира могут различаться по степени своей содержательности, глубине проникновения в сущность мира, степени проработанности своих деталей. Бывают картины с как бы замутненными частями вследствие непроницаемости для их субъектов отдельных фрагментов мира. Есть более широкие картины мира с большим ракурсом охвата мира и менее широкие, поскольку мировидение, в актах которого они зарождаются, может обладать различной широтой видения (иметь суженный угол зрения или дополнительно иметь особое "боковое" зрение). Существуют, наконец, более динамичные и менее динамичные картины. Это касается как индивидуальных картин мира, так и общих. По словам А.Я. Гуревича, "в средние века, когда развитие и изменение совершались очень медленно, несравненно медленнее, нежели в новое и новейшее время, общая

картина мира неизбежно оказывалась чрезвычайно стабильной, если и не неподвижной. Мы можем... говорить о средневековой картине мира, имея в виду ряд столетий, на протяжении которых она доминировала в человеческом сознании" [Гуревич, 1972, 20].

Научные картины мира отличаются друг от друга также уровнем своего восхождения к конкретному целостному отражению объекта и степенью их общности. Ситуация определения наилучшей картины мира напоминает оценку естественных человеческих языков и выбор из них "наилучшего". Достоинства языков, считает В. Гумбольдт, не обязательно находятся в прямой зависимости от степени их обработанности. Так называемые грубые и необработанные языки могут иметь в своем устройстве выдающиеся качества и могут превосходить в этом языки более обработанные. Хотя наличие отдельных преимуществ в строении языка — неоспоримо эмпирический факт, языков с абсолютными преимуществами не существует. Речь может идти о совершенствах, дающих лишь частные преимущества [Гумбольдт, 1984, 398].

В связи с оценкой картин мира возникает вопрос о возможности применения понятия прогресса к мировидению человека и картинам мира. По-видимому, понятие прогресса применимо к этапу смены чисто мифологического (архаического) миропонимания другими, более поздними формами мировидений, а также к смене научных картин мира. Применительно к художественному миропониманию целесообразность приложения понятия прогресса сомнительна.

КАРТИНА МИРА В ПРОЦЕССУАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

Конститутивной чертой картины мира является ее динамический характер. Поэтому адекватное описание картины мира невозможно вне процессуально-динамического ее представления, предполагающего рассмотрение генезиса, становления и функционирования картины мира в различных ситуациях жизнедеятельности человека. Все экзистенциальное богатство форм картины мира заключается между двумя полюсами: необъективированная форма существования — объективированная. Необъективированные формы бытия идеального, к которому относится и картина мира как глобальный субъективный образ объективного мира, зарождаются и существуют в сознании человека и в более глубинных слоях его психики, скрытых от его самонаблюдения. К таким слоям относятся области подсознания (бессознательного) и сверхсознания.

Разделение сознания на личное—общественное и быденное—теоретическое наряду с другими глобальными противопоставлениями — бытие/сознание, сознание/самосознание, культура/природа, деятельность/знание, необъективированная форма существования/объективированная — может выступать в роли особого параметра для задания пространства рассмотренных картин мира в рамках жизнедеятельности человека.

Первая базисная ситуация, связанная с процессуально-динамическим представлением картины мира, заключается в объективировании картины мира. Она может осуществляться в трех различных формах: 1) в виде стихийной естественной рационализации в естественном языке и другого рода "текстах"; 2) в виде систематической теоретической рационализации

в философии, науке и т.д.; 3) в виде метаописания путем метамоделирования картин мира по результатам первичной (в языке) и вторичной рационализации (в философии, науке и т.д.). Первая форма объективации картины мира тесно связана с обыденным сознанием, вторая — с теоретическим сознанием и самосознанием, третья — с философско-методологической рефлексией как особой разновидностью деятельности самосознания.

Важный момент функционирования картины мира связан с погружением объективированных картин мира в акты человеческой жизнедеятельности, их влиянием на необъективированную картину мира, вечно создаваемую и изменяющуюся, их оживотворением в актах жизнедеятельности индивида и общества. Образ мира, созданный в философии и науке, адаптируется общей картиной мира и становится достоянием живого человеческого сознания. Картины мира как продукт культуры сохраняют главную особенность продуктов культуры: будучи объективированы в определенном материале, они не представляют собой мертвой вещиности. Их смысл оживотворяется и постоянно переинтерпретируется в живом человеческом общении, в актах распремечивания продуктов культуры.

Вторая базисная ситуация процессуального представления картины мира связана с созданием общей и индивидуальной картин мира. Создателем и носителем общей картины мира является коллективный субъект — человеческое общество. Общая картина мира создается обществом в целом, а не отдельными сферами человеческой культуры. Источником ее служит весь человеческий опыт контакта с миром, начиная от предметно-практической деятельности и кончая актами умознания, духовного созерцания и интуитивного мистического постижения пространственно-временного мира как единой целостности [Кимелев, 1985].

На сложную взаимосвязь общественной практики и картины мира обращает внимание А.Я.Гуревич: «Основные концептуальные понятия и представления цивилизации формируются в процессе практической деятельности людей, на основе их собственного опыта и традиции, унаследованной ими от предшествующей эпохи. Определенной ступени развития производства, общественных отношений, выделенности человека из природного окружения соответствуют свои способы переживания мира. В этом смысле они отражают общественную практику. Но вместе с тем эти категории определяют поведение индивидов и групп. Поэтому они и воздействуют на общественную практику, способствуя тому, что она отливается в формы, отвечающие "модели мира", в которую группируются эти категории» [Гуревич, 1972, 17]. Отношения между картиной мира и практикой носят характер двусторонней зависимости. С одной стороны, практика порождает картину мира и оказывает на нее постоянное влияние [уточняет, "дорисовывает" и "перерисовывает" ее отдельные фрагменты, способствует вытеснению омертвевших ее фрагментов. С другой стороны, картина мира как универсальный регулятив воздействует на ее организацию и приводит к ее модификации.

Один из важных моментов бытия общей картины мира заключается в ее культурной трансляции и введении в сознание индивидов. На это обращают внимание Вяч.Вс.Иванов и В.Н.Топоров: "Поскольку семиотические модели мира определяют правила поведения личности и коллектива, коллектив осуществляет контроль над хранением и передачей этих моделей и над

способами их введения в человека (обучение в широком смысле слова), заботясь о единообразии и преемственности этих моделей" [Иванов, Топоров, 1965, 8].

Строго говоря, у каждого индивида каждой конкретно-исторической эпохи имеется своя собственная картина мира, единственная и неповторимая, как и все живое. Она синтезируется им в результате его непосредственных контактов с миром, из наличного материала культуры, в которой заложены все известные образцы и варианты картин мира на базе интуиции о мире, которые пробуждаются в человеке под влиянием культуры или актов жизнедеятельности. "Не только человечество, но и каждый отдельный человек находит в себе, раз пробудившись к полному сознанию, готовое мировоззрение, в сложении которого он не принимал участия. Он получает его как дар природы и культуры", — писал Э.Мах [Мах, 1909, 13]. Человек не относится к такому мировоззрению пассивно, автоматически подключаясь к идеям, "носящимся в воздухе". Он активно перерабатывает его содержание, созидая свой образ мира, вносит в свой образ мира новые детали и краски, одухотворяет и оживляет мировидческие клише, транслируемые через культуру в обществе. Человек вносит в свою картину мира образы и приемы миропонимания из своей сферы деятельности. Так, ученый-естественник привносит в образ мира натуралистические штрихи, математик — схематизм и абстрактность мировидения.

Картина мира у человека находится в постоянной динамике и может меняться в течение жизни. В архаических традиционных обществах картина мира у индивида отличалась меньшей динамичностью, индивидуализированностью, чем в современную эпоху, меньше была подвержена эклектичности. Последняя опасность появляется в ситуации "плюрализма" культур, когда человек может сформировать свою личную картину мира из материала осколков различных культур, образующих сложный конгломерат гетерогенных образований. Однако полный произвол при образовании личной картины мира все же исключен.

В главных, ведущих аспектах человек не может считаться в полной мере неконтролируемым творцом своего образа мира. Его образ мира отличается обычно от образа мира, запечатленного в общей картине мира его времени, лишь нюансами. Это замечание справедливо в целом лишь для ситуации относительно стабильной картины мира в обществе и перестает быть верным в случае смены базисных картин мира в обществе или в ситуации плюрализма культур.

Картины мира проходят все стадии, свойственные динамическим образованиям: они зарождаются, переживают период своего становления, существуют в некотором достаточно стабильном состоянии, подвергаются распаду и уничтожению. Но этот процесс касается не всех картин мира. В отличие от научных картин мира, принципиально изменчивых конкретно-исторических видений мира человеком, религиозные картины мира, особенно монотеистические, претендуют на вневременность при изменчивости деталей своего воплощения. Многие картины мира могут "снимать в себе" другие как свой компонент. Особенно часто последнее наблюдается в рамках научной картины мира. Согласно кумулятивной модели науки научная картина мира не изменяется, а только постоянно расширяется.

Когда же и при каких условиях происходит смена картин мира? Начало движения к новой картине мира совпадает обычно с моментом, когда люди приходят к мысли, что антиэвристические функции картины мира дают свои ощутимо отрицательные последствия, и интерпретационная сетка, через которую они воспринимают мир, ошибочна. Подготовка же к этому моменту начинается задолго до этого. Среди разнообразных социокультурных условий одну из существенных ролей играет опыт и — шире — вся историческая практика человечества в целом. Ограниченный характер практики, невозможность рационально истолковать ее результаты не препятствовали появлению и существованию в течение длительного периода односторонних, неполных и фантастических с точки зрения последующих миропониманий картин мира. Представление о большой и плоской Земле сохраняется у людей, пока оно не начинает вступать в противоречие с их жизненным опытом. Идея шарообразности Земли не могла быть воспринята как рациональная и обоснованная без введения представления о центральных силах и относительности противопоставления "верха" и "низа" (сила тяжести всегда направлена по вертикали "вниз", а не "вверх" [НКМ, 1983₂, 18-19]).

Смена общей картины мира в социуме может вызвать у индивида глубокое потрясение, если он не в состоянии вписать в свое личное миропонимание новую систему мировидения. Научная революция XVII в., отказавшаяся от античного и средневекового понимания космоса, произвела геометризацию пространства. Конкретное пространство догалилеевской физики было заменено изотропным и гомогенным пространством евклидовой геометрии, что привело, в свою очередь, к неразличению "земного" и "небесного" [Коуге, 1939]. Растерянность человека перед новым образом мира, формируемым классическим естествознанием, разрушающим привычные для человека прежних веков представления о том, что космос есть "нестрашный для человека родной дом" [Бахтин, 1965, 398], афористически выразил математик и философ Б.Паскаль: "Я не знаю, кто меня послал в мир, я не знаю, что такое мир, что такое я. Я в ужасном и полнейшем неведении. Я не знаю, что такое мое тело, что такое мои чувства, что такое моя душа, что такое та часть моего я, которая думает то, что я говорю, которая размышляет обо всем и о самой себе и все-таки знает себя не больше, чем все остальное. Я вижу эти ужасающие пространства Вселенной, которые заключают меня в себе, я чувствую себя привязанным к одному уголку этого обширного мира, не зная, почему я помещен именно в этом, а не в другом месте, почему то короткое время, которое дано мне жить, назначено мне именно в этом, а не в другом пункте целой вечности, которая мне предшествовала и которая за мной следует. Я вижу со всех сторон только бесконечности, которые заключают меня в себе как атом; я как тень, которая продолжается только момент и никогда не возвращается. Все, что я сознаю, это только то, что я должен скоро умереть, но то, чего я больше всего не знаю, это смерть, которой я не умею избежать. Как я не знаю, откуда я пришел, точно так же я не знаю, куда уйду... Вот мое положение: оно полно ничтожности, слабости, мрака" [цит. по: Ильин, Калинин, 1985, 176].

Подвижность мировидческих канонов в истории, их смена в обществе время от времени поднимает вопрос, тревожащий философов, художни-

ков и поэтов, — возможен ли прорыв к "первовидению" человека, который они отождествляют с подлинно адекватным, истинным видением мира. Такое "первовидение" они начинают усматривать в языковом мировидении⁷, в интуиции поэтов или стремятся достичь его в особых экстремальных состояниях и ситуациях, снимающих, как это им представляется, привнесения, искажающие и замутняющие первозданный образ мира. Чтобы отыскать новый взгляд на мир или прояснить старое забытое "подлинное" миропонимание, поэты прибегают к устранению привычных образов мира.

Один из важных аспектов процессуально-динамической характеристики картины мира связан с изучением роли картины мира в процессе общения и контактов индивидов в разных сферах жизнедеятельности. [При включенности человека в несколько систем мировидения может произойти и н т е р ф е р е н ц и я картин мира.] По словам Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, одна и та же личность или целый коллектив могут пользоваться разными моделями мира, если эта личность входит в состав двух или нескольких коллективов, если данный коллектив входит в некоторый более обширный коллектив, а также в случае изменений внутри самого коллектива. При этом возможно несколько путей и способов взаимодействия разных моделей: 1) модели могут употребляться изолированно (каждая из них бывает приурочена к определенной сфере), 2) происходит пересечение моделей (креолизация), 3) происходит патологическое разъединение людей и программ поведения личности [Иванов, Топоров, 1965, 8].

КАРТИНА МИРА В СУБСТАНЦИОНАЛЬНОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

В соответствии с семиологическими представлениями в картине мира как знаковом образовании различаются два базисных компонента — содержание (идеальный объект) и знаковая форма (схематика, онтологическая схема), в которой репрезентируется этот идеальный объект. Идеальный объект картины мира как семиотического феномена максимально широкой сферы применимости составляет глобальный образ мира, который в разных картинах мира задается по-своему. Разные картины мира являют собой как бы разные "лики" мира.

Рассмотрим некоторые общие принципы и приемы построения образов мира в рамках картин мира различного типа. Этот аспект характеристики картины мира будем именовать субстанциональным или содержательным, имея в виду "материальную" (смысловую) воплощенность (наполненность) базисного структурного элемента картины мира как семиологического феномена — образа мира как ее идеального объекта.

Исходная гносеологическая ситуация при создании картин мира у разных народов в разные исторические времена в принципе одинакова. Каждая картина мира запечатлевает в себе определенный образ мира, который никогда не является зеркальным отражением мира. Картина мира поэтому есть всегда определенное видение действительности, смысловое конструирование мира в соответствии с определенной логикой миропонимания и миропредставления. Для содержательного сопоставления раз-

⁷ Философская картина мира М. Хайдеггера [Heidegger, 1957] строится путем поэтического истолкования образов языка, его внутренней формы.

личных образов мира, получаемых в рамках соответствующих мировидений, необходимо выбрать определенные параметры. В качестве таких параметров могут выступать прежде всего универсальные категории человеческого сознания и культуры, без которых последняя невозможна и которыми она пронизана во всех своих творениях. К таким универсальным понятиям и формам восприятия действительности относятся время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому [Гуревич, 1972, 15]. Универсальность этих концептуальных и чувственных категорий заключается в том, что они, будучи изменчивыми по своему содержанию, присущи человеку на всех этапах его исторического развития. Из этих категорий и строится в каждой культуре своя особая модель мира.

Среди универсальных категорий культуры логически исходными для картины мира, безусловно, являются категории пространства, времени, играющие исключительно важную роль в мире и в жизни человека. Идея логической исходности этих категорий при моделировании мира подчеркивается в работе Т.В.Топоровой, посвященной исследованию языкового воплощения древнеисландской модели мира: "Категории пространства и времени благодаря свойственным им универсальности и всеобъемлющему характеру формируют пределы, в которых разворачивается человеческая жизнь, тем самым они определяют все остальные категории, связанные с антропоцентрической сферой: судьбу, право, социальное устройство... Эти категории не только образуют пассивную рамку происходящего, но и констатируют природу самих событий, активно воздействуя на них" [Топорова, 1986, 12].

Исходный шаг на пути конструирования образа мира состоит в задании пространственно-временного каркаса, "замыкающего" собой границы мира, и в его последующем упорядочении. Различные миропредставления человека и формирующиеся в их рамках образы мира будут различаться тем: 1) что принимается за начальное состояние мира; 2) допускается ли существование: а) нескольких различных пространств и времен, б) единого пространства и единого времени, в) единого пространства-времени; 3) каковы свойства пространства и времени: однородны ли пространство и время или неоднородны, изотропны или не изотропны, конечны или бесконечны, прерывны или непрерывны. Перечисленные признаки могут быть положены в основу типологии картины мира в пространственно-временном аспекте.

Эти признаки являются независимыми характеристиками. Например, при едином времени и едином пространстве возможна трактовка последнего как изотропного, гомогенного или не изотропного, гетерогенного. Так, О.Шпенглер обращает внимание на то, что из наличия общей пространственной структуры не следует вывод о ее единственности, постоянности: "Вся лирика, вся египетская, китайская и западная живопись громко возражают против гипотезы о постоянной математической структуре пережитого и увиденного пространства, и только полное непонимание всеми новыми философами живописи позволило им не считаться с этим опровержением" [Шпенглер, 1923, 181].

Типология картин мира по признаку их пространственно-временной упорядоченности предполагает исчисление конкретных структур (метри-

ческих, топологических; групповых), пространства и времени, соотносимых с миропониманиями, фиксируемыми в различных картинах мира. Не производя исчисления всех логических возможностей пространственно-временной дискретизации мира, многие из которых были реально осуществлены, отметим в качестве примера лишь некоторые из них [см. подробнее: Ахундов, 1982].

Логическая возможность (2а) — представление о множественности времен в условиях множественного, многоуровневого мира — была реализована в мифологической картине мира. Начальной категорией мифологического миропонимания и начальным состоянием мифологической Вселенной был Хаос как образ первичной неупорядоченной субстанции, именуемой в мифах бездной, пустотой, океаном, бесконечным пространством, мглой, водой. Завершающей категорией мифологии и соответственно внешним достигнутым состоянием Вселенной был Космос, понимаемый как единое, упорядоченное целое. Между этими полюсами можно расположить все многочисленные варианты мифологических представлений об устройстве мира.

Мифологическое пространство многослойно и сакрально неоднородно. В архаической модели мира различались территории наибольшей "мистической энергии", благотворной для человека (тотемные центры), энергетически более нейтральной территории и внешнее, "зловредное", хаотическое пространство ("сверхъестественный мир"), наделенное отрицательными качествами (на него не распространялась защита предков). В первых архаических моделях мира "оазисы упорядоченности бытия" (аналоги родовой территории человека) размещались внутри Хаоса. В более поздних моделях мира Хаос как источник зла вытесняется на далекую периферию. Первоначально в архаических моделях мира пространство представляло в виде конечных относительно упорядоченных областей, связи между которыми были намечены слабо.

Постепенно мир в мифологическом представлении начинает приобретать многослойный и многоуровневый характер, что находит свое выражение в многоуровневых моделях мира. Первым древнейшим вариантом такой модели была "горизонтальная, линейная" модель строения мира, которая, по свидетельству Е.Д.Прокофьевой, изучавшей миропредставления селькупов, присутствует лишь в отдельных шаманских обрядах [Прокофьева, 1976]. В архаической горизонтальной модели мира верхним миром (миром предков) является верховье реки, нижним (миром мертвых) — ее устье, среднее течение реки соответствует миру живых людей. Верхний мир располагался на юге (реки в этом мире текут с юга на север), нижний соответственно — на севере.

Впоследствии многоуровневая модель мира стала иметь три измерения и упорядочивалась уже по вертикали. Ее уровни — Небо, Земля и Тартар — объединяются не рекой, как в горизонтальной модели, а "мировым деревом", корни которого располагались в нижнем мире, крона — в небесах. В других вариантах вертикальной модели число уровней может увеличиваться за счет расщепления верхнего и нижнего ярусов, срединный ярус остается неизменным (нерасщепленным). В мифологиях, испытавших влияние буддизма и ламаизма, число уровней резко возрастает. Например, в мифологической модели мира алтайцев и тувинцев речь идет о 99 мирах

и 33 слоях небес. Хаос также упорядочивается. В нем начинают выделяться зловредные области, или уровни, мира.

Переход древнейшего представления пространства как неоднородного и неизотропного к его толкованию как однородного и изотропного осуществлялся параллельно с процессом перехода от политеизма (многобожия) к монотеизму (единобожию). При политеизме признается существование многих разных богов, каждый из которых главенствует на определенной территории или в определенной сфере реальности⁸. Так, в соответствии с миропредставлениями древних греков Зевс обитал на Олимпе, Гера — в Аргосе, Афродита — на острове Пафос, Афина — в доме Эрефея и т.д. и лишь впоследствии они "собрались" на Олимпе. На подступах к монотеизму выделяется главное божество, а остальные боги политеистического пантеона начинают рассматриваться как порождение главного или же как его ипостаси. Между политеизмом, базирующимся на понимании пространства как сакрально неоднородного и неизотропного, и монотеизмом, пришедшим к прямо противоположному решению, находятся промежуточные формы: 1) "относительный монотеизм", признающий, что бог один, но на различных территориях он свой, местный; например, в Египте и Куше верховным божеством был Амон, однако в каждом городе был свой Амон: Амон Напатский, Амон Фиванский и т.д.; 2) "централизованный монотеизм", предполагающий существование единого пространства с единым центром, из которого устремляется в мир мощь единого бога; таким "центром" для исповедующих иудаизм является храм в Иерусалиме. Подлинно однородное, изотропное и бесконечное пространство появляется лишь при "абсолютном (истинном) монотеизме", например христианстве, при котором сакральное пространство рассматривается как "чувствилище" вездесущего бога (*sensurum Dei*).

Для мифологического миропонимания характерны в целом циклическая структура времени, при которой настоящее и будущее выступают лишь как различные "темпоральные ипостаси мифического прошлого" [Ахундов, 1982, 43]. Первой моделью времени при мифологическом миропонимании была архаическая колебательная модель, сменявшаяся циклической моделью, при которой признавалось, что время всегда течет по определенному замкнутому кругу. Циклическая модель времени постепенно преобразуется в модель "спирального" времени, по мере того как между concentрическими временными циклами (кругами) стали устанавливаться определенные взаимосвязи. Раскручивание "спирали времени" в линейную конструкцию, при которой только и может появиться идея истории, происходит уже при других, более поздних формах общественного сознания. Мифологическое время неоднородно. Первобытное мышление, по словам Л.Леви-Брюля, не ощущает следующие друг за другом отрезки времени как однородные, допуская, что некоторые периоды дня и ночи, лунного месяца, года и т.д. могут оказывать на человека благодатное или же, напротив, губительное влияние [Леви-Брюль, 1937, 41]. Для

⁸ Политеизму предшествовал анимизм — религиозное верование, согласно которому каждая вещь имеет свою душу. Реминисценция этого миропредставления присутствует в картине мира "Синей птицы" Метерлинка, где хлеб, молоко, сахар и т.д. имеют каждый свою душу.

мифологического миропонимания характерно представление о том, что каждому изменению в мире соответствует свое особое время. Свое особое время со своей ритмикой и длительностью приписывалось также каждому уровню мира. Так, считалось, что тело человека живет по определенному времени, а душа, пребывающая в сверхъестественном мире, существует в "сакральном времени".

Мифологическим представлениям о множественности пространств и времен и их неоднородности близко миропонимание ребенка в ранний период его жизни, характеризующийся допонятийным, наглядным мышлением. По словам М.Д.Ахундова, "у ребенка еще нет единого пространства и времени, а есть расслоенное пространство различных миров с внепространственными и вневременными связками в виде колодца, дупла... При допонятийном мышлении общее пространство выступает как множество неоднозначно связанных, локально непрерывных пространств" [Ахундов, 1982, 30]. Пространство мира непрерывно для ребенка "в малом" и разрывно, многогранно "в большом". О непонимании детьми единого пространства свидетельствуют их рисунки, часто состоящие из отдельных частей: если при изображении человека (снизу вверх) на листе бумаги не поместилась голова, а только туловище, ребенок может нарисовать голову на другом листе бумаги или рядом с туловищем. Для детского миропонимания характерна также множественность локальных времен, которые связываются с отдельными объектами и отдельными движениями и не обладают однозначностью и равномерностью течения. Переход к абстрактному понятию гомогенного и непрерывного времени осуществляется у человека на пороге подросткового возраста.

К мифологическому восприятию пространства и времени, для которого характерны были "расслоенные пространства", "двойное присутствие", "вневременные блуждания по миру" и т.д., близки многие типы мировосприятия у людей при психических аномалиях, возникающих вследствие поражения специфически человеческих отделов головного мозга, нарушения спячного механизма (например, комиссуротомия) и др.⁹

Логическая возможность (2б) — представление о существовании единого пространства и единого времени — вошла в человеческую культуру со времени абсолютного монотеизма.

Логическая возможность (2в) — представление о существовании единого "пространства-времени" — реализована в логико-математической реконструкции теории относительности, произведенной Г. Минковским.

Последующий шаг при моделировании мира после задания его пространственно-временного каркаса состоит в определении "субстанционального наполнения" мира и установления признаков его упорядоченности. "Субстанциональное содержание" мира, действующие в мире закономерности и, наконец, сами "обитатели" миров, по представлениям разных картин мира, разительно не совпадают. Архаическая картина мира имела социоморфный

⁹ Некоторые исследователи (К.Леви-Строс и др.) пытаются объяснить эти явления тем, что на создание мифологической картины мира оказывало влияние психопатологическое мировосприятие шамана или колдуна. Известны попытки рассматривать психопатологию как атавистическое явление [Поршнева, 1974, 365–366].

характер: относительный порядок в упорядоченных частях мифологических пространств носил не столько природный, сколько моральный и социальный характер. Осмысление локальных пространственных ярусов в моделях мира происходило с антропоцентрической позиции. Выделяющимся ярусам и зонам в них (центру и периферии) соответствовали определенные иерархии ценностей. Как упоминалось, по мере перехода от анимизма к политеизму и затем к монотеизму иерархическая структура сакрального мира упрощается, переходя от "многодушия" анимизма к "многобожию" политеизма и затем к признанию единого вездесущего бога при монотеизме [см. подробнее: Иванов, Топоров, 1965, 185–191; Яковлев, 1977, 162].

Каждая картина мира включает в разных пропорциях два уровня мира – видимый мир и невидимый, но предполагаемый существующим и влияющим на видимый мир. Эти уровни в соответствующих картинах мира могут быть представлены как части единого целого или как относительно самостоятельные образования (отдельные "миры"). Примером первого могут служить научные представления о существовании микро-, макро- и мегамира как частей единого мира. Для первобытного мышления мир не расщеплен на естественный и сверхъестественный компоненты, они едины и взаимопроницаемы друг для друга.

Примером второго уровня может служить космологическая модель Аристотеля, "функционировавшая" в конечном и неоднородном пространстве с выделенным центром, который совпадал с центром Земли. Космос Аристотеля четко разделяется на два уровня: земной (подлунный) и небесный, для которых характерны разные объекты, участвующие в различных движениях: "Подлунный мир состоит из четырех стихий, которые восходят к ранним досократикам, – земли, воды, воздуха и огня. Эти стихии участвуют либо в прямолинейных естественных движениях, несутся к своим естественным местам (например, тяжелые тела устремляются к центру Земли), либо в вынужденных движениях, которые продолжаются, пока на них действует движущая сила. Что же касается надлунного мира, то он представлялся Аристотелю состоящим из эфирных тел, пребывающих в бесконечном, совершенном, круговом, естественном движении. Этот уровень пролегает от сферы Луны до сферы неподвижных звезд, которая замыкает космос. За этой границей нет ни материи, ни пустоты" [Ахундов, 1982, 118–119].

Типологическое рассмотрение конкретно-исторических мировидений человека, сосуществующих или сменяющих друг друга в ходе истории, показывает, что картины мира могут задавать границы изучаемой реальности более или менее широко, как бы оставляя "за кадром" часть мира или учитывая все планы существования мира максимально полно. Методологическое осмысление этой ситуации поднимает ряд вопросов: 1) как формируется "пространство" картин мира и осуществляется интерпретация моделируемой реальности при различных миропредставлениях; 2) существуют ли пределы моделирования реальности, обусловленные самим типом общественного сознания, в рамках которого создается образ мира; 3) как разрешается вопрос о существовании объектов в рамках соответствующих картин мира.

Картина мира есть всегда определенная идеализация действительности.

Признак идеальности не является исключительно принадлежностью только научного теоретического сознания, а присущ и другим видам общественного сознания. В этом смысле "мировое дерево" мифологической картины мира столь же идеальный объект сознания, что и атомистическая научная картина мира [Швырев, 1984, 123].

Моделирующая "сила" картин мира зависит от исходной категориальной парадигмы, в терминах которой осуществляется познание отображаемого мира, его интерпретация. Различаются миропредставления, базирующиеся на категориях системного и теоретико-деятельностного подхода, родовидовой категориальной парадигме и парадигме "вещь — свойство — отношение". Максимальной онтологической полнотой обладают первые две парадигмы. Образы мира в различном категориальном оформлении могут значительно варьироваться даже в пределах одного типа картины мира, например в рамках философской картины мира, где онтологическая схема объектов действительности задается в определенной системе категорий. Мир может трактоваться как естественное образование (природа), как чисто искусственное образование (результат деятельности абсолютных сил — абсолюта), как естественно-искусственное образование (результат активности стихийных сил природы и человека).

Различные миропредставления при разворачивании смыслового пространства картины мира даже в рамках одной категориальной парадигмы могут значительно отличаться друг от друга разным акцентированием исходных категорий, тенденциями рассмотрения одной категории через призму другой. Например, мир может видеться преимущественно через призму времени или через призму пространства¹⁰. Эти две различные мыслительные возможности продемонстрировал С.С.Аверинцев на примере сопоставления эллинского умонастроения и библейской традиции мистического историзма: «Если мир греческой философии и греческой поэзии — это "космос", то есть законосообразная и симметричная пространственная структура, то мир Библии — это "олам", то есть поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история. Внутри "космоса" даже время дано в модусе пространственности: в самом деле, учение о вечном возврате, явно или неявно присутствующее во всех греческих концепциях бытия, как мифологических, так и философских, отнимает у времени столь характерное для него свойство необратимости и придает ему мыслимое лишь в пространстве свойство симметрии. Внутри "олама" даже пространство дано в модусе временной динамики — как "вместилище" необратимых событий» [Аверинцев, 1975, 269–270]. «Иначе говоря, "олам" — мир как время и время как мир» [там же, 283]. В ранневизантийском миропонимании наблюдается известная "нейтрализация динамического видения мира" и частичное возвращение к статистическим мыслительным схемам метафизики и мифа [там же, 271]. Г.Д.Гачев замечает, что в миропредставлениях кочевых народов понятие пространства должно превалировать над понятием времени [Гачев, 1967, 83].

Определение того, что принципиально возможно или же невозможно

¹⁰ По утверждению А.Я.Гуревича, время воспринимается людьми в значительной мере "пространственно" и временные отношения начинают "организовывать" события в сознании человека не ранее XIII в. [Гуревич, 1971, 189].

в мире, зависит от задания исходных принципов соответствующих картин мира. С точки зрения современной науки вечный двигатель невозможен, так как его существование противоречило бы принципам сохранения энергии, которые составляют необходимый компонент физической картины мира. То, что представляется невозможным в рамках одной картины мира, в рамках другой — признается возможным, и соответственно возможное в одной картине мира недопустимо в другой. Так, например, невозможная в рамках классической механики идея о зависимости массы от скорости вполне допустима в теории относительности. В соответствии с представлениями теории относительности в основе физической картины мира лежит идея о предельности скорости света. Поэтому для Эйнштейна Люмен (герой фантастической повести К. Фламариона), которому приписывалась сверхсветовая скорость, казался немыслимым. "Люмену приписывается сверхсветовая скорость, — замечал Эйнштейн. — Но это просто невозможно, это бессмысленное предположение, потому что теорией относительности доказано, что скорость света есть величина предельная" [цит. по: Машковский, 1922, 107].

"Облик" формируемой картины мира зависит от выбора исходной точки мировидения, определяющей собой принцип развертывания глобального идеального образа мира в пространстве "идеальной действительности" картины мира. Картина мира может проектироваться антропоцентрически и с надчеловеческой позиции — "объективной". Так, система оптических представлений Евклида излагалась в виде способов видения человеком отдельных предметов [Гусев, 1984, 60].

Картины мира существенно различаются типом применяемых средств задания глобального образа мира. В философии и науке такими средствами являются прежде всего категории, понятия, наглядные модели, в музыке — ритмика, в живописи — колорит. В родственных сферах художественной деятельности (поэзия, живопись) нередко применяются одинаковые средства для задания образа мира. "Еще недостаточно обращали внимание на то, сколь литературно художественное мышление Ван Гога, — пишет Ж.А. Дмитриева. — Сам экспрессивный язык его живописи имел литературную природу. Ван Гог мыслит ассоциациями и метафорами. Он оперировал цветом и рисунком так, как писатель словами" [Дмитриева, 1978, 51–52].

Особенность стилистической манеры "письма" в картине мира можно продемонстрировать на примере моделирования "выших" реальностей, недоступных прямому наблюдению. Одним из распространенных приемов, применяемых при построении самых различных картин мира, является "умолчание" как разновидность апофатической манеры "мышления". Первичная реальность, обнаруживающая себя во всем многообразии существования, но недоступная прямому наблюдению, может быть описана только "негативно", хотя сама по себе и не является негативным неопределимым началом: первичная реальность — это "не мысль или сила, или исключительно бытие, но живое единство сущности и существования, идеального и реального, познания, любви, красоты" [Радхакришнан, 1956, 124–143].

В античных миропредставлениях натурфилософии Эмпедокла одна из стадий мира, "Сферос", является антиантропоморфным божеством — человеком "наоборот". При его характеристике используются одни лишь негативные признаки: у него нет рук, ног и т.д. Античное

сознание «долго воспринимало себя сквозь "не-я"» [Фрейденберг, 1978, 184]. Одной из форм такого "не-я" в древнейших миропредставлениях был невидимый "негативный" мир царства загробного существования, противостоящий позитивному миру человеческого бытия. Описание позитивного мира часто совершалось по принципу "от обратного". "Негативный мир" позволял упорядочить имеющиеся сведения о позитивном мире в целостную систему путем маскировки областей неизвестного и использования обходных косвенных описаний этих областей.

Сопоставление типов объективации в науке при выработке научной картины мира со способами моделирования и символизации реальности в других сферах общественного сознания позволяет выявить универсальные и специфические средства формирования картины мира. К числу таких универсальных средств относится метафоризация. Даже научная картина мира, самая рационализированная из всех картин мира, насыщена образами, несводимыми к формально-логическим определениям. Метафора в науке, по удачному выражению С.С.Гусева, как бы погружена в теоретическую модель, составляя ее глубинный, скрытый слой, без которого модель не может получить содержательную интерпретацию [Гусев, 1984, 62]. В научных картинах мира широко были распространены "антропоморфные метафоры", представляющие окружающий мир по аналогии с человеком ("греки смотрели на объект сквозь человека, а человека конструировали из объекта" [Фрейденберг, 1978, 447]). Моделями для древнего человека при построении мифологической картины мира служили человеческое тело, человеческое жилище, человеческое общество, хотя сами древние этого не осознавали, так как они не могли проводить четкого разграничения между человеком, социумом и природой.

Научная картина мира опирается преимущественно на "машинную" метафору, сравнивая мир с часами, стохастическим автоматом и т.д. Анализируя виды метафор в познании, С.С.Гусев приходит к выводу, что машинная метафора на данном этапе познания себя исчерпала и в науке намечается возврат к антропоморфной метафоре в ее новых вариантах.

Специфику средств задания картин мира в разных сферах общественного сознания легче всего проследить на примере развертывания сходной интуиции в рамках науки, философии, искусства, когда об "одном и том же" явлении говорят на разных языках. Ю.С.Степанов приводит примеры различных аналогий из области истории идей и искусства [Степанов, 1985, 183]. Так, художественным аналогом понятия предиката является "вещь-свет-воздух-впечатление" в живописи [там же, 125]. Стиль импрессионизма встречается не только в поэзии, но и в философии. Стремление запечатлеть предмет в его переменном и исчезающем состоянии данного момента, лежащее в основе поэтики импрессионизма, перекликается с отрицанием неизменяемой сущности вещей и рассмотрением вещи как совокупности предикатов в философии. Позитивизм в философии и науке имеет своим аналогом натурализм в искусстве.

Существует известный параллелизм мыслительных ходов в современной физике, а также в мифологических древневосточных философских миропредставлениях. Например, систематика элементарных частиц М.Гелл-Манна аналогична в определенных аспектах восьмеричному пути древнеиндийской философии, модель бутстрапа Дж.Чу — притче о нитке жемчуга

бога Чендры и положениям философии дзэн [Ахундов, 1982, 5–6]¹¹. Многие концептуальные построения науки оказываются созвучными интеллектуальным построениям античности. Так, концепция континуума классической математики и атомистика классической физики органично связаны с анаксагоровской концепцией бесконечной делимости и с атомизмом Демокрита. Однако размытые множества Л.Заде имеют прообразы не в античной философии, а в мифологии, в первобытных представлениях о "текучей множественности с очень слабо определенными элементами" [Леви-Брюль, 1937, 20]. Известное сходство в понимании мира наблюдается в современной физике и в миропредставлениях буддизма, рассматривающего мир как вечное становление и трактующего объекты как события, а не как вещи или субстанцию. Такое диалектическое представление о мире как превращениях, постоянном потоке рождения и уничтожения созвучно духу современной физики, формулирующей свои теории на языке взаимодействий и процессов, а не атрибутов и свойств [НКМ, 1983, 81].

Откуда же возникают одинаковые миропредставления ("бродячие сюжеты") в разных картинах мира, как можно объяснить аналогичность мыслительных ходов в разных сферах общественного сознания человека? Первая причина этого явления – объективность отображаемого. Хотя восприятие мира теоретически (мистически, мифологически и т.д.) нагружено, оно несет на себе прежде всего отпечаток самого мира, в том числе тех его сторон, которые еще не получили своего отражения в соответствующих формах общественного сознания. Вторая причина обусловлена объективными особенностями формирования познавательных способностей человека – развитием абстрагирующего и обобщающего мышления, понятийного интеллекта человека. Этим обстоятельством объясняется аналогия в схеме развития религии (анимизм – политеизм – монотеизм) с этапами развития физики (физика качеств, физика фундаментальных взаимодействий, единая теория поля) [Ахундов, 1982, 67]. Третья причина существования "бродячих сюжетов" связана с тем, что картины мира проясняют первичные интуиции человека о мире, из которых и произрастают систематические построения в науке, философии, религии, эксплицирующие эти интуиции.

Отметив созвучность мифологических представлений пространственно-временным представлениям теории относительности, В.Г. Богораз усматривал источник подобной созвучности в том, что "современная математическая физика со всей гениальной сложностью своих математических фигур в конце концов приходит к упрощению и как бы возвращается к полунинстинктивному мироощущению первобытного сознания, еще не искушенного и не спутанного формальной схоластикой номинальной философии" [Богораз, 1923, 19].

¹¹ Примером "бутстрапности" явлений современного макромира может служить голограмма, в которой информация о каждой точке объекта распределяется по всей голограмме, так что любая ее малая часть содержит информацию обо всем объекте.

ЯЗЫК ОТРАЖАЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ВЫРАЖАЕТ ЕЕ ЗНАКОВЫМ СПОСОБОМ?

Некоторые советские лингвисты и философы считают этот вопрос вполне решенным. Они выдвинули целый ряд канонических положений, полностью соответствующих, по их мнению, марксистскому пониманию сущности этой проблемы, и при ее решении неукоснительно придерживаются этих положений. Приведем некоторые из них.

Человеческое мышление может совершаться только на базе языка. "Чистых мыслей, обособленных от языка, не существует" [Андреев, 1968, 69]. "Мышление человека, протекая в неразрывной связи с материальными физиологическими процессами головного мозга, вместе с тем может происходить и происходит только на основе и при помощи языка" [Панфилов, 1957, 119]. "Язык и мышление находятся в неразрывном единстве: нет языка без мысли и, наоборот, мысли без языка" [Кошевой, 1959, 14]. "Мышление и язык находятся не в механическом взаимодействии, а в непрерывной органической связи. Их нельзя отделить друг от друга, не разрушая того и другого. Не только язык не существует вне мышления, но и мысли, идеи не существуют оторванно от языка... Процесс мышления не предшествует и не может предшествовать во времени процессу словесного выражения мышления. Мышление совершается не до облачения его в форму языка, а на основе языка. Мышление и формирование мысли в словах — это не два каких-то последовательных во времени процесса... а одновременный, единый процесс словесного мышления и осмысленной речи" [Спиркин, 1958, 39, 40].

Отсюда напрашивается только один вывод: если язык и мышление представляют неразрывное целое, то словесный знак обладает способностью отражать окружающий мир. Об этом довольно недвусмысленно заявляет Р.А. Будагов: "Любой национальный язык — это не только определенная система обозначений, но и результат своеобразного отражения всей деятельности людей, говорящих на данном национальном языке" [Будагов, 1978, 49].

На чем основывается убеждение о невозможности мышления без языка? Здесь выдвигается целый ряд аргументов.

"Без чувственно материальных форм появление абстракций невозможно" [Чесноков, 1966, 39]. "Сама возможность абстрагирования и обобщения создается только благодаря тому, что материальная сторона языковых единиц (или элементов других знаковых систем) репрезентирует предметы того или иного рода, с которыми она не имеет какого-либо существенного подобия или сходства" [Панфилов, 1977, 41]. "Знак является необходи-

мым орудием всякого мыслительного абстрагирования, обобщения, идеализации. Знак есть могучее средство обобщения" [Резников, 1964, 16].

Некоторые лингвисты и философы начинают приписывать звуковому комплексу функцию фиксирования понятия. "Без слов понятия существовать не могут" [Галкина-Федорук, 1956, 35]. "Язык, — по мнению А.Г. Спиркина, — дал возможность человеку фиксировать общее о предметах и явлениях, их связях и отношениях, расчленив их, соотнести и синтезировать в понятиях и представить как относительно устойчивые" [Спиркин, 1957, 69]. «Наш далекий предок, — замечает Г.А. Геворкян, — часто наблюдал, что если долго тереть одним куском дерева по другому, они нагреваются. В результате миллиардного повторения аналогичных операций из поколения в поколение человек получил доказательство того, что есть нечто общее между всеми операциями "трения", что именно это общее и является причиной, вызывающей другое явление — теплоту». Г.А. Геворкян далее спрашивает: «Но как же закрепить в уме и выразить это общее, эту причинную связь внешне различных явлений? Эту "внечувственную, лишнюю образу и формы" закономерность невозможно фиксировать в чувственно-наглядной форме. Такой субъективной внечувственной формой, в которую облекается и в которой выражается познанная закономерность, и является слово» [Геворкян, 1957, 45]. "Языковым знаком, — пишет В.З. Панфилов, — следует считать не языковую единицу в целом, а лишь ее материальную сторону, т.е. языковой знак представляет собой не двустороннюю, а одностороннюю сущность" [Панфилов, 1977, 80]. По мнению Е.М. Галкиной-Федорук, "знаком, т.е. обозначаемым, можно назвать звуковой комплекс слова, а не понятие, заключенное в слове" [Галкина-Федорук, 1956, 21].

Значение слова квалифицируется ими как отражение. "Знак есть обозначающее, объективная действительность — обозначаемое; значение знака есть отражение, объективная действительность — отражаемое" [Панфилов, 1977, 79, 80]. Того же мнения придерживается П.В. Копнин: "По отношению к обозначаемому предмету значение выступает отражением, субъективным образом объективно существующего предмета" [Копнин, 1966, 118].

Постараемся доказать несостоятельность всех этих утверждений. Начнем с утверждения о том, что без звукового комплекса невозможна абстракция и обобщение. Они возникают только после появления слова. Этот взгляд по существу неверный. Здесь мертвой материи языкового знака приписывается обобщающая сила, когда фактически она является функцией человеческого мозга. Обобщение в голове человека возникает задолго до возникновения звукового комплекса.

Отражение предметов и явлений окружающего мира в голове человека не является зеркальным. Головной мозг превращает поступающую извне информацию в образ. Образ вещи — не сама вещь, а ее отражение. Он не совпадает непосредственно с самим предметом. Обобщение, абстрагирование от бесконечного числа свойств вещи и фиксирование только его наиболее устойчивых и постоянных черт превращает образ в некий идеальный объект, инвариант класса предметов, не существующий в реальной действительности. Они представлены субъективно в идеальной форме. Следовательно, образ вещи сам по себе представляет результат абстракции, но

было бы ошибочно думать, что эта абстракция есть результат чисто волюнтаристического абстрагирования.

Абстрагированный образ вещи возникает вследствие несовершенства человеческой памяти. Знание о предмете является редуцированным по той простой причине, что человеческая память не в состоянии сохранить все мельчайшие подробности. Она сохраняет только общее, и нет ничего удивительного в том, что инвариантный образ предмета был бледным и редуцированным. Таким образом, главным фактором создания этого типа абстракции было несовершенство человеческой памяти.

Качественно это был тот же обобщенный образ предметов, который существовал у людей доязыкового периода. Фактически это — представление. Представления имеются, по-видимому, и у высших животных. "Без наличия образа и без его пространственной проекции во внешней среде было бы немыслимо приспособление животного к расстояниям... когда жизненно-важный объект не находится в непосредственном контакте с ним, будь этот объект пищевое вещество или грозящий жизни животного враг!" [Беритов, 1957, 143].

Есть и другой тип обобщения: оно возникает в результате многократного повторения чего-либо (наблюдение, определенное действие и т.п.). Но и в этом случае обобщение возникает до появления звукового комплекса.

Наименование предмета совершенно немыслимо без предварительного, хотя бы самого элементарного, знания данного предмета. В связи с этим нам хотелось бы привести замечание Д.Н. Кудрявского: "Отвлечение слова предполагает многократное повторение однородных восприятий, которые человек научился отождествлять. Общее представление может быть создано только тогда, когда человек научился отождествлять. Общее представление может быть создано только тогда, когда человек уже научился в каждом новом восприятии, например, данного дерева, находить общее со всеми прежними восприятиями других деревьев. Общее представление является сознательным или бессознательным выводом из целого ряда однородных восприятий. Все это несомненно указывает на то, что созданию слова предшествует: 1) долгий опыт и 2) классифицирующая работа ума" [Кудрявский, 1912, 30].

К. Маркс никогда не сбрасывал со счета роль опыта, роль анализирующей и синтезирующей деятельности человека. Он писал, что люди «начинают с того, чтобы *есть, пить* и т.д., т.е. не "стоять" в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*, овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства.) Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов "удовлетворять потребности" людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери учатся и "теоретически" отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребности, от всех других предметов» [Маркс, Энгельс, т. 19, с. 377].

Может быть, знак, как утверждают сторонники рассматриваемого направления, обладает вполне самостоятельным и ни от чего не зависящим свойством обобщения? Но этого также не может произойти. Если отсутствует обобщение в мозгу человека, то звуковой комплекс в языке не утвердился. Если бы он и появился, то для целей общения он был бы со-

вершенно непригоден. В каждом случае человек бы думал, что звуковой комплекс относится к единичному предмету.

Некоторые лингвисты утверждают, что чувственному отражению действительности совершенно чуждо обобщение. "С помощью чувственного представления, — утверждает А.Д. Наседкин, — не могут быть отражены такие классы предметов, как клюв вообще, дом, стол, человек вообще. Посредством языковых средств преодолеваются узкие горизонты языкового созерцания, и на основе языка формируется абстрактно-обобщающий способ отражения мира. Без языка и речи последовательная смена чувственных образов оставалась бы неуправляемой со стороны человека. Смена представлений в этом случае определялась бы только изменением ситуации. Процесс отражения был бы настолько прикован к конкретной ситуации, что никакое обдумывание и размышление было бы невозможно" [Наседкин, 1967, 71].

"Любое стремление включить в мышление наглядные образы, — заявляет П.В. Чесноков, — есть стирание грани между чувственным и рациональным отражением действительности... Для полного освобождения отражения от чувственности нужно, чтобы психофизический факт, возбуждающий его, по своей чувственной природе ничего общего не имел с данным отражением, чтобы его связь с отражением была чисто условной, условно-рефлекторной, говоря словами И.П. Павлова. Лишь благодаря такой связи отражение общего высвобождается из плена чувственной индивидуальности, и этим разрушается противоречие между обобщающим характером отражения и единичной формой наглядного образа, в рамках которой и начинается обобщение" [Чесноков, 1966, 38].

«Чтобы отразить общее в чистом виде, нужно освободиться от всякой чувственности в отражении ("вышелушить" это общее из наглядного образа), к тому же наиболее общие признаки недоступны простому чувственному созерцанию и не содержатся в наглядном образе (животное вообще, растение вообще)» [там же, 37].

Представление об общем, освобожденном от чувственного, абсолютно нереалистично.

Можно привести много авторитетных высказываний, показывающих, что дело обстоит совсем не так, как изображают его А.Д. Наседкин, П.В. Чесноков и др.

"...нормальный человек, — говорит И.П. Павлов, — хотя он пользуется вторыми сигналами, которые дали ему возможность изобрести науку и т.д., будет пользоваться второй сигнальной системой только до тех пор, пока она постоянно и правильно соотносится с первой сигнальной системой, т.е. с ближайшим проводником действительности" [Павловские среды, 1949, 318].

"Во всякое понятийное обобщение, — замечает С.Л. Рубинштейн, — как правило, включена чувственная генерализация. Чувственные элементы, включенные в отвлеченное мышление, то и дело выступают в виде чувств, схем, интуитивных решений, отвлеченных проблем и т.д." [Рубинштейн, 1959, 71]. "Чувственное и абстрактное взаимосвязаны... Никакое отвлеченное познание невозможно в отрыве от чувственного" [там же, 70–71].

"В нашей философской литературе, — замечает П.В. Копнин, — укоренилось представление, что в чувственном познании постигается только еди-

ническое, а мышление в понятиях отражает только общее, но если бы чувственное познание ни в какой мере не давало знания общего, то и мышление, основывающееся только на данных чувств, никогда не могло бы познать общего. В действительности же чувственное познание отражает и единичное и общее в их связи” [Копнин, 1956, 48].

Рассуждения о невозможности абстракции без звукового комплекса связаны вообще с каким-то очень странным пониманием абстрагированного, пониманием сущности самого понятия. Понятие представляется как нечто предельно опустошенное, лишенное всего чувственного, нечто туманное и неопределенное. Возникает вопрос: из чего же складывается содержание понятия?

В своей жизненной практике человек имеет дело с разными предметами в разных ситуациях. Он легко их опознает и умеет извлекать из них определенную пользу для удовлетворения своих жизненных потребностей. Являются ли решающими в процессе узнавания только те следы, которые сохраняются в памяти, или здесь действует какой-то дополнительный фактор? Можно предполагать, что человек имеет знание о данном предмете, которое он приобрел как часть жизненного опыта в результате многократного воздействия на его органы чувств однородных предметов и использования их для своих жизненных потребностей. В комплекс этих знаний входят такие данные, как основные свойства предмета: цвет, вкус, запах, характер поверхности и т.д. Эти знания сохраняются в памяти. Несомненно, сохраняется в памяти и общее представление о форме предмета, его общие схематические контуры, расположение составных частей и т.д. Отсюда можно сделать вывод, что в понятие входит знание данного предмета, вернее, знание определенного класса предметов, полученное в результате жизненного опыта. Это положение может быть легко доказано на конкретных примерах.

Стадо животных, испытывая жажду, ежедневно отправляется на водопой. Местом водопоя может быть река или достаточно полноводный ручей. В результате многократного посещения места водопоя у каждого животного образуется знание ручья. Это нечто, что способно утолять жажду, место, где протекает свежая ключевая вода, окаймленные берегами, которые могут быть скалистыми или топкими и болотистыми. В голове животного создается редуцированный образ ручья. Знание о ручье достаточно хорошо отделяет ручей от всех других предметов окружающего мира. Животное в этом случае никак не может спутать ручей со скалой, деревом, болотом и т.д.

Знание предмета, представление о его характерных свойствах уже в сознании животных оторвано от конкретной ситуации. “Узнавание предметов, — указывал И.М. Сеченов, — очевидно, служит животному руководителем целесообразных действий — без него оно не отделило бы щепки от съедобного, смешивало бы дерево с врагом и вообще не могло бы ориентироваться между окружающими предметами ни одной минуты” [Сеченов, 1947, 467].

Аналогично можно показать несостоятельность мнения о том, что звуковой комплекс служит средством закрепления понятия.

Для того чтобы создать язык, человек прежде всего должен создать звуковой комплекс и соотнести его определенным образом с окружаю-

щим миром, т.е. установить так называемую знаковую соотнесенность. Как уже говорилось выше, понятие в голове человека возникает раньше звукового комплекса. Когда человек старается подобрать для нового понятия звуковой комплекс, оно уже существует у него в голове. Предположим, человек познакомился с новым видом дерева, отличающимся от других видов деревьев определенным набором признаков. Он отбирает какой-то один признак, уже имеющий в данном языке звуковой комплекс. Например, человек замечает, что у березы кора имеет белый цвет, тем самым он отбирает признак "белый" и ассоциирует его с новым понятием "береза". В индоевропейском праязыке "белый" мог иметь звуковой комплекс *bhiraǵ*. Таким образом, новое понятие получает звуковой комплекс, который в обществе конвенционально закрепляется за этим понятием и приобретает способность возбуждать данное понятие в голове слушающего. В венгерском языке в основе слова *nyirfa* 'береза' лежит *nyir* 'прут', *nyirfa* означает 'дерево, имеющее прутья'. Но слово *прут* не отражает совокупность различных признаков, присущих березе. Совершенно ясно, что это не отражение березы. И так происходит во многих случаях. Возьмем для примера названия берега в различных языках, рус. *берег*, лит. *krantas*, нем. *Ufer*, исп. *costa*, тат. *яр* и т.д. В самих этих сочетаниях звуков нет ничего такого, что было бы органически связано с понятием берега, представляло бы его подобие. Если нет подобия, значит, нет отражения. Для того чтобы звуковой комплекс был связан с действительностью, необходимо превратить его в знак, создать знаковую соотнесенность.

Если звуковой комплекс сам по себе не способен отражать, то как мог появиться язык, который должен быть связан с окружающим миром? Как разрешить это явное противоречие: язык ничего не отражает и в то же время он должен отражать? Язык прежде всего средство общения людей. Вспомогательная роль языка как средства общения вполне очевидна. Язык только тогда будет связан с окружающим миром, если он воспримет знаковую форму, обладающую свойством указывать на окружающий мир. Кроме того, знак необходим и в другом отношении. Общение людей невозможно без знаков. Для того чтобы мысль одного человека стала достоянием другого, она должна быть при помощи звуковых знаков облечена в чувственно воспринимаемую форму. Без знаков нет общения.

Естественно, что каждый словесный знак должен представлять соединение звуковой материи со значением, так как звуковой комплекс, лишенный значения, не может выступать в роли знака. Значение — необходимый атрибут знака. Материальный экспонент знака должен быть обязательно соединен со значением. Значение не должно быть отрываемо от тела знака. «...есть доводы в пользу того, что проблема значения отнюдь не может быть выделена из проблемы знака, поскольку последняя не может быть отграничена от проблемы значения. Ведь понятие знака, не имеющего значения или же "отдельного" от своего значения, сразу же теряет смысл, знак без значения не есть знак, и можно лишь весьма приблизительно характеризовать его в этом случае как "материал знака", "фигуру знака", "основу знака" и т.д. Ведь материал знака, не обладающий значением, утрачивает всякую знаковую характеристику. Знак есть органическое единство значения и носителя, т.е. вещественной основы значения. Сам по себе носитель зна-

чения — это что угодно, только не знак: он представляет собой сочетание звуков, черточек на бумаге, световых вспышек и т.д. Знак не может существовать без значения; только в значении коренится то, что делает знак знаком. Соответственно значение вне знака не может существовать самостоятельно, обращается в ничто. Значение не тождественно знаку в целом, поскольку знак есть своего рода "союз" значения и его носителя, некоторого экспонента знака и его значения» [Нарский, 1969, 7, 8].

Встав на точку зрения некоторых наших философов и лингвистов, мы придем к следующему. Поскольку мышление неотделимо от языка, то люди мыслят словами. Если они мыслят словами, значит, они мыслят знаками. Если же знак условен, стало быть, мир непознаваем. Поэтому утверждение "слово есть знак" следует рассматривать как проповедь агностицизма. Следовательно, в самом знаке нужно найти то, что отражало бы действительность. Такое отражение они находят в значении слова.

С первого взгляда может показаться, что все эти люди абсолютно правы. Ведь язык вызывает у нас представление об окружающем мире, следовательно, он его отражает. Если бы он его не отражал, то он бы и не вызывал у нас представления о мире. Казалось бы, этот аргумент неоспорим.

На самом деле этот взгляд ложный. Отражать — значит создавать подобие. Пусть это подобие не будет математически точным, зеркальным отображением оригинала, но при всех случаях оно остается подобным в чем-то оригиналу. Хорошим примером в этом отношении может служить понятие. Понятие всегда отражает известную совокупность признаков. Иначе не может и быть при естественном отражении. Естественное отражение не может основываться на каком-то одном признаке. Слово, как было показано, создается обычно путем выбора одного признака. Значение здесь выполняет указательную функцию. В языке создается знаковая соотнесенность. Знаковая соотнесенность не является результатом естественного отражения. Она была бы результатом естественного отражения, если бы сам языковой комплекс обладал способностью к отражению, но он этой способностью не обладает.

«Понятие "сестра" не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков *z-œ-r*, служащей во французском языке и означающим; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков; это может быть доказано различиями между языками и самим фактом существования различных языков: означаемое "бык" выражается означающим *b-œ-f* (франц. *boeuf*) по одну сторону языковой границы и означающим *o-k-s* (нем. *Ochs*) по другую сторону ее» [Соссюр, 1977, 101].

Противники точки зрения о том, что звуковой комплекс не мотивирован, т.е. не имеет ничего общего с природой обозначаемого им предмета, часто ссылаются на известную мотивированность появления слова и формы, усматриваемую в системе конкретного языка, например, появление нем. *Wage* 'весы' определяется его связью с глаголом *wagen* 'весить', латинский предлог *in* 'в' некогда имел значение 'внутренность' и т.д. Однако эта мотивированность совершенно другого рода. Это — мотивированность по деривации. Основное положение "звуковой комплекс не имеет ничего общего с природой предмета" и здесь остается в силе.

Было бы совершенно неправильно предполагать, что создание языкового знака абсолютно оторвано от процессов отражения. В основе слова всегда

лежит какой-либо признак предмета или явления. Понятие самого признака является продуктом отражения. В литовском не было бы звукового комплекса, обозначающего "берег", если бы не было понятия "крутизна".

Но отсюда нельзя сделать вывод, что понятие крутизны представляет отражение берега вообще или понятие березы — отражение белизны. Естественное отражение всегда представляет отражение совокупности признаков. Если в основе обозначения березы лежит признак "белый", то невольно напрашивается вопрос, почему же здесь из всей совокупности признаков выбран только один-единственный признак. Такое отражение нельзя считать естественным отражением.

Весь секрет здесь заключается в том, что это частное отражение подчинено всецело техническому приему создания знака. Как было показано, в основе знака лежит какой-либо один признак. Если выразить в названии предмета сразу несколько характеризующих его признаков, то понадобится бы сразу пять, шесть или более звуковых комплексов. Представьте себе, что понятие реки было бы выражено таким образом: *вода, течение, берега, извилистость*. С лингвотехнической точки зрения это было бы крайне громоздко и неудобно. Поэтому человек волей-неволей старается положить в основу слова какой-то один признак.

Правда, в языках мира можно найти сложные слова, но образование сложных слов идет уже по другой линии. Сложные слова редко состоят более чем из двух единиц. Следует также иметь в виду, что сложные слова иногда являются способом выражения словосочетаний, ср. нем. *Bergkette* 'горная цепь', фин. *työvoima* 'рабочая сила'.

Функцией отражения обладают в полной мере только представление и понятие. Понятие возникает в голове человека раньше звукового комплекса. Когда человек старается подобрать для нового понятия звуковой комплекс, оно уже существует у него в голове.

Значение слова потому не является отражением, что оно устанавливается человеком. Звуковой комплекс, основанный только на одном признаке, соотносится человеком с понятием, включающим в себя много признаков.

Между звуковым комплексом и каким-либо предметом окружающего мира первоначально никакой связи нет. Здесь нет того, что должно было бы называть отражением. Связь здесь устанавливается самим человеком. Человек обычно находит в предмете какой-либо признак, уже имеющий в его языке звуковой комплекс, и превращает этот признак в заместителя предмета в целом. Правильное понимание сущности значения мы находим у В.М. Мальцева: "...значение не есть отражение объективной реальности в какой бы то ни было форме, а является связью, отношением между словом (звуковым комплексом) и различного рода духовными формами, отражающими внешний мир" [Мальцев, 1969, 6]. "...значение не является внутренним свойством словесного знака, его стороной или частью. Как бы мы ни анализировали комплекс словесных звуков, мы не обнаружим в нем чего-либо, что можно назвать значением. Значение приобретает предметом или явлением, выступающим в роли знака, в связи с его отношением к чему-то, что не является знаком. Еще раз подчеркнем — значение не проявляется в отношении, а именно приобретается в этом отношении" [там же, 96].

На земном шаре до появления человеческих языков не существовало

никаких значений. А.С. Мельничук правильно замечает, что "знаковое отношение как основная функция языкового знака, т.е. его значение, возникает и существует только в обществе носителей соответствующего языка, получая конкретное проявление в сознании и речевой деятельности отдельных индивидуумов. Вне общественного сознания значение как отношение знака к означаемому не существует, подобно тому как не существует и сам практически функционирующий языковой знак" [Мельничук, 1978, 133, 134].

Стремление положить в основу словесного знака какой-либо один признак хорошо объясняет другую, очень важную особенность знака. Знак сам по себе неточен. Человек при создании знака и не стремится к созданию большой точности.

Известно, что совокупность знаний о каждом предмете у разных людей может быть далеко не одинаковой. Это различие знаний о предмете во многом зависит от жизненного опыта, рода занятий, наличия определенного образования и т.п. Нередко говорят, что каждый человек имеет в голове собственную картину мира или собственное представление о мире. Например, вода в представлении большинства людей — это только жидкость, способная удовлетворять жажду. Химик, а нередко и простой школьник уже знает, что вода имеет определенный химический состав, выражаемый формулой; врача-курортologa, если он имеет дело с целебной минеральной водой, будет интересоваться ее более сложный состав, а в отдельных случаях врачей будет интересоваться вопрос о том, содержит ли вода в данной местности достаточное количество йода, так как при недостаточном количестве йода у многих людей начинает появляться зоб. Минеролог, конечно, знает, что вода — это своеобразный минерал; хорошая хозяйка не безразлична к тому, является вода жесткой или мягкой; электрик должен учитывать способность воды проводить ток; ученые, занимающиеся способами получения атомной энергии, проводят различие между обыкновенной и так называемой тяжелой водой; специальные познания о воде имеют гидрологи, океанологи и т.д.

И тем не менее, несмотря на наличие у людей различных представлений о воде, все-таки существует слово вода, имеющее самое общее значение. Таким образом обнаруживается самая главная функция слова. Слово выступает в роли своеобразного возбудителя общего понятия. Уточнение этого понятия осуществляется благодаря действию других факторов. Здесь большую роль играет словесный контекст, сфера или область его применения, конкретная обстановка и т.п.

При наличии этих условий совершенно не обязательно, чтобы слово было абсолютно точным. Важно, чтобы слово играло роль возбудителя. Отсюда можно сделать вывод, что само означивание чего-либо вовсе не требует глубокого и всестороннего знания предмета. Первобытный человек знал об окружающем его мире очень мало, тем не менее он создавал слова, кладя в их основу иногда поверхностные и несущественные признаки. Это довольно легко проверить на конкретных примерах. Предположим, человек, имеющий три сотни овец, захотел найти одну из этих овец быстро и безошибочно. Для этого он не должен знать эту овцу лучше других овец. Ему достаточно выгнать на ее боку тавро, и он будет сравнительно легко находить ее.

При изучении проблемы взаимоотношения языка и мышления необходимо всегда иметь в виду, что язык беднее мышления. Он беднее мышления хотя бы потому, что мышление отражает окружающий человека мир непосредственно во всем богатстве и во всем многообразии различных свойств и связей. Для мышления в этом отношении нет никаких ограничений, если не иметь в виду тех случаев, когда человек не способен правильно отразить окружающий мир по причине своих чисто биологических недостатков. Например, человек не способен различать ультразвуки или отчетливо видеть предметы, находящиеся на очень далеком расстоянии. Язык в отличие от мышления имеет в этом отношении целый ряд очень существенных ограничений. Например, арсенал средств, выражающих различные отношения между словами, в языках мира довольно ограничен. Не является безграничным и набор звуковых комплексов. Кроме того, в языках мира наблюдается сильная тенденция к устранению различных перегрузок в языке, т.е. тенденция к языковой экономии. Это в одинаковой мере касается как слов, так и грамматических форм.

Полное описание чего-либо оказывается актуальным для науки, но в обыденной жизни, в повседневной речевой практике оно часто выступает как совершенно неактуальное.

Представим, что человек сидит в ясный летний день на берегу горного озера и любуется раскрывшимся перед ним очень красивым пейзажем. Он видит перед собой массу предметов, представленных множеством самых различных цветов, теней и полутеней. Конечно, описать все это при помощи языка человек не в состоянии. Человеческий язык слишком беден для точного описания. Если бы человек и предпринял подобного рода попытку, то это заняло бы слишком много времени, было бы громоздко и довольно несовершенно. Человеческий язык никогда не будет в состоянии конкурировать с фотоаппаратом или человеческим глазом. Впрочем, такая задача полного описания озера при помощи языка перед человеком никогда не возникнет. В его речевой практике такая задача ему не нужна, поскольку каждый речевой акт сугубо избирателен и целиком подчинен определенной цели общения.

Интересно при этом сравнить описания различных пейзажей, сделанных при помощи языка.

"Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи" (Пушкин. Капитанская дочка).

Нетрудно заметить, что описание пейзажа здесь немногословно. Пушкин описывает только основные элементы пейзажа, способные придать ему общее и целостное впечатление. Различные частные детали пейзажа здесь, несомненно, опущены, поскольку автор считает их маловажными и недостаточно характерными. Принцип избирательности при описании здесь проявляется особенно ярко.

Тот же принцип наблюдается и при других описаниях пейзажей: "Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неиз-

меримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки, желтый дрок выскакивал вверх своей пирамидальной верхушкой; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячей разных птичьих свистов. На небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха... Вот она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Черт вас возьми, степи, как вы хороши!..

Вечером вся степь совершенно переменялась. Все пестрое пространство ее охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нем, и она становилась темно-зеленою; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполинской кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками легкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щек. Вся музыка, звучавшая днем, утихала и сменялась другою. Пестрые суслики выползали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трепание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединенного озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе" (Гоголь. Тарас Бульба).

Здесь также отобраны основные элементы пейзажа, но они отобраны так, что создают у читателя полное впечатление о пейзаже. Привлечение других элементов даже мешало бы его восприятию.]

— Еще один характерный пример: "В тот памятный вечер мы, как обычно, сидели в лунном свете на берегу великого океана. Завороженные сказочным зрелищем, мы чутко воспринимали все, что происходило вокруг. Наши ноздри вдыхали аромат тропических цветов и соленого моря, слух улавливал шорох ветра, перебиравшего листья деревьев и пальмовые кроны. Через правильные промежутки времени все звуки тонули в гуле прибоя, — мощные океанские валы несли свои пенящиеся гребни вверх по отмели, чтобы разбить их вдребезги о прибрежную гальку. Воздух наполнялся стуком, звоном и шуршанием миллионов блестящих камешков, затем волна отступала, и все стихало, пока океан набирал силы для нового натиска на упорный берег" (Хейердал. Путешествие на Кон-Тики).

Здесь также для создания определенного впечатления о пейзаже отобраны только его наиболее существенные элементы, способные создать определенное, более или менее целостное впечатление.

Можно наблюдать такие случаи, когда не все в окружающем человека мире является актуальным для общения людей. Для каждого акта речи характерно так называемое целеполагание. В акте речи отмечается обычно

то, что больше всего соответствует цели высказывания. Все остальное может быть опущено как неактуальное для высказывания. Это довольно ярко проявляется даже в самой простой фразе типа *Мальчик идет в школу*. В данном случае говорящего совершенно не интересует, какой это мальчик: высокого он роста или низкого, какого цвета его волосы, что он несет в руках, как он одет, идет он быстро или медленно и т.п. Для него важен сам факт, что мальчик идет в школу. Поэтому единичный речевой акт всегда является недостаточным для полной характеристики предметов и явлений окружающего мира, поскольку он всегда охватывает и характеризует только какую-то часть действительности. Для более или менее полной характеристики чего-либо необходимо какое-то количество речевых актов.

Вербалисты, или лингвисты, рассматривающие мышление и язык как две стороны одной и той же медали и утверждающие при этом, что мышление осуществляется только на базе языка, не хотят признать, что в реальной жизни происходит чередование разных типов мышления. Профессор, читающий лекцию в университете, естественно, будет пользоваться словесным мышлением, поскольку словесное мышление — это лучшая форма для создания формулировок различных теоретических положений, законов, доказательств, связного и логического выражения мыслей лектора. Тот же профессор после окончания лекций может сесть в собственную машину и ехать домой. Управляя машиной, он может целиком переключиться на так называемое практическое мышление. Находясь в густом потоке машин, он не создает в голове никаких фраз с подлежащим и сказуемым. Его мышление осуществляется в осмысленных движениях. Ему нужно вовремя остановить машину, если остановилась передняя машина, прибавить скорость, если сзади идущая машина едет с большей скоростью, обогнать, если это необходимо, впереди идущую машину, вовремя свернуть в нужный переулок и т.п. Вечером он идет в театр. Возвратившись из театра, он начинает думать о том, что было в театре. Вряд ли он, хотя бы мысленно, будет создавать поток следующих друг за другом фраз. Он, скорее, будет воспроизводить образы отдельных сцен, образы актеров, участвующих в отдельных действиях, и т.д. Это будет уже другой тип мышления — образное мышление. Наконец, в разговорах со своей женой он может употребить так называемое редуцированное мышление. Вот что пишет об этом типе мышления П.А. Сотникян: «При мышлении у нас образ вещи может сворачиваться и разворачиваться. Когда я в более или менее сложной форме мыслю обычную для меня мысль, то образ этой вещи бывает в свернутом виде, однако вполне достаточном для мышления; например, когда я говорю "мой отец помог мне получить среднее образование", то образ моего отца мыслится совершенно сокращенно, так что лишь какой-либо штрих из его внешнего облика, например его характерный взор, оказывается достаточным для мышления... Мы мыслим свернутыми образами, когда мысль для нас привычна... В обыденном мышлении мы не нуждаемся в развернутом образе, так как и свернутые образцы или сгустки оказываются достаточными для мышления или неточного привычного различения одной вещи от другой... Развернутый образ выступает у нас, когда мы нуждаемся в каком-либо доказательстве при объяснении» [Сотникян, 1968, 92].

"Если же наше мышление не нуждается в таких объяснениях и доказательствах, то наши образы могут не всплывать в развернутом виде, они могут сократиться до минимального сгустка, вполне достаточного для понимания сказанного" [там же, 142].

"... содержание также может сокращаться, но тут сокращение будет состоять лишь в том, что вместо развернутого содержания появится сгусток этого содержания, или даже в сознании выступает не весь сгусток, а лишь часть его, да плюс к тому же выступающее в сознании содержание может не раскрываться, а оставаться как бы в скобках, оставляя в сознании то, что здесь мы имеем дело с чем-то определенным, отличным от других вещей" [там же, 41].

[Существует два типа внутренней речи — развернутая и редуцированная.] Развернутая — это говорение про себя. Движения произносительных органов здесь возможны, но они носят следовый, рефлекторный характер и совершаются по инерции, не имея особых функций. Появление во внутренней речи образных и звуковых представлений может их прерывать. Степень интенсивности этих движений неодинакова. Она варьируется в зависимости от легкости или трудности содержания внутренней речи. Но существует и другая, так называемая сокращенная, форма внутренней речи. Вот некоторые ее характеристики.

С синтаксической стороны эта форма речи крайне отрывочна, фрагментарна и сокращена по сравнению с развернутой внутренней речью. Для нее характерно [упрощение синтаксиса, минимум синтаксической расчлененности, высказывание мысли в сгущенном виде, значительно меньшее количество слов.] Во внутренней речи этого типа содержатся не столько слова, сколько трудноуловимые намеки на них, выражаемые в каких-то моментах артикулирования. Слова здесь представляют конденсированное выражение смысловых групп. Говорят, что в данном случае даже нет слов в их грамматическом значении, а "лишь некоторые элементы артикулирования, которые являются носителями общего смысла" [Соколов, 1968, 101]. Описанная речь соответствует типу мышления, в котором, по всей видимости, довольно причудливо смешиваются вербальный и авербальный типы.

Возможен такой тип мышления, когда человек обращает внимание главным образом на связи между понятиями, достаточно не раскрывая их содержание и даже четко не понимая, что они вообще собой представляют. Человек, услышавший фразу *Кенгуру живут в Австралии*, может не иметь никакого представления ни о кенгуру, ни об Австралии, но он не сочтет ее абсурдной, поскольку в ней говорится, что кто-то где-то живет.

Может быть такой тип мышления, когда человек хорошо понимает результаты различных действий и на этом основании мысленно воссоздает, что здесь могло происходить. Для иллюстрации этого типа мышления нам представляется уместным привести один отрывок из романа Б. Полевого "Повесть о настоящем человеке":

"Приподнявшись, он с удивлением оглядел широкое поле, видневшееся за лесной опушкой и ограниченное на горизонте сизым полукругом далекого леса.

Должно быть, осенью, а вернее всего — ранней зимой, по опушке леса через это поле проходил один из оборонительных рубежей, на которой не-

долго, но упорно, как говорится, насмерть, держалась красноармейская часть. Метели прикрыли раны земли слежавшейся снежной ватой. Но и под ней легко угадывались кротовые ходы окопов, холмики разбитых огневых точек, бесконечные выбоины мелких и крупных снарядных воронок, видневшихся вплоть до подножий разбитых, израненных, обезглавленных или вывернутых взрывами деревьев опушки. Среди истерзанного поля в разных местах вмерзли в снег несколько танков, окрашенных в пестрый цвет щучьей чешуи. Все они, в особенности крайний, который, должно быть, взрывом гранаты или мины повалило набок, так, что длинный ствол его орудия высунутым языком свисал к земле, — казались трупами неведомых чудовищ ...

Все говорило Алексею об упорстве и ярости бушевавшего здесь боя, о том, что его боевые товарищи дрались, позабыв обо всем, кроме того, что нужно остановить, не пропустить врага.

А дальше у дороги, ведущей в лес, под закиданной песком молодой елочкой, наполовину в воронке, также навзничь лежит на ее краю смуглый узбек с тонким лицом, словно выточенным из слоновой кости. За ним под ветвями елки виднеется аккуратная стопка еще не израсходованных гранат, и сам он держит гранату в закинутой назад мертвой руке, как будто перед тем, как ее бросить, решил он глянуть на небо, да так и застыл".

Нетрудно заметить, что отдельные сцены боевых действий здесь предугадываются по их результатам. Вне всякого сомнения, существует так называемое поисковое мышление. Этот, еще мало исследованный, тип мышления обнаруживается у людей, играющих в шахматы, у ученых, работающих над разрешением какой-либо сложной научной проблемы, изобретателей, следователей и т.д. Вполне очевидно, что процесс мышления здесь имеет определенные отличия от обычного типа мышления. Не исключена возможность наличия каких-то подсознательных, скрытых процессов мышления. Не последнюю роль в этом типе мышления, по-видимому, играет вербальное мышление.

Противники полиморфного характера мышления обычно используют основной свой аргумент. "Различая логические и семантические формы мышления, — замечает П.В. Чесноков, — борясь против их отождествления, не следует впадать в противоположную крайность и доходить до их метафизического разрыва, до их отнесения к разным формам мыслительной деятельности — языковой и надязыковой ... Логические и семантические формы существуют в неразрывном единстве, как две стороны единого процесса организации мысли, протекающего в одной сфере языкового мышления" [Чесноков, 1977, 62]. Этот аргумент целиком и полностью основывается на утверждении о том, что человеческое мышление может совершаться только на базе языка. На самом деле единство различных типов мышления состоит лишь в том, что каждый из них способен правильно отразить мир, но каким способом будет этот мир отражен: в форме ли слов, понятий, образов или осмысленных движений — это совершенно другой вопрос.

Вербалисты совершенно превратно истолковывают проблему материального в языке. Почему, по их мнению, не может быть мышление без языка? Б.В. Бирюков так определяет сущность материализма: "Методологически

отправным пунктом должен быть, на наш взгляд, основной тезис материализма, отрицающий субстанциональность идеального, не допускающий никаких идеальных бытий как самостоятельных сущностей — тезис о единстве языка и мышления” [Бирюков, 1967, 254]. Логически, по их мнению, из этого тезиса должно следовать, что если мышление не выражается словами, то понятия становятся самостоятельными сущностями. Если утверждение о возможности мышления без слов, по мнению вербалистов, является насквозь идеалистичным, то, очевидно, звуковые комплексы и являются материальным субстратом понятий. Но звуковые комплексы представляют собой звуковую материю, которая не имеет ничего общего с природой того предмета, который он обозначает. Материальным субстратом представлений и понятий являются предметы окружающего мира, а не звуковые комплексы.

В утверждении некоторых лингвистов и психологов: мышление возможно без слов — нет идеализма. Ведь они при этом не отрицают того, что понятие является отражением вещей.

Правильное понимание сущности материализма мы находим у С.Л. Рубинштейна: “Конкретным выражением материалистического монизма в вопросе о гносеологическом отношении образа к вещи является положение: образ вещи — это идеальное, т.е. отраженная в субъекте, в его мозгу, форма отраженного существования вещи” [Рубинштейн, 1957, 36].

Вербалисты утверждают, что их взгляды якобы полностью соответствуют взглядам классиков марксизма, которые будто бы также не допускают возможности мышления без языка.

«На “духе”, — говорит К. Маркс, — с самого начала лежит проклятие — быть “отягощенным” материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоёв воздуха, звуков — словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Маркс, Энгельс, т.3, с. 29].

Но ведь Маркс всюду здесь говорит о сознании, а не о мышлении. А это далеко не одно и то же. Выражение Маркса: “Язык так же древен, как и сознание” — необходимо понимать в том смысле, что язык и сознание — два необходимых условия существования общества. Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания, без которого общественное сознание немислимо.

Общественное сознание не могло бы возникнуть без языка, поскольку опыт познания мира отдельными индивидами может превратиться в коллективный опыт только при посредстве языка.

Отстаивая свои взгляды, вербалисты опираются еще на одно высказывание К. Маркса, содержащееся в его работе “Немецкая идеология”: “Язык есть непосредственная действительность мысли”. Отсюда вербалисты делают вывод: “Мышление существует только на базе слова”. Но о какой действительности здесь идет речь?

Эта фраза дана у Маркса в таком контексте: “Для философов одна из наиболее трудных задач — спуститься из мира мысли в действительный

мир *Язык* есть непосредственная действительность мысли. Так же, как философы обособили мышление в самостоятельную силу, так должны были они обособить и язык в некое самостоятельное, особое царство. В этом тайна философского языка, в котором мысли, в форме слов, обладают своим собственным содержанием. Задача спуститься из мира мыслей в действительный мир превращается в задачу спуститься с высот языка к жизни.

... Философам достаточно было бы свести свой язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нем извращённый язык действительного мира и понять, что ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они — только *проявления* действительной жизни” [Маркс, Энгельс, т. 3, с. 448—449].

Для того чтобы правильно понять смысл этого высказывания Маркса, необходимо прежде всего уяснить, какой язык Маркс имеет в виду. Маркс обращает прежде всего свое внимание на язык философов. Философы, по выражению Маркса, обособили мышление в самостоятельную силу, определяющую сознание. Совершенно естественно, что и их философский язык, отражающий эти взгляды, также превратился в нечто оторванное от реальной действительности. Поэтому Маркс ставит перед философами задачу спуститься из мира мысли в действительный мир, спуститься с высот философского языка к жизни, ”свести свой (философский. — Б.С.) язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нем извращенный язык действительного мира...”

Язык, по Марксу, — непосредственная действительность мысли, отражающей действительный мир, а не выражение мысли, определяющей человеческое сознание. Именно в этом заключается истинный смысл приведенного высказывания о языке как о реальной действительности мысли, а не в том, что мышление возможно только на базе языка. Внеязыковые формы мышления также отражают действительность. Подтверждением того, что мышление на базе слов не является единственной формой мышления, может служить одно из высказываний Маркса: ”Даже основной элемент мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли — язык — чувственной природы” [Маркс, Энгельс, т. 3 (1929), с. 630].

Таким образом, Маркс, считая язык основным элементом мышления, допускает существование и других элементов.

В реальной действительности мышление человека представляет собой совокупность различных типов мышления, постоянно сменяющих друг друга и взаимопереплетающихся. Если бы такого многообразия не было, звуковой язык оказался бы явно недостаточным. Мышление без слов так же возможно, как и мышление на базе слов. Словесное мышление — это только один из типов мышления.

В лингвистической литературе высказывались взгляды, отрицающие способность языка к отражению действительности. Так, например, по мнению Г.В. Колшанского, мышление соотносится с действительностью отношением отражения, язык — отношением выражения [Колшанский, 1965, 16—17].

”Сущность языка, — замечает П.И. Визгалов, — не отражательная, а знаковая. Язык как деятельность органов речи и звуки, получающиеся в результате ее, представляют собой не процесс отражения, а процесс формиро-

вания и выражения отражательного процесса, каким является мышление” [Визгалов, 1962, 8].

Мнение Г.В. Колшанского, что язык соотносится с действительностью отношением выражения, а не отражения, по своей сущности правильно. Что касается суждения П.И. Визгалова, то оно эклектично. С одной стороны, язык лишен способности к отражению. С другой стороны, он формирует отражательный процесс, т.е. участвует в отражении.

Какова же действительная роль языка? Звуковой комплекс сам по себе ничего отражать не может. Отражение действительного мира происходит в мышлении. Но чтобы связать язык с действительностью, человек создает знаки и связывает язык с действительностью через отнесение к ней знаков. }

КАК ПРОИСХОДИТ ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА В ЯЗЫКЕ?

Вопрос о картине мира, представленной в головах двух разговаривающих на каком-либо языке людей, не может быть предметом особого рассуждения — это проблема не лингвистическая. Кроме того, заведомо предполагается, что подобная картина в том или ином виде у говорящих существует. В противном случае общение между людьми было бы вообще невозможно, поскольку общение основывается на наличии у говорящих каких-то элементов единого понимания, единого взгляда на вещи. Здесь важно выяснить, как она представлена в языке и его элементах.

Вербалисты, утверждающие, что мышление существует только на базе слов, и отрицающие существование других типов мышления, никаких различий между языком и мышлением не видят. Тем не менее между ними существуют значительные различия.

Понятия могут создаваться в голове человека в результате непосредственного отражения предметов и явлений окружающего мира. Единственным условием образования понятия является накопление сведений о предмете или явлении.

Само по себе мышление не коммуникативно. Но язык — средство коммуникации, и как средство и орудие общения он имеет свою специфику.

При исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке обычно исходят из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке. При этом заведомо предполагается, что человек отражает эту действительность правильно и так же правильно эта действительность выражается в языке.

На самом деле все эти процессы выглядят значительно сложнее. Прежде всего следует заметить, что человек никогда не в состоянии отразить окружающий мир во всем его многообразии, целиком и полностью. Познание окружающего мира — всегда процесс, иногда довольно длительный. В истории науки он может продолжаться сотни лет, в истории человечества результаты познания мира нередко представляют опыт многих поколений. Иначе и быть не может, ибо так устроен человеческий мозг. Структура познавательного аппарата человека не приспособлена к тому, чтобы сразу и полностью воспроизвести в идеальной форме объект во всей сложности. Это чисто биологическая особенность человека. Познание всегда предполагает известный жизненный опыт, постепенное накопление знаний, изучение того, что имеется на земле и что на ней происходит. Конечно, вместе с ростом культуры, развития науки и техники биологически совершенству-

ется и человеческий мозг и увеличиваются вспомогательные средства познания мира, тем не менее процесс остается процессом.

Наши знания о предмете являются относительными, неполными, отражающими лишь некоторые его стороны, поскольку в форме знания предмет существует только в этой отраженной своей части. В непознанной же своей части он не существует для нашего сознания, хотя и существует объективно [Борисов, 1966, 36]. Кроме того, абсолютное познание объекта даже фактически невозможно, так как объект бесконечен в своих свойствах. Мы только приближаемся к абсолютной истине.

Полное знание всех свойств объекта практически и не нужно, так как речевой акт в каждый отдельный отрезок времени отражает только определенное свойство объекта или только часть этих свойств. Выражение всех свойств объекта в каждый отдельный отрезок времени даже не нужно, так как это затрудняло бы общение. Поэтому в процессе познания происходит всегда упрощение и "омертвление" живого!

Другая особенность этого процесса состоит в том, что результаты познания человеком окружающего мира никогда не находятся на одном и том же уровне. Здесь существует масса всяких градаций. Градации могут зависеть от возраста, наличия жизненного опыта, области, в которой человек работает, профессии, уровня образования, способностей к восприятию чего-либо и многих других причин и факторов. Познание окружающего мира ребенком очень несовершенно по сравнению с познанием его опытным пожилым человеком. Первобытный человек, по-видимому, знал окружающий мир очень неглубоко и поверхностно, извлекая из этих знаний главным образом то, что было ему необходимо для существования. Специалист может видеть в окружающем его мире то, что остается совершенно незаметным для неспециалиста. Малограмотный человек может понимать многие окружающие его явления совершенно по-иному по сравнению с высокообразованным человеком и т.д.

Как же при таком многообразии уровней познания окружающего мира люди все-таки понимают друг друга? Общение между индивидами становится возможным в том случае, если в языковых знаках и знаковых структурах выработаны всеобщие значимости. Это означает, что какие-то общности в языке находятся как бы над уровнями конкретного познания окружающего мира. В роли таких общностей выступают общие значения слов. Дело в том, что отдельное употребление слова в речи отнюдь не является его исчерпывающей характеристикой. Оно, скорее, играет роль возбуждителя. Оно возбуждает у собеседника некоторую сумму самых общих дифференциальных признаков, дающих возможность собеседнику опознать предмет, о котором идет речь.

Не случайно А.А.Потебня различал так называемое ближайшее и дальнейшее значение слова. (Под значением слова, — отмечает А.А. Потебня, — разумеются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, — дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение слова составляет действительное содержание мысли во время произношения слова.) Когда я говорю "Сажу за столом", я не имею в мысли совокупность различных признаков сидения, стола, пространственного отношения "за" и пр. Такая совокупность или понятие может быть передумана

лишь в течение ряда мгновений, посредством ряда умственных усилий и для выражения своего потребует много слов. Ближайшее, или формальное, значение слов, вместе с представлением, делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга. В говорящем и слушающем, — замечает А.А. Потебня, — чувственные восприятия различны в силу различия органов чувств, ограничиваемого лишь сходством между людьми. Еще более различны в них комбинации этих восприятий, так что когда один говорит, например, *это дерево береза*, то для другого вещественное значение этих слов совсем иное. Оба они думают при этом о различных вещах, но так, что мысли их имеют общую точку соприкосновения: представление (если оно есть) и формальное значение слова. Общее между говорящим и слушающим обусловлено их принадлежностью к одному и тому же народу. Другими словами: ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично» [Потебня, 1922, 19–20].

Фактически А.А. Потебня пытался разграничить узкое и широкое понятия. В дальнейшем эта мысль неоднократно подтверждалась разными исследователями, только в другом терминологическом выражении. Так, например, Л.Г. Воронин предлагает различать смысловое значение слова и понятие. Смысловое значение слова — это такое его выражение, при котором в слове выражается совокупность любых признаков предмета или явления. Понятие же есть отражение определенной совокупности общих и существенных признаков предмета [Воронин, 1958, 14]. Нетрудно заметить, что в этой формулировке смысловое значение — это сумма знаний о данном предмете, или широкое понятие. Узкое понятие получает название понятия вообще. По мнению Л.Г. Воронина, значение слова складывается из двух основных отношений к действительности: обозначения предмета и отражения предмета. При одном и том же языковом способе обозначения предмета отражение предмета может быть различным. И наоборот, при одном и том же отражении предмета способы его обозначения могут сильно различаться. Обозначение словом предмета в данном языке, как правило, постоянно во все периоды употребления слова — и в древности, и в настоящее время, и для ребенка, и для взрослого, и т.п. [там же, 6]. "Отнесенность слова к предмету или явлению как обозначение данного предмета или явления не изменяется, а отнесенность слова к предмету как отражение данного предмета меняется под влиянием различных факторов, в том числе и таких, как исторический уровень познания данного предмета отдельной личностью и т.д." [там же, 7]. В этом высказывании допущены некоторые неточности: обозначение данного предмета или явления также изменяется, ср. замену др.-греч. *νερό* 'вода' н.-греч. *ὕδωρ*. Однако слово в роли возбудителя изменяется значительно реже по сравнению с изменением совокупности знаний о предмете, которые также представляют результат отражения. Нельзя считать отражением только отнесенность слова к предмету.

Обозначение как форма отношения слова к действительности выступает в специфической форме, в форме названия. Звуковая сторона слова является той материальной, чувственно воспринимаемой основой, благодаря которой слово становится сигналом второй сигнальной системы и тесно связывается с функцией отражения действительности.

По мнению В.М. Богуславского, в понятиях откладывается, аккумулируется общественно-историческая практика людей, подытоживается и резюмируется знание, накопленное за известный период [Богуславский, 1957, 213]. В значении слова используется не все содержание данного понятия, а только часть его, известная всем членам общества. Таким образом, значение определяется как часть понятия [там же, 244].

Д.П. Горский различает два типа понятий — понятия, которыми мы пользуемся в повседневной жизни, и научные понятия. Обыденное понятие и значение слова совпадают. Научное же понятие играет и роль значения этого слова (т.е. по признакам, отраженным в этом понятии, можно отличать предметы, обозначаемые словом) и раскрывает сущность предметов, обозначаемых этим словом [Горский, 1957, 85].

Не менее интересным является другой вопрос: может ли человеческий язык отражать окружающий мир?

"Сущность языка, — замечает П.И. Визгалов, — не отражательная, а знаковая. Язык как деятельность органов речи и звуки, получающиеся в результате ее, представляют собой не процесс отражения, а процесс формирования и выражения отражательного процесса, каким является мышление" [Визгалов, 1962, 5]. В этих высказываниях безусловно имеется доля истины. Отражать явления окружающего мира и их закономерные связи способен только человеческий мозг. Результаты его познавательной работы закрепляются в понятиях. Звуковой комплекс сам по себе ничего не отражает. Недаром Маркс говорил: "Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой" [Маркс, Энгельс, т. 23, с. 110].

Звуковой комплекс произносится с той целью, чтобы слушающий опознал обозначенный данным звуковым комплексом предмет или его признак (качественный или процессуальный). Совершенно ясно, что для осуществления этой цели нет никакой необходимости воспроизводить всю сумму сведений о данном предмете, которая может быть в сознании слушающего. Смысл обозначения заключается в том, чтобы слушающий опознал предмет по какому-то минимуму дифференциальных признаков. Однако он никогда ничего не мог бы понять, если бы звуковой комплекс не имел значения. Значение, которое всегда устанавливается людьми, фактически выполняет роль указания на этот комплекс дифференциальных признаков. Объем сведений о предмете, заключающийся в минимуме дифференциальных признаков, может быть очень невелик. Для того чтобы иметь общее представление о корабле, достаточно знать хотя бы самые общие его контуры и ассоциировать его с морем. Можно даже произвести такой интересный психологический опыт. Представим себе разговор двух людей. Один из них плавал на корабле всю свою жизнь, а другой впервые увидел корабль всего несколько дней тому назад. И если он произнесет фразу *Вчера я видел в море корабль*, то у бывшего моряка может возникнуть в голове только самое общее представление о корабле, несмотря на его огромный опыт. Происходит это оттого, что для опознания предмета, выраженного звуковым комплексом, большего и не требуется. В.Ф. Асмус справедливо замечает, что стремление включить в состав понятия все признаки соответствующего предмета не только совершенно неосуществимо, но с логической точки зрения совершенно бессмысленно. "Для

задач практической жизни и для научного познания достаточно, если из всего огромного множества свойств предмета мысль наша выделит некоторые из этих свойств таким образом, что каждый из признаков, отличающий эти свойства, отдельно взятый, окажется совершенно необходимым, а все признаки, взятые вместе, окажутся совершенно достаточными для того, чтобы при их помощи отличить данный предмет от всех других, познать данный предмет по какой-то стороне его содержания" [Асмус, 1947, 32].

/Минимум дифференциальных отличительных черт, по-видимому, у всех говорящих на данном языке одинаков. Свойство слова — возбуждать этот минимум и указывать, что скрывается за данным звуковым комплексом, — и превращает язык в очень удобное средство общения людей/

Сумма дифференциальных признаков, однако, не раскрывает полностью сущность предмета. Она существует в сознании; звуковой комплекс чаще всего базируется на каком-то одном признаке. Др.-греч. *ἀγορά* 'рынок' связано с глаголом *ἀγείρω* 'собирать' (т.е. место, где собирается народ), англ. *market* 'рынок' происходит от лат. *mercatus* 'торг, рынок', которое в свою очередь связано с лат. *mercot* 'покупать'. Рус. *окно* связано со словом *око* 'глаз', исп. *ventana* 'окно' — с лат. *ventus* 'ветер' и т.д.

Язык не располагает очень большим количеством выразительных средств. Эти средства в любом языке более или менее ограничены, неполны и недостаточно совершенны. Язык очень часто выражает что-либо приблизительно, вынужден идти к своей цели сложными и окольными путями. Эту истину легко доказать на довольно конкретных примерах.

В реальной обстановке человек очень легко может понять, что действие уже закончилось, если он наблюдает его совершение и прекращение. Однако выразить идею прекращения действия языковыми средствами часто бывает нелегко. Как, например, логически объяснить наличие приставки *у-* в таких глагольных формах сов. вида, как *умер, упал, украл*. Очевидно, приставка *у-* здесь принесена по аналогии. Сравнение этой приставки с генетически родственными приставками в других индоевропейских языках, например с латинской *au* в *aufero* 'уношу', *aufugio* 'убегаю', а также с др.-инд. *ava* 'прочь, долой' указывает, что первоначально эта приставка была связана с исчезновением субъекта или объекта действия и была совершенно естественна в таких глагольных формах, как *унес, ушел* и т.д. Исчезновение объекта или субъекта действия часто сопровождается прекращением самого действия. По причине такой ассоциации приставка *у-* превратилась в средство выражения сов. вида глаголов, которые сами по себе не предполагают исчезновения субъекта действия, ср. такие формы, как *упал, умер, устал, узнал* и т.д.

Однако из жизненной практики довольно хорошо известно, что исчезновение субъекта или объекта действия не является единственным признаком завершения действия. Могут быть случаи, когда признак исчезновения действия может даже оказаться ложным. Допустим, что мимо вас промчался мотоциклист. Субъект действия исчез из виду, но его действие отнюдь не прекратилось.

Несовершенство языковых средств можно показать и на других примерах. Венг. *nyirfa* 'береза' состоит из двух частей — *nyir* и *fa*. Первый компонент связывается со значением 'прут' (ср. мар. *nörğö* 'молодой побег',

коми-зыр. *ньор* 'прут', манс. *нир* 'прут', нен. *неро* 'ивняк'), последний компонент *ја* означает 'дерево' (ср. фин. *рии* 'дерево', коми-зыр. *пу* 'дерево' и т.д.). Вряд ли признак "прут" достаточно характеризует особенности березы, поскольку прутья, гибкие тонкие ветки и побеги, могут иметь такие деревья, как ива, ольха, черемуха и т.д.

Русские глаголы *строиться*, *умываться* и *драться* обозначают действие, переходящее на субъект, и носителем этого значения является *-ся*. Однако *-ся* передает значение всех этих трех глаголов довольно неточно: *строиться* — это глагол страдательного залога (ср. *Дом строится плотниками*), *умываться* — глагол возвратного залога (ср. *Он умывается каждое утро*), а глагол *драться* — фактически глагол так называемого взаимного залога.

В некоторых индоевропейских языках перфект имеет удвоение: ср. др.-греч. *λέλοιπα* 'я оставил', др.-инд. *sakara* 'я сделал' из *kekora*. Если перфект выражал состояние, возникшее в результате какого-либо действия, то удвоение очень плохое средство для выражения его сущности.

Существуют языки, в которых род. падеж отсутствует. Отношения, выражаемые обычно в других языках род. падежом, в этих языках могут выражаться простым соположением слов способом примыкания, ср. брет. *penn ar dragon* 'голова дракона' (букв. 'голова дракон'), валл. *capten y llong* 'капитан корабля' (букв. 'капитан корабль'). В современных обско-угорских языках — хантыйском и мансийском — этот способ выражения принадлежности также представлен довольно отчетливо, ср. манс. *jā wata*, хант. *johan хопә* 'берег реки' (букв. 'река берег'). Трудно представить способ выражения, который бы так нечетко и ограниченно представлял сущность принадлежности. Принадлежность здесь явно ассоциирована с пространственной близостью предметов, с их соположением, что далеко не исчерпывает самой сущности принадлежности или отношения.

Не более выразительной является также возникшая в пехлевийском языке и окончательно развившаяся в персидском так называемая изафетная конструкция, ср. перс. *sag i tan* 'моя собака'. Сущность этой конструкции состоит в том, что управляемое и управляющее связываются между собой посредством так называемой идафы *i*, развившейся из относительного местоимения *hya* 'который', ср. совр. перс. *kišvar i Iran* 'страна, которая Иран'.

Принадлежность — явление довольно сложное. Она прежде всего выражает владение чем-либо. Она может обозначать часть какого-либо целого, просто отношение к чему-нибудь. На сложность этого явления может указывать хотя бы многообразие названий семантических разновидностей род. падежа в русском языке, ср. родительный принадлежности (*изба садовника*), родительный отношения (*член партии*), родительный целого (*край дороги*), родительный качественной оценки (*человек высокого роста*), родительный носителя признака (*запах земли*), родительный субъекта действия (*пение артиста*), родительный объекта (*взятие крепости*), родительный меры (*бутылка вина*), родительный разделительный (*купить хлеба*) и т.д. Кроме того, род. падеж употребляется при отрицании (*романов она не любила*), после глаголов *добиваться*, *ждать*, *желать*, *искать*, *просить*, *требовать* и т.д. (*добились высоких показателей*), а также после глаголов со значением опасения, лишения, удаления и т.п. (*боюсь утопления*) [ГРЯ, 1952, 121, 122, 123].

В различных языках на базе значения перфекта нередко развивается модальное значение неочевидности действия; например, оно широко распространено в тюркских языках, ср. тат. *Шушы коридорлар буйлап кайчандыр китап, дафтәр тотып Ленин йөргән, шул бинада Толстой укыган. Шунда укырга дип яшь Горький хыял корган* [Кутуй, 1947, 31] 'По этим коридорам когда-то с книгами и тетрадами ходил Ленин, в этом здании учился Толстой. Здесь мечтал учиться молодой Горький'.

Использование перфекта в этом значении не чуждо финскому и эстонскому языкам, ср. фин. *Ta on vii vuosikymmenen aikaa samoillut Lapia, Petsamoja ja Pujaa sotilana, eräkkävijänä luonnon ystävä* 'Автор больше трех десятков лет бродил по Лапландии, Петсамо и Финмарлену в качестве солдата, охотника и естествоиспытателя'; эст. *Ta koneleb pisut inglise keelt ja kuoldavasti Amerikas on juba elanud* [Vilde, 1953, 265] 'Она говорит немного по-английски и, как говорят, уже жила в Америке'.

Характеризуя различные случаи употребления грузинского перфекта (результативного настоящего), Б.Т. Руденко отмечает, что этим временем пользуются для передачи событий, совершавшихся некогда, о которых рассказчик как бы говорит: "оказывается, случилось то-то и то-то" или "как передают, произошло то-то и то-то и т.п.; в этом случае оно является временем повествовательным, служит для оживления рассказа [Руденко, 1940, 241–242].

Модальное значение неочевидности действия способен также выражать перфект в аварском языке [Саидов, 1967, 795]. Перфект в таджикском языке также может применяться для выражения неочевидности действия. На базе перфекта возникло так называемое пересказывательное наклонение в болгарском языке. Формы пересказывательного наклонения во всех случаях (кроме случаев адмиративного употребления) обязательно передают нечто, воспринятое говорящим от другого лица [Маслов, 1956, 249]. Значение прошедшего неочевидного может иметь перфект и в албанском языке [Weigand, 1913, 26].

Перфект в различных языках обычно возникает на базе прош. времени. Само причастие прош. времени в своем значении не содержит ничего такого, что бы могло послужить базой для развития модального значения неочевидности действия. Однако употребление перфекта в языке нередко связано с такими случаями, когда производитель действия говорящему фактически неизвестен. Подобные случаи и послужили базой для развития у перфекта модального значения неочевидности действия.

Буд. время в языке может развиваться на базе глаголов начинательных, глаголов, обозначающих переход в какое-либо состояние, и глаголов, означающих 'хотеть', ср. мар. *лудаш тўналам* 'я буду читать (начну читать)', нем. *ich werde gehen* 'я пойду' и рум. *voi canta* 'я буду петь (я хочу или захочу петь)'. Ни одно из этих средств точно не отображает понятийную категорию буд. времени. Основным ее содержанием является действие, проецируемое в план будущего. Глаголы типа *хотеть, начинать, стать* и т.д. выражают эту идею очень несовершенным образом.

Звукоподражательные слова всегда неточны, поскольку само звукоподражание в языке очень несовершенно.

Природные звуки, в частности звуки, производимые животными, — звуки неартикулированные. В них нет никаких фонем, и в этом отношении

они представляют собой нерасчлененные комплексы звуков. Звуки, издаваемые животными, не имеют однозначной связи. Чаще всего они полисемантичны. Звукопроизводство у животных представляет произвольный акт.

Звукоподражательное слово имеет другую природу и другое назначение. Оно создается не ради звукоподражания, а для того, чтобы на основе звукоподражания создать звуковую оболочку для названия определенного звучания, независимо от того, будет оно представлено в языке как процесс, сопровождающийся звучанием, или как простое название звучания, например *треск*, *звон* и т.д.

Человек, создающий звукоподражательное слово, должен расчленить неартикулированный поток звуков на фонемно членимый комплекс. Это членение носит сугубо индивидуальный характер по принципу "что кому слышится и как представляется". Возможно, что у разных индивидуумов и у носителей языка создаются какие-то целостные доминанты восприятия. Слушая свист, русский и татарин выделили какой-то звук, который можно передать фонемой /с/, ср. рус. *свист*, тат. *сызгыру*. У немца доминанта восприятия оказалась другой. Он подметил глухой шум, который можно передать фонемой /ф/, ср. нем. *pfeifen*. Человек, говорящий на латинском языке, уловил обе эти характеристики сразу, что нашло отражение в глаголе *sibilare* 'свистеть', где *s* и губное *b* представлены одновременно. Вариации здесь могут быть самыми различными. Кроме того, и сам свист мог быть разного качества. Свист, производимый сильным ветром, свистком или губами человека, может вызвать далеко не одинаковое ощущение.

Более сложное явление представляет собой так называемая звуко-символика, когда определенные звуко-сочетания начинают применяться для выражения свойств различных процессов, предметов и явлений, ср. чув. *пѣлт* — подражание горению небольшого пламени, *тър-тър* — подражание дрожанию, бур. *бур-бур гэхэ* 'клубиться (о дыме)', нан. *булчи-булчи* 'прижимать уши', мар. *виж-вуж* 'быстро' и т.д.

Происхождение звуко-символических слов — одна из труднейших проблем общего языкознания. Можно предполагать, что здесь, по всей видимости, происходили какие-то сложные процессы переосмысления акустического восприятия и превращение его в средство передачи уже не акустических свойств, а особенностей различных предметов и процессов. В качестве примера можно взять коми-зырянский глагол *труньгыны* 'струиться, подниматься (о дыме)'. Этот глагол, по-видимому, вначале был связан с каким-то чисто акустическим восприятием, ср., например, *тренькать* 'тихо играть на каком-нибудь инструменте'. Затем это слабое треньканье было использовано как средство передачи слабого дыма, когда он медленно поднимается вверх отдельными струйками.

Явление в языке может выражаться частично и непоследовательно.

Различие предметов одушевленных и неодушевленных в русской грамматике вовсе не соответствует различию живого и неживого в науках о природе, и поэтому такие существительные, как *дуб*, *липа*, *растение*, являются именами существительными неодушевленными. С другой стороны, названия умерших людей — *мертвец*, *покойник* — имеют грамматические признаки категории одушевленности. В отнесении существительных к

одушевленным или неодушевленным в отдельных случаях наблюдаются колебания и отклонения. Так, существительные *бактерии* и *микробы* могут быть относимы к существительным одушевленным и к существительным неодушевленным. В силу этого вин. падеж подобных существительных может совпадать и с род. и с им. падежами (*изучать бактерии, микробы* и *изучать бактерий, микробов* — более архаическое употребление). Существительное сред. рода *лицо* в значении 'человек' также употребляется двояко (*выдвигать определенных лиц* и *выдвигать определенные лица*). Имена существительные собирательные дают отклонения при выражении одушевленности [ГРЯ, 1952, 105].

Значение глагольного суф. *-ышт* в коми-зырянском языке в известной мере напоминает значение русской глагольной приставки *по-*, поскольку оба форманта могут обозначать действие малой меры. Однако сфера употребления суф. *-ышт* значительно шире употребления русской глагольной приставки *по-* с ограничительным значением. Происходит это вследствие того, что суф. *-ышт* может обозначать и мгновенное, и малоинтенсивное, и малообъемное действие, ср.: *тöв пöльтыштд* 'ветер дует слегка', *гижны кужышта* 'писать умею, но не вполне', *яйсö вайышти* 'принес немного мяса', *лэбыштіс войвывса гождом* 'пролетело северное лето', *ув тіралыштіс* 'ветка вздрогнула' и т.д.

В мансийском языке, как и в русском, имеется страдательный залог, но формы страдательного залога в мансийском языке употребляются значительно чаще, чем в русском.

В русском и мордовском языках мн. число имен существительных получает определенное языковое выражение. Однако в отличие от русского языка в мордовском языке в косвенных падежах неопределенного склонения имен существительных мн. число не получает никакого языкового выражения: эрзя-морд. *кудосто* может означать и 'из дома' и 'из домов'.

Сфера употребления вин. падежа во многих уральских и тюркских языках ограничена. Вин. падеж употребляется обычно в тех случаях, когда объект действия является определенным. В финском языке вин. падеж используется в меньшей степени, потому что с ним конкурирует паритив.

Род. падеж имеется в русском, татарском и коми-зырянском языках, но в татарском и коми-зырянском он употребляется значительно реже, чем в русском. В татарском языке с род. падежом конкурирует изафетная конструкция, в коми-зырянском род. падеж не употребляется, если он является определением имени существительного, выступающего в роли прямого дополнения.

В языке могут быть такие случаи, когда значение вообще не выражено.

Наст. время в бирманском языке ничем не отличается от прошедшего, ср. *ди?руаг?ди?* 'он вернулся', 'он возвращается' [Маун Маун Ньюн и др., 1963, 62]. В финно-угорских языках наст. время сплошь и рядом имеет значение будущего сов. вида, ср. коми-зыр. *муна* 'я иду' и 'я пойду'.

Значение направления движения во что-либо может быть специально ничем не выражено в армянском языке.

Бывают случаи, когда один язык что-то выражает, но в другом языке эта идея остается невыраженной. Если русский слышит, как в соседней комнате хлопнула дверь, он может сказать *Кто-то вошел* на основании

слухового восприятия. Ненец в этом случае может употребить особое наклонение — аудитив. Если татарин, повстречав на дороге своего приятеля, видит, что портфель у него не набит, он может спросить: *Что у тебя в портфеле?* Если он видит, что портфель сильно набит, он может обратиться к своему приятелю с тем же вопросом, но поставив вопросительное местоимение *что* во мн. числе.

Формативы могут иметь разные значения. Так, например, инессив-иллатив в саамском языке может иметь значение местонахождения в чем-либо и движения из чего-либо: норв.-саам. *acce lac stobost* 'отец в комнате' и *acce bodii stobost* 'отец пришел из комнаты'.

В древнетюркском языке местно-исходный падеж, характеризовавшийся окончанием *-да*, также имел два совершенно противоположных значения — значение местонахождения и удаления от чего-либо.

В лингвистике существует распространенное мнение, будто человеческой речи на древних этапах ее существования были совершенно чужды придаточные предложения, речь состояла только из простых предложений, никакими языковыми средствами между собой не связанных. Образцы древней человеческой речи действительно свидетельствуют о том, что придаточные предложения для древних языков не были типичны. Однако это далеко не означает, что в древние времена не было логически связанных между собой предложений типа *В дерево ударила молния. Оно упало.* Подобного рода предложения существовали всегда, хотя в древние эпохи они могли быть в языковом отношении друг с другом совершенно не связанными.

Неточному обозначению в языке предмета или явления в немалой мере способствует метафора или сравнение. Метафора может указывать на весьма отдаленное сходство со сравниваемым предметом, ср. такие названия, как *Кавказский хребет, Канин нос, Камень* (старое название Урала), *подножье горы, расцвет литературы и искусства, год перелома, закрытие сезона, выход книги, пароход идет, посадка самолета, кожа слезла, рукав реки*, фр. *ripaise* 'канцелярская кнопка' (букв. 'клоп') и т.д.

Татарское слово *ташбака* означает 'черепаха' (букв. 'камень лягушка'), но это название не может быть основанием для определения черепахи, поскольку сходство черепахи с лягушкой весьма отдаленное и ничего каменного в черепахе нет. Слово *каменный* здесь символизирует свойство твердости панциря черепахи, напоминающего по твердости камень.

Точно так же название *Млечный путь* не имеет ничего общего с сущностью обозначенного им явления.

Употребление так называемого прошедшего, или прошедшего на *-ган*, в татарском языке во многом зависит от установки говорящего. Могут быть все необходимые условия для употребления второго прошедшего, но говорящий может употреблять первое прошедшее время, если он сочтет более важным отметить сам факт совершения действия, а не его результативность или модальный оттенок неочевидности: *Сучынлап да кимәде, инде утырырга да була* [Гази, 1949, 19] 'Вода действительно убыла, уже можно сесть'; *Офыктан офыкка кадәр жәлеп яткан арыш кырлары агарды инде* [Эники, 1956, 218] 'Протянувшиеся до горизонта ржаные поля уже побелели'. В коми-зырянском языке, очевидно под влиянием русского языка, возникла тенденция к нарушению правил употребления перфекта

в модальном значении. Нередки случаи, когда, несмотря на наличие необходимых условий, перфект в модальном значении не употребляется, а заменяется первым прошедшим временем, например: *Колхозной пастух висъ-таліс, мый вѳрѳсуѳті сны красноармееѳчяс* 'Колхозный пастух рассказал, что в лесу остановились красноармейцы'.

Существует также немало форм, причины и пути образования которых вообще неизвестны. Так, например, неизвестны причины возникновения аугмента в индоевропейских языках, ср. греч. *ἔγραφα* 'я писал', др.-инд. *abharat* 'он нес'.

Неизвестно, в чем заключалось различие между *j*-овым и *s*-овым прошедшим временем в уральском праязыке, поскольку реликты этих времен в современных финно-угорских языках не обнаруживают никаких семантических различий.

В основе названия *атом* лежит идея неделимости. Ср. соответствующее греческое слово, означающее "неделимый". Совершенно естественно, что в данном случае название, не раскрывающее сущности обозначаемого им предмета, превратилось в пустой ярлык.

Все это наводит на мысль, что перечисленные выше приемы не предназначены для точной и научной характеристики предмета. Они предназначены для создания звуковых комплексов. Хорошо известно, что мысль одного человека, для того чтобы стать достоянием другого человека, должна принять чувственно воспринимаемую форму. Известная ограниченность средств выражения в языке не позволяет ему создать идеальное средство выражения.

Важнейшим этапом в процессе создания словесного знака является наделение его значением. Номинация по какому-либо признаку является чисто техническим языковым приемом. Признак, выбранный для наименования (создание звуковой оболочки слова), далеко не исчерпывает всей сущности предмета, не раскрывает всех его признаков.

С самого начала появления слова возникает конфликт между содержанием и формой выражения, и язык пытается этот конфликт устранить. Необходимо передать забвению внутреннюю форму слова. Одним из наиболее эффективных средств для достижения этой цели является формальная, а нередко и более радикальная смысловая изоляция вновь возникшего слова.

В языке может произойти утрата источника наименования. Слова *береза* и *лебедь* в русском языке связаны с наименованием белого цвета. Береза восходит к древнему *bherag* 'светлый, белый', а *лебедь* — к корню *alb* 'белый' (ср. лат. *albus* 'белый'). Но таких прилагательных в русском языке давно нет. Слово *сын* из *synos* никак не может быть ассоциировано с глагольной основой *sū* 'рождать', поскольку эта основа в русском языке, даже в его предке — праславянском, давно утрачена.

Когда слово заимствуется одним языком из другого, оно также изолируется, поскольку его этимологические связи остаются в пределах другого языка. Существующее в русском языке слово *ковбой*, заимствованное из английского, не разлагается в сознании русского на составные части, поскольку этимологические связи остались в пределах английского языка.

Большое значение в процессе изоляции слов имеют различные фонетические процессы. В слове *голубь* основа *гол* фактически связана с прила-

гательным *желтый*. Но в *желтый* выступает иная основа чередования — *gal*, где *g* в положении перед позднее возникшим *e* превратилось в *ж*; в основе же *гол* такого превращения не произошло. Таким образом, слово *голубь* совершенно изолировалось от прилагательного *желтый*. Вряд ли древний грек мог связать слово *κόμμα* 'кусок' с глаголом *κόπτω* 'бить, рубить', так как облик корня *кор* в данном случае затемнен ассимиляцией.

Изменение грамматических форм также может способствовать изоляции слова от первоначального его источника. Так, современный носитель татарского языка не воспринимает слово *куян* 'заяц' как причастие наст. времени от глагола *куй* 'гнать', поскольку причастия на *-ан* в татарском языке уже нет. Современный грек также не замечает, что в слове *πρωτεύουσα* 'столица' скрыто причастие наст. времени от глагола *πρωτεύω* 'играть первую роль, главенствовать', опять-таки потому, что в современном новогреческом языке вообще нет формы причастия наст. времени.

Средством изоляции слова может быть деформация его первоначального облика, фонетическое "выветривание" и т.д. В слове *nicht* 'нет' носитель немецкого языка уже не осознает скрытого в нем существительного *wicht* 'вещь' (*nicht* произошло из *ne wicht* букв. 'не вещь').

Забвению внутренней формы также способствует изменение значения слова. Русский глагол *пухнуть* первоначально был звукоподражательным глаголом, близким по значению к глаголу *пыхать, запыхаться* и т.д. Позднее он стал обозначать увеличение тканей человеческого тела. Финский глагол *puhiä*, также в основе своей звукоподражательный глагол, некогда имел значение 'дуть'. Позднее он получил значение 'говорить'. Коми-зырянский глагол *лэбны* когда-то был звукоподражательным глаголом. Элемент *лэб-л б* мог изображать хлопанье крыльев.

Выясняется, таким образом, что язык стремится устранить неадекватность слова, которая может возникнуть по той причине, что в основу наименования кладется название какого-либо одного признака, тогда как действительное значение основывается на сумме признаков. Этим можно объяснить тот бесспорный факт, что многие слова в различных языках мира не поддаются этимологизированию.

Утрата внутренней формы представляет огромный шаг по пути совершенствования языковой техники. Звуковой комплекс начинает соотноситься непосредственно со всем понятием в целом. Коми-зыр. *вөр* 'лес' утрачивает всякую связь с удм. *выр* 'возвышенность' (первоначально 'возвышенность, покрытая лесом') и начинает обозначать лес вообще. Рус. *поле* утрачивает всякую этимологическую связь с прилагательным *полюй*, ср. также швед. *fala* 'равнина', лат. *palan* 'открыто'. Венгр. произноса слово *puifa*, уже не связывает его со словом 'прут'.

Бывают в различных языках случаи, когда внутренняя форма слова остается прозрачной, ср. тат. *ташбака* 'черепаха' (букв. 'камень лягушка'), коми-зыр. *катшасин* 'ромашка' (букв. 'сорочка глаз'), фин. *satakieli* 'соловей' (букв. 'сто языков') и т.д. Тем не менее татарин, произнося слово *ташбака*, имеет в голове образ черепахи, а не каменной лягушки, коми-зырянин при произнесении слова *катшасин* уже имеет в виду определенный цветок, а не сорочий глаз. Вряд ли у финна произношение слова *satakieli* вызывает представление ста языков, а не определенной птицы. По-

добным же образом нейтрализуется и мотивированность приемов образования слов и словосочетаний.

Современный манси, произнося слово *jāwat* 'берег', или современный англичанин при произношении *streets of London* уже не думают о том, как это все образовано. Они понимают, что здесь выражено отношение принадлежности. Вряд ли древний грек при произношении формы *παιδευκα* 'я воспитал' задумывался над тем, почему здесь наличествует удвоение. Он просто понимал значение этой формы — она выражала действие, в настоящее время уже закончившееся, но оставившее после себя определенный результат.

Во вьетнамском языке в определении времени действия огромную роль играет контекст. Очень часто оно определяется только контекстом. Если из контекста неясно, к какому времени относится действие, то для уточнения времени действия употребляются: 1) наречия времени и наречные существительные типа *hom hau* 'сегодня', *ngay mai* 'завтра' и т.д.; 2) служебные слова, которые ставятся перед глаголом: для прош. времени *-da*, для буд. времени *sẽ* и т.д. [Барина, 1965, 112].

Аналитическая форма прош. времени в тайском языке образуется при помощи служебного слова *дай*, а наст. время выражается нулевой формой глагола. Таким образом, *пом пай* 'я иду', а *пом дай пай* 'я шел'. Если во втором предложении мы употребим наречие времени *ванни* 'вчера', то наличие служебного слова *дай* станет необязательным: значение прош. времени выражено наречием 'вчера', поскольку в предложении уже создана определенная временная соотнесенность. Без такой временной соотнесенности прош. время может быть создано только при помощи служебного слова *дай* [Морев и др., 1961, 72].

В отличие от других языков Волго-Камья мордовский язык не создал особого прошедшего времени — перфекта. Состояние, возникшее в результате какого-либо действия в прошлом, может выражаться формами простого прошедшего времени, например: *Кельминь мон... ух кода!* 'Иззябла я... ух как!'; *Беряньгадить тон, Андрюша! Симдясынек сонза чайда* 'Осунулся ты, Андрюша! Напоим его чаем'; *Мирдеть косо? Арась кудосо, тайгав гусь* 'Где твой муж? Нет дома. Ушел в тайгу' [Серебренников, 1960, 225].

Мордовский язык также не имеет прошедшего релятивного времени — плюсквамперфекта. Прошедшее действие, предшествовавшее другому прошедшему действию, выражается первым прошедшим временем, например: *Зярдю чись валгсь, паразь ды тожнесь ютась стада* 'Когда солнце село, с блеянием и ревом прошло стадо'; *Зярдю сынь тусть, авась пекстизе кенкшенть* 'Когда они ушли, мать заперла дверь' [там же].

Из-за отсутствия специальной формы перфекта, образованного на базе причастия прош. времени, в мордовских языках не развилось наклонение неочевидности. Действие, неочевидное для говорящего, выражается в этих языках формой первого прошедшего времени. Наиболее типичные случаи:

1) говорящий сообщает о действии со слов других: *Весть обедтэ мейле Наста зсы церанзо Ванька марто мольсь магазинэ сахарень рамамо, ды продащица тейтересь лецтизе тензе, што улкоть сонзэ мирдесь Яхим Петрович сайнесь долкс литра вина, калт, папирсат ды вана те шкас дол-*

конть кодаяк а панды 'Однажды после обеда Настя пошла со своим сыном Ванькой в магазин купить сахару. Девушка-продащица напомнила ей, что ее муж Яким Петрович недавно взял в долг литр вина, рыбу, папирос, а долг все не отдает';

2) говорящий сообщает о действии на основании его результатов: *Марл-ви, Волчок цейнемс кармаь. Нать пек керизь нагайкасо* 'Слышно, Волчок начал сильно визжать. Должно быть, нагайкой сильно ударили' [там же, 225].

В русском языке существует одно прош. время. Однако это далеко не означает, что такое прошедшее время не может иметь совершенно различных значений. Так, например, в русском языке прош. время помимо обозначения действия, относящегося к плану прошлого, может также иметь значение перфекта, например: *Журча еще бежит за мельницу ручей, но пруд уже застыл* (Пушкин. Осень).

Изолированно взятое слово может в лучшем случае указывать на то, что людям, говорящим на данном языке, предмет, обозначенный этим словом, известен и у каждого из них это слово репрезентирует определенную сумму знаний о данном предмете, однако значение слова ничего не говорит о его сущности.

В истории человечества бывают такие случаи, когда давно уже исчезнувший народ оставил какое-то слово с определенным значением. Одна из улиц Москвы называется *Шаболовка*. Можно предполагать, что это название по своему происхождению является мерянским, поскольку поселения мерян в древности могли доходить до Москвы. О мерянском происхождении этого названия свидетельствует и топонимика. Названия населенных пунктов с характерным элементом *бол* встречаются только на бывших мерянских территориях, ср. такие названия, как *Пушбола, Брембола, Яхробол, Вороболово, Шихобалое* и т.д. Если меряне были действительно финно-уграми, то элемент *бол* можно было бы сравнить с венг. *falu* 'деревня'. Однако установление значения ничего не говорит о том, как выглядела мерянская деревня, какие были в ней дома, улицы и т.п.

Раскрытие свойств предмета, а также выявление его сущности возможно только путем создания предложений. В речевых актах чаще всего свойства предметов раскрываются частично. Мы можем составить целый ряд предложений, относящихся к березе: *береза — лиственное дерево, береза — растение, древесина березы идет на изготовление фанеры* и т.д. Однако все эти фразы с достаточной полнотой не характеризуют сущности березы. Сущность "представляет собой совокупность всех необходимых внутренних сторон и связей (законов), свойственных объекту, взятых в их естественной взаимозависимости" [Шептулин, 1967, 288].

Если в понятиях наши знания выступают как бы в свернутой форме, то через суждения одни понятия вступают в связь с другими понятиями и раскрывают свое содержание. При этом возникает новое знание. В форме суждений отражаются объективные противоречия, и развитие форм суждений отражает развитие объекта.

Пользуясь языком, люди в каком-то количестве предложений так или иначе раскрывают свои знания о различных предметах и раскрывают их сущность. Но описание самого процесса очень трудно и технически малоосуществимо. Наилучшее представление о том, как сущность предмета

может быть раскрыта при помощи языка, дают различные энциклопедические словари и энциклопедии.

В качестве примеров мы выбрали два экстремальных случая — раскрытие сущности таких понятий, как "солнце" и "луна". Изучение различных свойств этих небесных тел в наземных условиях крайне затруднено. Человек должен был сначала изобрести различные научные приборы, чтобы усилить возможности своих природных чувств. Без этих условий познание луны и солнца было бы невозможным.

Человек знал, что солнце дает тепло, свет, может появляться и исчезать на небе, производит впечатление, будто вращается вокруг земли, появляется только днем, имеет форму ослепительно яркого диска и т.д. Рус. *солнце*, лат. *sol*, греч. *ἥλιος* связаны с идеей света, коми-зыр. *шонді* связано с прилагательным *шонид* 'теплый', мар. *кече* связано с понятием круга, то же в коми-зыр. *куś* 'круг', ср. также манс. *kis, kiś* 'обруч', фин. *kehä* 'рамка, оправа'. В некоторых языках слова 'солнце' и 'день' вообще не различаются.

Как характеризуется солнце в энциклопедических словарях: "Солнце, газообразное, раскаленное небесное тело, шарообразной формы, ближайшая к земле звезда; центральное тело солнечной системы. В С. сосредоточено 99,87% массы солнечной системы. Земля отстоит от С. в среднем на расстоянии 149,5 млн. км. Средний видимый угловой диаметр С. составляет ок. 32'; линейный диаметр 1 391 000 км., т.е. в 109 раз больше диаметра Земли; объем С. в 1 301 000 раз больше объема Земли, а масса больше в 333 400 раз; плотность С. равна 1,4 г/см³. С. вращается вокруг оси, наклоненной к эклиптике под углом ок. 83°, причем области близ солнечного экватора совершают оборот в 25,38 суток; по мере приближения к полюсам период вращения увеличивается, достигая на полюсах ок. 35 суток" и т.д. [ЭС, 1955, т. 3, с. 259].

Луна также не могла быть со всей подробностью изучена обычными способами. Название луны в различных языках свидетельствует об использовании самых общих ее признаков. Лат. *luna* (из *louhna*) отражает понятие света. Та же идея содержится и в греческих названиях луны, ср. др.-греч. *σελήνη* и совр. греч. *φεγγάρι*.

"Луна... Л. движется вокруг Земли со ср. скоростью 1,02 км/сек. ... Большая полуось орбиты Л., равная ср. расстоянию между центрами Земли и Л., составляет 384 400 км (приблизительно 60 земных радиусов)... Период обращения Л. вокруг Земли, т.н. сидерический (звёздный) месяц, равен 27,32166 сут. ... Притяжение Л. Солнцем в 2,2 раза сильнее, чем Землей... Форма Луны очень близка к шару с радиусом 1737 км, что равно 0,2724 экваториального радиуса Земли...

Даже невооруженным глазом на Л. видны неправильные темноватые протяжённые пятна, к-рые были приняты за моря; название сохранилось, хотя и было установлено, что эти образования ничего общего с земными морями не имеют. Телескопич[еские] наблюдения... позволили обнаружить гористое строение поверхности Л. Выяснилось, что моря — это равнины более тёмного оттенка, чем др[угие] области" и т.д. [БСЭ, 1974, т. 15, с. 60—61].

Существуют факторы, затрудняющие детальное познание сущности предметов. Не следует, однако, думать, что для познания любого предме-

та или явления действительности необходимо знать огромное количество его различных свойств и особенностей. Существуют такие предметы и явления, свойства которых довольно ограничены.

Рассмотрим такие отношения, как местонахождение одного предмета внутри другого предмета, движение какого-либо предмета по направлению к другому предмету или способность переходного глагола соотноситься со своим объектом. Семантическая емкость этих явлений не велика. Нельзя считать, что лингвистическая наука, насчитывающая не одну сотню лет, выявила здесь особенно много. Кроме того, указанные явления изменяются крайне медленно. На протяжении тысяч лет в этой области может не произойти каких-либо существенных изменений.

Действительность отражается в мышлении противоречиво, и между ними нет полного тождества. Часто это происходит оттого, что в процессе трудовой деятельности способно возникнуть лишь обыденное мышление, которое неприемлемо для построения научных теорий.

XI класс в языке зулу чрезвычайно разнообразен, однако большинство имен этого класса обозначает предметы, характеризующиеся удлинённой, продолговатой формой [Охотина, 1961, 26]. Если продолговатая форма предметов была значительным фактором для первобытного человека, то она совсем непригодна для уяснения сущности данного класса предметов, поскольку в него входят совершенно различные предметы.

Всестороннему познанию предметов иногда мешает незнание человеком истории предмета. Не всегда имеются необходимые данные для того, чтобы восполнить этот пробел.

Следует также отметить, что каждый объект действительности обладает бесконечным числом свойств и может вступать в бесконечное число отношений. Но эта бесконечность не является актуальной. Объект никогда не вступает во все возможные для него отношения, связи. Для этого было бы необходимо актуализировать все возможные свойства этого объекта одновременно, что, естественно, никогда не выполнимо. Это, между прочим, противоречит факту развития и изменения объекта. "Осуществление для объекта сразу всех возможных условий его существования означало бы просто-напросто, что в объекте осуществляются одновременно все его состояния — прошлые, настоящие и будущие, т.е. объект должен был бы существовать, не развиваясь и не изменяясь" [Глинский и др., 1965, 34—36].

Познание сущности предметов и явлений окружающего мира часто было невозможно из-за недостатка необходимых дополнительных знаний и приборов. Древние люди практически имели дело со многими болезнями, но они не знали их причин, определению которых мешало отсутствие микроскопов. Точно так же при отсутствии телескопа не могло быть настоящей астрономии.

К. Линней упорно стоял на том, что каждый вид сотворен отдельно и сохраняется божественным провидением, не допускающим вымирания видов [Азимов, 1967, 42]. Основная трудность на пути создания теории эволюции заключалась в слишком медленном темпе видовых изменений. Человечество не помнило случаев преобразования одного вида в другой [там же, 44]. Только находки в области археологии окончательно подтвердили идею об изменчивости видов.

Греки были плохими физиологами; их представления о функционировании сердца в большинстве своем ошибочны. Что сердце — это насос, который перекачивает кровь, не вызывало сомнения. Но откуда поступает кровь и куда она исчезает? Основной ошибкой древнегреческих медиков было то, что они считали вены единственными кровеносными сосудами. Артерии, обычно пустые у трупов, рассматривались ими как воздушные сосуды [там же, 27, 28].

“...реальное физическое пространство не соотносится прямо ни с одной языковой категорией; языковая категория не может быть полностью адекватна действительности, так как результаты познавательной деятельности человека не только фиксируются языковыми средствами, но и функционируют в речевых произведениях” [Агеева, 1984, 86].

“...бесконечное многообразие соответствующих объективных отношений отражается в языке с помощью ограниченного набора конструкций” [Герасимов, 1984, 120]. При этом обозначение какого-либо факта действительности часто в языке не образует регулярного и последовательного правила и обнаруживает свойство факультативности.

Люди, особенно на первых порах, оценивали предметы с точки зрения их практической полезности. Дикие животные интересовали первобытного охотника главным образом с продовольственной точки зрения, т.е. приемлемо ли их мясо для пищи и способно ли оно утолить голод. Его могли интересовать также привычки животных, места их обитания и т.д. Проблемы анатомии этих животных, определение их места в животном царстве и т.п. его не интересовали. Огонь мог привлекать внимание человека только как источник тепла и света. Вопросом, что такое горение, он не интересовался. Подобное отношение первобытный человек проявлял и к солнцу. Звезды и созвездия в глубокой древности привлекали внимание людей как средства ориентации и определения пути в ночное время. Какие-либо другие проблемы в то время даже не ставились. Древние химики, занимаясь химией, интересовались главным образом тем, как превратить обычные металлы в золото, вследствие чего невероятное распространение получила алхимия. Все это не способствовало всестороннему изучению предмета.

Словоизменительные формативы и их семантические аналоги индифферентны к истинности или ложности высказывания. Так, предложения *Земля вращается вокруг Солнца*, *Солнце вращается вокруг Земли* и *Кентавр выпил круглый квадрат* в равной степени грамматически правильны. Однако с точки зрения логики предложение *Земля вращается вокруг Солнца* рассматривается как истинное, предложение *Солнце вращается вокруг Земли* — как ложное и предложение *Кентавр выпил круглый квадрат* — как абсурдное.

Оценивая предложение как логически правильное или неправильное, мы исходим, очевидно, из представления о допустимости или недопустимости каких-то связей уже не слов, а понятий. Тот факт, что для большинства людей (причем независимо от языка, на котором они говорят) отношения, описанные в высказывании типа *Яблоко есть плод*, будут истинными, а отношение в высказывании *Футбольный мяч есть плод* будут ложными, говорит о существовании особого рода моделей или эталонов в сознании человека, которыми проверяется логическая правильность

предложения. При этом такая проверка основывается, очевидно, на каких-то знаниях нелингвистического характера [Правдин, 1973, 28].

Органы восприятия окружающего мира у человека иногда очень несовершенны, и он часто многого заметить не в состоянии. Человек не различает ультрафиолетовых лучей, ультразвуков, не видит мелких предметов, находящихся на большом расстоянии, не различает еле заметных изменений погоды.

Некоторые качества вещей приобретают специфическую субъективную форму отражения, например цвета, запаха, вкуса. Так, поскольку глаз в физическом отношении несовершенен, он не может непосредственно отображать длину световых волн и отражать длину волн в виде специфических ощущений цвета (700 миллимикрон, например, это синий цвет). Соленость как вкус есть субъективное выражение объективного свойства соли и т.д. Следует также иметь в виду, что эффект действия различных раздражителей, идущих извне, неодинаков. Некоторые раздражители являются особенно интенсивными. Они тормозят действие слабых раздражителей.

По сравнению с языком мышление, как правило, богаче своим содержанием и подвижнее. Процесс мышления заключается в образовании все новых связей между различными представлениями и понятиями, для него характерна постоянная "текучесть". Слова же устойчивее, консервативнее, чем понятия, и в этом смысле менее адекватно отражают процесс развития действительности. Так, рус. *дом*, по-видимому, существует очень давно, соотв. греч. *δομος* было уже в гомеровскую эпоху. Можно предполагать, что это слово существовало в индоевропейском праязыке. За тысячи лет форма дома необычайно изменилась — от примитивного шалаша до современного высотного дома, но сам звуковой комплекс *дом* ничего не говорит об этих изменениях. Рус. *стрелять* возникло в эпоху, когда люди стреляли стрелами. С того времени техника шагнула вперед. Возникли современные орудия самых различных форм. Давно уже на войне не стреляют стрелами, но звуковой комплекс сохранился.

Научный метод лишь односторонне осваивает действительность, поскольку фиксирует лишь сущность и законы разнообразных явлений, отвлекаясь от чувственного облика самого многообразия и от субъективного мира человеческих чувств и переживаний [ФОС, 1960, 164]. Вот почему совершенно ложны и реакционны утверждения натуралистов о возможности "абсолютно точного" и "чисто объективного" изображения вещей вне субъективного отношения автора к изображаемому.

Способность человеческого мозга отражать картину мира не всегда означает, что эта картина отражается правильно. Познание осуществляется людьми, которые в силу недостаточности соответствующих факторов, эксперимента, процесса измерения и т.п. могут делать неверные обобщения, образовывать понятия, связывать их в систему неудовлетворительным образом [Диалектика и логика, 1962, 39]. Познание мира, таким образом, не свободно от ошибок и заблуждений.

Современное представление о форме и размерах земли появилось не сразу. Так, древние индийцы представляли землю в виде плоскости, лежащей на спинах слонов, а вавилоняне изображали ее в виде круглой горы, окруженной морем, на которое, как опрокинутая чаша, опирается твер-

дое небо. Древние греки, судя по поэмам Гомера "Одиссея" и "Илиада", представляли землю в виде слегка выпуклого диска, обтекаемого со всех сторон рекой — океаном. А над землей, по их представлениям, находится медный небосвод, по которому движется солнце, поднимаясь ежедневно из вод океана на востоке и погружаясь в них на западе. Большинство античных ученых считало Землю центром мира. В средние века представление о шарообразности Земли и ее движении отрицалось как противоречащее священному писанию и объявлялось ересью.

В познании мира было и немало других заблуждений. "Явления сна, обморока, эпилепсии, галлюцинации, болезни и т.п. представлялись первобытным людям следствием деятельности существующего внутри человека двойника — души, которая может временно покидать тело. Позднее с развитием мышления в связи с усложнением общественных отношений анимистическое воображение первобытного человека населило окружающий мир бесчисленным множеством духов, утративших связь с материальным началом. Весь мир стал представляться первобытному человеку раздвоенным на мир материальный, естественный, и господствующий над ним, населенный духами — двойниками реальных существ, предметов и явлений" [Мультиановский, 1961, 20].

"На протяжении многих столетий биологию нельзя было назвать наукой в строгом смысле этого слова. Люди пытались избавиться от недугов, облегчить боль, восстановить здоровье, спасать от смерти. Делали они это посредством религиозных или магических обрядов в надежде умиротворить доброго или злого духа и тем самым изменить ход событий" [Азимов, 1967, 7].

"Фалес Милетский учил, что первичным началом всего существующего служит вода. Весь мир, по Фалесу, возник из воды. Анаксимен утверждал, что первичным началом вещей служит воздух" [Фигуровский, 1969, 47].

В древности была распространена идея о возможности трансмутации металлов при помощи философского камня и чудодейственных лекарств. Она сочеталась с черной магией, астрологией, искусством заклинаний, колдовством и т.д. [там же, 47].

Отдельные ощущения беднее по содержанию по сравнению с самими объективными свойствами предметов, поскольку органы чувств строго специализированы и отражают действительность неполно и ограниченно. Ощущение выделяет из целостного единства предмета какую-то его отдельную часть и тем самым расчленяет нерасчлененное в действительности.

Ощущения отражают мир лишь на уровне явления.

Объект отражен эмпирическим мышлением только в непосредственно наблюдаемых связях.

Немало было всякого рода ошибок и в истории языкознания. Было время, когда совершенно отрицалась знаковая теория слова. "Знаковая теория, — писал философ Л.О. Резников, — есть в сущности своей идеалистическая теория. Она глубоко антинаучна. Она служит средством проникновения в область лингвистики вреднейших агностических взглядов. Поэтому ее необходимо раскритиковать и отвергнуть" [Резников, 1948, 401]. Основанием этой критики является убеждение в том, что люди мыслят словами, а если слово есть знак, то, следовательно, мир непознаваем. Отсюда все обвинения сторонников знаковой теории в проповеди агности-

цизма. На самом деле люди мыслят понятиями. Слово только техническое средство, указывающее на понятие.

Многие лингвисты давно замечали, что широко распространенное у нас определение фонемы как звука, различающего значения слов, фактически неправильно, поскольку фонема таким свойством не обладает. Сейчас определение фонемы звучит иначе: фонема — звук, служащий для различения звуковых оболочек слова, что более соответствует действительности.

Явно был ошибочен тезис Н.Я. Марра о надстроечном характере языка. Из этого положения делался определенный логический вывод о качественном (стадиальном) изменении языка после смены общественно-экономической формации.

Человек никогда не смог бы более или менее правильно познавать окружающий мир, если бы он не располагал эффективными способами корректирования допущенных ошибок, средствами более глубокого познания сущности окружающих его предметов и явлений.

Одним из таких мощных средств является наука. "Отражая законы действительности, наука не остается на поверхности явлений, а проникает вглубь, раскрывая необходимые причинные связи, которые скрыты от непосредственного восприятия. Этим наука отличается от обыкновенных житейских знаний" [ФОС, 1960, 315]. Обыденное человеческое мышление неспособно глубоко проникнуть в сущность предметов и явлений. Оно обычно довольствуется результатами поверхностных наблюдений. Наука не только способна глубоко проникать в сущность предмета и явлений, она постоянно расширяет свои возможности, способна устранять ошибочные выводы, которые были допущены ранее. В этом отношении она имеет для человечества огромное значение.

Другим мощным средством в познании окружающего мира является жизненная практика, опыт. "Практика, практические потребности заставляют человека подходить к объекту с разных сторон. В процессе труда происходит и превращение внешнего мира в продукт труда. В этом процессе раскрываются и познаются объективные свойства и качества этого мира, так как деятельность по отношению к природным объектам может совершаться только с учетом их объективных свойств" [Михайлова, 1972, 33]. "Практическая деятельность определяет и направляет теоретический интерес. Практика выступает как проверка, как критерий истинности выдвинутых гипотез, теорий и тем самым подтверждает правильность раскрытой сущности явлений, законов их существования" [там же, 59]. Познание окружающего мира фактически невозможно без известной суммы накопленных знаний.

Сознание — это знание, функционирующее в процессе освоения действительности человеком. Наличие у человека сознания означает, собственно, что у него в процессе жизни, общения, обучения сложилась или складывается такая совокупность (или система) обективированных в слове, более или менее обобщенных знаний, посредством которых он может осознавать окружающее и самого себя, опознавая явления действительности через соотношения с этими знаниями.

"Человек отражает мир сквозь призму накопленных обществом знаний, понятий, навыков и т.д. Даже к совершенно новому, впервые воспри-

нимаемому чувственному явлению человек относится с позиций восприятия им общественной культуры. Поэтому чистой чувственности у человека нет: в ткань восприятия, не говоря уже о представлении, всегда вплетаются слово, знания, опыт и культура поколений" [там же, 103]. "Даже предметы природы под действием непосредственно чувственной достоверности воспринимаются, а затем и представляются человеком под непосредственным влиянием знания о них, о подобных им предметах" [там же, 104].

Подводя итог всему тому, что было здесь сказано об отражении картины мира в языке, следует еще раз отметить, что она отражается не всегда достаточно последовательно, правильно и точно. Однако человечеству никогда не угрожает опасность невозможности познания окружающего мира. Такая угроза могла бы быть вполне реальной, если бы не было средств компенсации недостатков познания человеком окружающего мира. Такой компенсации во многом способствует жизненная практика человека, заставляющая его всесторонне изучать окружающий мир. Этому способствует также наука. Следует также иметь в виду, что язык не является единственным средством познания окружающего мира. Недостатки вербального мышления компенсируются различными типами неречевого мышления.

В лингвистической литературе нередко встречается термин "лингвистическая картина мира", в который иногда вкладывается разное содержание. Поэтому он требует объяснения. Следует различать две картины мира — концептуальную и языковую. Концептуальная картина мира богаче языковой картины мира, поскольку в ее образовании, по всей видимости, участвуют различные типы мышления.

Несмотря на различия, обе картины мира между собой связаны. Язык не мог бы выполнять роль средства общения, если он не был бы связан с концептуальной картиной мира (Эта связь осуществляется в языке двойным способом. Язык означает отдельные элементы концептуальной картины мира. Это означивание выражается обычно в создании слов и средств связи между словами и предложениями. Язык объясняет содержание концептуальной картины мира, связывая в речи между собой слова.

Составными частями картины мира являются слова, формативы и средства связи между предложениями, а также синтаксические конструкции. В объяснении концептуальной картины мира участвуют известные данному языку вышеперечисленные элементы языковой картины мира, поэтому объяснения не входят в языковую картину мира.)

РОЛЬ ЛЕКСИКИ В ПОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Формирование человека как разумного, социального существа начинается с возникновения членораздельной речи, которая наравне с трудом является мощным средством развития человека, его сознания и общества в целом.] Ранние этапы становления человека связаны с возникновением труда, со становлением сознания и самосознания человека как члена определенного (трудового или какого-либо иного) коллектива с первичными периодами "человечения" языка как членораздельной звуковой речи. По мере развития и совершенствования языка как особой человеческой системы сигналов о реальной действительности, позволяющей говорить, думать и оперировать понятиями отвлеченно от конкретных предметов и ситуаций, возникла возможность общения не только между членами данного коллектива, но и были созданы условия приобретения и передачи социального опыта, культурных и нравственных норм и традиций одним поколением другому, одной исторической эпохой другой.

В истории человеческого прогресса членораздельная речь в тесной и неразрывной связи с формированием сознания и самосознания явилась вторым по значимости после трудовой целенаправленной деятельности фактором, стимулировавшим индивидуальное и общественное сознание человека.

В лингвистической науке становление членораздельной речи связывается с первичными этапами "человечения" языка, с первичным означиванием отдельных звуков или целых звуковых комплексов. Сущность первичного означивания звуков естественной человеческой речи как артикулированного целого сводится к тому, что в определенном языковом коллективе складывается устойчивая связь между представлением о предмете и кинестетическими ощущениями речедвигательного аппарата со слуховым образом звуков. Можно предполагать, что И.А. Бодуэн де Куртенэ именно эти этапы членораздельной речи имел в виду, когда говорил, что часть звуков семасиологизируется (означивается) в корневых морфемах, часть морфологизируется в различных словообразовательных и словоизменятельных морфемах, формирующих структурную целостность слова-понятия.

С возникновением и становлением членораздельной речи, основывающейся на системе материально-идеальных двусторонних знаков-слов, стало возможным человеческое общение, язык превратился в средство выражения мысли: с помощью языка человек закрепляет результаты познания объективной деятельности, объективируя при помощи языка свое

самосознание как человеческой личности. Язык стал для человека не только общественным средством хранения и передачи знаний и исторического опыта, но и средством управления своим поведением.

Язык наряду с трудом (в силу его общественного характера), определяя специфику сознания и человеческой психики вообще, помогает формировать предметное представление об окружающем мире.

Необходимо подчеркнуть, что язык выступает для человека лишь в роли средства познания, а не творца; язык помогает человеку объективировать предметный мир, формировать и выражать идеи, воззрения; язык есть также способ упорядочения отношений человека к предметам и явлениям внешнего мира, а также к самому себе и к окружающим людям. Едва ли корректно в силу этого говорить: "язык отражает", "слово отражает" [Серебренников, 1970]. Отражает человек, как сознательное существо, а не язык; язык выражает, обозначает. Наконец, язык является самой экономичной знаковой системой: в языке цепочкой членораздельных звуков человеческого голоса могут быть представлены любые события, описаны целые эпохи. Человечество в ходе своего научного и технического развития научилось записывать "сказанное", чтобы передавать его в языковой форме другим поколениям. Таким образом, язык становится экономичным средством осознания человеком реальной действительности, сокровищницей его духовного, эстетического и художественного богатства.

[Именно языковая способность: говорение, звуковая артикулированная речь — в корреляции и тесной связи с познавательной способностью человека формирует динамику его практического и интеллектуального постижения объективного мира.]

Естественно, познание не существует вне познавательной деятельности отдельных индивидов, хотя последние познают объективную действительность постольку, поскольку они владеют определенной, исторически выработанной, фактически проверенной на практике объективной системой знаний, передаваемой с помощью языка от одного поколения людей к другому. Следовательно, знания человека — это "проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности, адекватное отражение в сознании человека объективной реальности в виде представлений, понятий, суждений, теорий" [ФЭС, 1983, 192]. Знания бывают донаучными, житейскими, основывающимися на здравом смысле и обыденном сознании, художественными, представляющими собой эстетический способ освоения действительности, и научными, отличающимися осмыслением фактов в системе понятий какой-либо частной или общей науки. Научные знания, являясь обобщением достоверных фактов, за случайным находят необходимое закономерное, за единичным и частным — общее. Знания, наконец, бывают теоретическими, основанными на системе научных абстракций, и практическими как результат практической деятельности.

Научные абстракции, если они истинны, отражают объективную действительность глубже, чем чувственное восприятие и представления. Из этого главного принципа познания, в основе которого лежит диалектический закон единства противоположностей: абстрактного и чувственного, общего и единичного, теоретического и практического, — вытекает

как следствие целый ряд особенностей, характеризующих категорию человеческого знания: а) знания несут относительный характер в силу их историчности и относительной степени познания объекта; б) знания дискретны как по самой природе их фактуального содержания, так и по средствам их объективации языковыми выражениями; в) знания различаются по природе субъекта, по источнику формирования знаний, степени проникновения в сущность вещей, по характеру и способу обобщения и по форме их языкового выражения.

Далеко не все виды знаний находят языковое выражение: многие практические знания остаются на уровне умений, навыков и находят свое выражение в разного рода действиях, операциях, ориентациях в окружающей среде. Подавляющая масса знаний благодаря развитию наук приобретает обобщенную форму, становится самостоятельным феноменом, часто опережая практику предшествующих периодов, и создает тем самым предпосылки дальнейшего научного познания, практического освоения человеком окружающего его мира. Этот вид человеческих знаний, как правило, в целях их объективизации, находит свое выражение в различных языковых формах.

Здесь мы подошли к основной оппозиции, релевантной для обсуждаемой проблематики, — к противопоставлениям "язык — знание", "знание — значение", "значение — понятие". Язык, как уже было отмечено, является универсальным средством дискретизации знаний, помогая человеку вычленять в своем практическом опыте, в процессе труда новые свойства и связи предметов и называть последние (по необходимости) своим именем. Кроме того, в распоряжении человека имеются помимо первичного знакообразования и другие способы объективации знаний: это, во-первых, создание целых текстов, способных не только содержать фактологическую информацию, но и передавать отношение к фактам, событиям, к самим коммуникантам и к участникам событий. Поэтому вторым мощным средством передачи как фактологической, так и оценочной информации (знаний) является создание высказываний, формирующих целые гипотезы, теории. По сравнению с первичным знакообразованием формирование высказываний можно рассматривать как вторичный этап языкового семиозиса, реальную речь, коммуникативный аспект языка. Наконец, еще одним, незаменимым языковым средством объективации знаний о предметном мире является категоризация предметных знаний с помощью различных семантических категорий, лексических и грамматических значений.

Определяя природу отношений между членами оппозиции "язык — знание", В.А. Звегинцев писал: "Он (язык) служит средством дискретизации знаний, их объективации и, наконец, интерпретации" [Звегинцев, 1982, 74]. Знания, выраженные в значениях прежде всего номинативных словесных знаков, могут быть названы первичными:

а) знания об объектах физического мира, в его пространственных и временных характеристиках, находят свое выражение в корневых морфемах. Этим знаниям приписывают "первичные роли", они составляют центральные области знаний, формируя ядро обыденного сознания. Эти знания следует считать важными еще и потому, что именно они участвуют как основные при первичном знакообразовании. Вероятно, этот вид зна-

ний формирует лексическое значение слова и имеет наиболее универсальный характер;

б) знания о человеческой деятельности, о различных действиях, состояниях человека и многообразных видах отношений и связей между людьми. Этот вид знаний выражает более абстрактную ступень познания человеком не столько физического, сколько духовного его мира.

Кроме знаний о предметном и духовном мирах пользующийся тем или другим языком должен иметь собственно языковые знания: знание лексикона — в той или иной степени полноты, правила связей слов в синтагматическом ряду, категориальную (лексическую и грамматическую) семантику. Для того чтобы понимать и быть понятым, владеющий языком должен обладать и так называемыми страноведческими знаниями, знать закономерности и нормы социального характера (формы вежливости и т.п.).

Остановимся на самом важном для обсуждаемой тематики противопоставлении "понятие — значение".

Понятие — "мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности и связи между ними посредством фиксации общих и специфических признаков, в качестве которых выступают свойства предметов и явлений и отношений между ними" [ФЭС, 1983, 513]. Основными приемами формирования понятий являются для человека абстракция, обобщение, сравнение и определение. Понятия как итог или ступень познания очень подвижны, изменчивы, в силу чего возникает необходимость объективировать их. Для дискретизации предметных, фактологических знаний и существует в языке универсальный способ — наименование предметов и понятий о них с помощью слов. Именно устойчивость форм слов способствует обозначению понятий, в которых отображается иногда такое причудливое сочетание свойств и признаков предметов, которые невозможно представить и тем более воспроизвести в виде наглядного образа этого предмета. Понятие, как правило, выражается и закрепляется в языковой форме — в слове, словосочетании, т.е. в номинативном знаке. (Кроме того, понятия могут опредмечиваться и в неязыковой форме, например в разного рода творениях человека — артефактах.)

В каждом понятии можно выделить его содержание и объем. Содержание понятия — совокупность признаков предметов, отраженных в понятии; объем понятия — класс предметов, признаки которых подпадают под данное содержание. В содержании понятий могут быть выделены признаки вида, рода, класса. Именно эти константные величины, по-разному терминируемые (ср. "интенционал — экстенционал"), сигнификативный/денотативный компонент в значении слова и т.п.), издавна служат в логике и лингвистике основой анализа слова-понятия.

В отличие от понятий — абстрактно обобщенных знаний о предмете — представление выражается в форме чувственного, наглядно-образного знания. По сравнению с восприятием представление больше обобщено и стоит ближе к понятию: восприятие относится только к данному, настоящему моменту времени; представление абстрагировано от времени и может быть отнесено к настоящему, прошлому, будущему. "Являясь формой индивидуального чувственного отражения, представления цело-

века опосредованы языком, наполнены общественным содержанием, осмыслены и осознаны" [ФЭС, 1983, 526].

Понятие "значение" определяется по-разному, применительно к разным аспектам человеческой деятельности.

Общежитейское понятие значения определяется как "то, чем данный объект является для людей, находящихся в процессе житейской, эстетической, научной, производственной, общественно-политической и другой деятельности. Например, значение метро состоит в том, что оно является удобным, массовым, быстрым и наиболее безопасным средством передвижения пассажиров, разгружающим наземные потоки городских жителей" [Кондаков, 1971, 162].

Понятие "значение" применимо не только к материальным предметам, но и к музыкальным, литературным произведениям, к произведениям искусства, живописи, к различным событиям, фактам, персоналиям и т.п.

В математической логике понятие "значение" относится к символу, который обозначает как конкретные величины, так и определенные операции с величинами. Значение символа — это функция, которая названа данным символом. Например, значением символа \cup является логическая операция, связывающая два или более высказываний функтором \wedge , в результате чего порождается новое высказывание.

В логической семантике под значением понимается объект, сопоставляемый при интерпретации естественного или искусственного языка с любым выражением, выступающим в качестве имени. Таким объектом может быть как вещь, так и мысль о вещи. Поэтому в логической семантике говорят о двух основных видах значения: экстенциональное значение — предмет или класс предметов, обозначаемых данным выражением, и интенциональное значение — смысл выражения. Ср. широко известные в логической семантике оппозиции:

значение (Bedeutung) и смысл (Sinn) у Г. Фреге,
экстенционал (extension) и интенционал (intension) у Р. Карнапа,
референция (reference) и значение (sense) у У. Кауйна,
денотат (denotatum) и сигнификат (significatum) у А. Черча.

Можно было бы не вдаваться в понимание понятия "значение" в логической семантике и математической логике, если бы упомянутые оппозиции понятий и их термины не были бы перенесены в лингвистику, особенно в современные работы по семантике и синтаксису.

Заемствованный у логиков термин "денотат" в лингвистических работах упрощен; в логической интерпретации этот термин означал и 'вещь (предмет)' и 'мысль (понятие) о вещи'. В лингвистике термин "денотат" получил в большинстве работ значение предмета, "явления объективной действительности", что представляется нам ошибочным, ибо языковые наименования соотносимы в сознании человека с определенным познавательным образом, отражающим предмет в его целостности.

Что же такое значение в языке и как оно складывается? В языке различаются три вида семантических значимостей: 1) грамматическое или грамматикализованное значение словоизменительных, словообразовательных, отчасти корневых морфем; 2) лексическое значение слов, относящихся к различным семиологическим классам; 3) смысл вторичного означива-

ния — высказываний, предложений, фраз и т.п., т.е. всех синтагматических единиц.

Лексику, словарный состав, любого языка составляют слова и определенный процент словосочетаний. Мы будем иметь дело со значением слов, с лексическим их значением. Определения лексического значения слова многочисленны; самое краткое и, на наш взгляд, корректное предложил М.В. Никитин, определив лексическое значение как "концепт, связанный знаком" [Никитин, 1974, 6]. Это означает, что знания (представления и/или понятия), добытые человеком в процессе общественно-трудового опыта или выведенные теоретически, были объективированы в некоей членораздельной (фонематической) цепочке звуков данного языка, в результате чего сформировался словесный знак. Процесс и результаты обозначения при помощи языковых форм связаны всегда с формированием и закреплением понятий, в которых природные свойства вещей, явлений даны в преобразованной человеческим сознанием на основе человеческих потребностей форме, в виде "снятой" предметности, идеально. Определение языка как непосредственной действительности мысли следует понимать так, что сознание (мышление) существует реально, практически, обретая чувственно воспринимаемую форму слов, словосочетаний, предложений, высказываний, в которых отраженные человеком образы, понятия, ситуации связываются (соотносятся) в сознании носителей языка с определенными последовательностями звуков; именно в этом заключается особенность членораздельной специфически артикулированной человеческой речи.]

Говоря о характере языкового значения, хотелось бы подчеркнуть различие семантических значимостей, обозначаемых словами-единицами первичного означивания, присущими первому этапу языкового семиозиса, и предложениями, высказываниями, единицами (речи) вторичного этапа семиозиса. Тождество и в то же время различие между словами и высказываниями заключается в том, что при помощи слов совершается процесс идеализации реального мира, процесс снятия предметного, чувственного и превращение его в предмет сознания; напротив, порождение высказываний есть процесс материализации мыслей, представлений, теорий, возникающих в человеческой голове. Уже в силу этого основного различия (в первом случае — идентификация понятий о предметах, явлениях, их свойствах и отношениях в объективной действительности, во втором — выражение действительных мыслей) семантика тех и других языковых знаков разграничивается как значение слов и смысл высказываний, предложений.

Образование языковых значимостей разной степени обобщенности связано с социальной по своей сущности, специфически человеческой формой отражения в виде сознания и самосознания. "Для отражения, свойственного человеку, характерно то, что оно есть социальный по своей природе творческий процесс. Отражение предполагает не только воздействие на субъекта извне, но и активное действие самого субъекта, его творческую активность, которая проявляется в избирательности и целенаправленности восприятия, в отвлечении от одних предметов, свойств и отношений и фиксации других, в превращении чувственного образа в логическую мысль, в оперировании с понятиями" [ФЭС, 1983, 470].

В отечественной науке обсуждение проблематики языковой картины мира было начато философами [Брутян, 1973; 1976; 1979; Павилёнис, 1983]¹; лингвистическая разработка этого понятия развернулась в связи с тезаурусным изучением лексики и определением принципов составления идеологических словарей, наиболее полно представленных работами Ю.Н. Караулова [1976₁; 1976₂; 1981]. Язык в целом, лексика в особенности, представляет собой основную форму объективации языкового сознания многих поколений людей, носителей того или другого (конкретного) языка.

Для человека как носителя любого языка реальный мир (материальный и физический) существует в виде: 1) самой реальной действительности; 2) первой сигнальной системы (уровень чувственного восприятия действительности); 3) второй сигнальной (вербальная) системы действительности, которую И.П. Павлов назвал собственно человеческой системой действительности [Павлов, 1960]. Этим трем уровням восприятия и представления реальной действительности соответствуют: представление (бытийное или научное) общей картины (модели) мира (1); субъективное представление мира (2); объективированная с помощью языка картина мира (3).

Представление общей картины мира с помощью языка служит основой вербальной, языковой картины (модели) мира. В силу этого часто употребляемое понятие "реальность" является уже не онтологической (природной) реальностью, а фактически только тем, что человек может выразить через язык: классы существующих и несуществующих, фиктивных или воображаемых объектов, понятий, представлений, которые человек вычленил при помощи языка из природы или творчески создал и дал им имя, т.е. те, которые человек способен различать и мысленно представлять как уже объективированные, освоенные им ранее. Поэтому под понятие "объект" подпадают не только природные вещи и артефакты, но и интеллектуальные, прагматические и эмоциональные оценки и характеристики. Нередко некоторые "объекты" можно постичь лишь разумом, ибо они настолько абстрактны, что их невозможно идентифицировать с какими-либо реально существующими предметами и явлениями. В таких случаях говорят об "опосредованной реальности"; ср., например, означаемое имен номинальных классов или абстрактных имен. Именно в этом смысле и говорят о "языковой картине мира" в ее интегральном и/или дифференциальном аспектах.

Исходя из материалистического положения о первичности бытия и вторичности сознания, из тезиса о взаимосвязи языка и мышления, разграничивая последние как два самостоятельных феномена, каждый со своими единицами и законами их формирования и использования, советские философы (Г.А. Брутян, Р.И. Павилёнис) и лингвисты (Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, Г.В. Рамишвили, Н.Г. Комлев и др.) различают две модели мира: 1) концептуальную (КММ) и 2) языковую (ЯММ). Конечно, процесс представления и воспроизведения картины мира в человеческом сознании порождает единый конструкт, т.е. чувственную и рациональную (логическую) модели действительности, но столь же право-

¹ См. раздел "Картина мира в жизнедеятельности человека" настоящей книги.

мерно представление картины мира в форме языковой модели мира. Как отмечает Ю.Н. Караулов, "границы между языковой моделью мира и концептуальной моделью мира кажутся зыбкими, неопределенными" [Караулов, 1976, 271]. Относительно лексики разница между картиной мира и языковой картиной может рассматриваться как известное противопоставление "понятие — значение".]

Говоря о соотношении и различии этих двух моделей мира (концептуальной и языковой), Г.А. Брутян [1973] делает следующие выводы: основное содержание языковой модели мира покрывает все содержание концептуальной модели. За пределами концептуальной модели мира остаются периферийные участки, которые выступают как носитель дополнительной информации о мире. Информация концептуальной модели мира и той части языковой модели мира, которые совпадают при наложении одной модели на другую, является инвариантной, т.е. независимой от того, на каком языке она выражена, формируя универсальные понятийные категории. Наоборот, информация, содержащаяся в периферийных участках, т.е. остающаяся за пределами концептуальной модели, варьируется от языка к языку. Естественно, что чем больше степень изменчивости и варьирования дополнительной информации, тем больше различаются сопоставляемые языки.

[Постановка вопроса — "лексика как компонент, формирующий языковую модель мира", — предполагает наличие других компонентов, конституирующих языковую модель мира. К ним можно отнести: грамматику языка, идеологию (в широком смысле слова) говорящего на данном языке коллектива, самого человека, историческую и социальную форму существования языка. "Язык настолько неотделим от условий существования человека, что он (язык) всегда предполагается во всех возможных попытках его (человека) сущностной характеристики. Трудно представить формы сознательного поведения человека, в которых не усматривалось бы участие языкового фактора" [Рапишвили, 1981, 104].]

ПЕРВИЧНОЕ ЗНАКООБРАЗОВАНИЕ

Говоря об общих свойствах человеческого языка, часто упоминают его внешние функции, как, например: язык — средство звуковой регистрации результатов восприятия, язык — орудие культуры и т.п.

Язык действительно выполняет эти функции, но основное, специфически человеческое назначение естественного языка — это его участие в примарных актах построения предметного сознания человека, выражение его интеллектуальной активности. Основные функции человеческого языка как материально-идеального образования состоят в том, что язык синтезирует (сочетает) в себе по отношению к объективной действительности свойство отображения и обозначения, помогая человеку в познавательных актах "превращать" факты действительности в объект сознания.

Основным отличием процесса обозначения языковыми знаками (первичное или вторичное знакообразование) является то, что этот процесс сопряжен с отражательной деятельностью человека, с обобщением и вычленением необходимого и существенного, с образованием понятий. Из этого следует, что человеческий язык призван служить средством материа-

лизации мысли. При рассмотрении дихотомии "язык—мышление" подчеркивается факт материализации языком мысли, но познание не начинается с мыслей, оно начинается с наблюдений и действий над предметной действительностью. Язык, как непосредственно связанный с конкретными этапами опредмечивания, объективации предметного мира, должен быть рассмотрен и в другом соотношении: "язык—материальный мир", в котором он реализует другую, не менее важную, чем первая, функцию — быть средством идеализации (а следовательно, и репрезентации) реальной действительности. Обозначение языковыми знаками связано с процессами и результатами "снятия" предметного, чувственного, деятельностного, т.е. с идеализацией объективного мира. В человеческом языке итоги "снятия" предметного, реальных свойств и отношений вещей фиксируются предпочтительнее номинативными знаками (однословными и несколькословными лексическими единицами), в прямых значениях которых, как правило, задаются функции, внешняя форма, способ употребления предмета, агент, объект, среда и другие реальные характеристики обозначаемых действий, процессов объективной действительности, субъективных свойств и состояний человека.

В результате социально-исторического опыта человек, превращая вещи, их свойства в предмет своего труда, формирует новые понятия о социальном назначении, социальных свойствах и функциях этих вещей, вместе с продуктами труда формирует и новые понятия, представления, давая каждому свое имя [см.: Языковая номинация, 1977₂].

Первичное, собственно семиологическое означивание (по Бенвенисту), семасиологизация (по Бодуэну де Куртенэ) — это языковые и психические явления, результатом которых являются значимые языковые единицы (морфемы, слова) — в подавляющем своем большинстве образования более ранних этапов "первоначального человечения языка" [Бодуэн де Куртенэ, 1963, т. 1].

Научное рассмотрение процессов артикуляции, членимости языка как произносительно-слухового средства в истории отечественной науки восходит к И.А. Бодуэну де Куртенэ, который еще в конце XIX в. писал: "В этом (произносительно-слуховом. — А.У.) языке само собой напрашивается разграничение: 1) внешней стороны, чисто фонетической; 2) внеязыковой стороны, стороны семантических представлений, стороны семасиологической; 3) морфологической стороны, его структуры, являющейся основной характеризующей чертой человеческого языка". И далее: "Часть этих (фонационных, произносительных. — А.У.) действий и вызванных ими модификаций акустических впечатлений используется в области структуры слова, т.е. морфологизируется, часть же используется в ассоциации с семантической стороной, т.е. семасиологизируется" [там же, 163, 164].

Первичное знакообразование (закон знака), опосредованное сознанием закрепленной памятью и освященной традицией ассоциативной связи значения (содержания) и средств его языкового выражения (формой знака), является таким же древним принципом организации языковых единиц-слов, как и сам язык и сознание человека в его филогенезе.

Как при создании, так и при описании лексических единиц закон знака обязателен, а установление отношения значения между формой (означающим) и содержанием (означаемым) знака представляет основной,

если не единственный, способ существования и хранения семантики словесных знаков². Первообразное формирование слов, или первичное знакообразование, уходящее в глубь человеческой истории, имело огромное для человека значение. "С развитием способности извлекать и перерабатывать информацию о предметах, оперируя непосредственно не с самими предметами, а со знаками, их представляющими, связано как становление самого человечества, так и переломы в развитии науки" [ФЭС, 1983, 191].

Формальный механизм собственно семиологического означивания языковых элементов обобщен и представлен в науке в виде понятий "семантический" или "ономасиологический треугольник", выражающих конституенты первичного знакообразования, т.е. прямой, элементарной и производной, номинации. В отличие от первичного знакообразования (первичного означивания) вторичное означивание, названное Э. Бенвенистом "семантической интерпретацией" [Бенвенист, 1974], свойственно высказываниям, единицам речи в целом. Составляющими элементарного механизма речевого семиозиса (порождения высказываний), субъективными по своей природе, реализующими основной принцип организации языка — эгоцентрический, являются прежде всего координаты речевого акта, формирующие любое высказывание в любом языке, — говорящий, слушающий, время, место и цель порождения данного высказывания. В гносеологическом плане в каждый отрезок времени первичное и вторичное означивание можно рассматривать как старый (имеющийся) и новый (приобретенный) опыт, т.е. знания. Таким образом, речевые единицы суть сочетание языка, его системных средств с новой реальностью.

Вся традиционная наука о языке, имплицитно пользовавшаяся законом знака и фактически впервые осуществившая семиотический подход к языку, издавна считала слова основными языковыми знаками. Свидетельством этого является тот факт, что классическое традиционное языкознание вело исследование лексического значения всегда лексисцентрически, устанавливая отношение знака между значением и формой слова. Процесс первичного знакообразования, принцип знака позволяет раскрыть, в каком отношении к языку, с одной стороны, и к практической деятельности людей — с другой, находятся процесс и результаты идеализации предметного мира [о гносеологических, психофизиологических аспектах и технике первичного знакообразования см.: Языковая номинация, 1977₂].

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЛЕКСИКИ

Принято считать, что лексика, словарный состав языка в целом, как непосредственно связанная с предметным миром человека, с его социально-историческим опытом и культурно-национальными особенностями говорящего на языке коллектива, способна отображать если не научную, то по меньшей мере "наивную картину мира", т.е. стихийно складывающееся, закрепленное в обыденной практике представление о внешнем мире. Любая картина мира (общенаучная, наивная, донаучная и т.п.) свя-

²Ср. идею Ю.Н. Караулова о двух способах хранения семантики слова: знаковом и незнаковом [Караулов, 1976, 1].

зана с главенствующим в данный исторический период мировоззрением, более того она одновременно является и средством формирования последнего. Под понятие "картина мира" подводится в разное время и разными исследователями (и всеми пользующимися данным языком) и "видение мира", и "понимание вещей и событий", и "идеология", и "художественные представления разных культурных ценностей", и "национальное восприятие окружающего мира", и т.п.

Таким образом, как справедливо отмечал в свое время Ю.Н. Караулов, выражение "картина мира" продолжает оставаться на уровне метафоры. И тем не менее «в принципах классификации и группировки понятий, в способах установления зависимостей между ними, безусловно, отражается известное представление о внешнем мире, некоторая "картина мира"» [Караулов, 1976₂, 267].

В силу всеобщности человеческого мышления и универсальности механизма познания окружающего мира в каждом языке, особенно в его лексическом составе, и мировоззрении носителей языка формируется определенное представление о мире, его законах, о пространственных, временных связях предметов и природных явлений [Серебренников, 1983].

Лексика любого языка не позволяет непротиворечиво провести ее классификацию. Сложность содержательной стороны языковых единиц в целом, и слов в том числе, проистекает из того, что в языке находят свое выражение, сопрягаясь, но не покрывая друг друга, семантические свойства четырех разных сущностей: а) семантические значимости единиц собственно языковой системы; б) категории предметного мира, своеобразно отображенные в категориях и единицах языка; в) мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания; г) прагматические факторы коммуникативного назначения языка.

Рассмотрим универсальные признаки лексики как структурного уровня языковой системы.

1. Содержание центральной лексической единицы — слова — носит комплексный характер. Слово как строевой элемент языковой системы является одновременно основной когнитивной единицей, обладающей несколькими видами семантической значимости: грамматическим (внутриструктурным) значением, лексическим (вещественным) и прагматическим значением, выступающим в виде различных коннотаций (оценочных, культурно-исторических, национально-географических и прочих знаний), накопленных носителями языка в результате восприятия ими разных аспектов внешнего мира. Кроме того, на лексическое значение слова влияют условия и цели коммуникативного его использования.

2. Принципы структурной организации лексики универсальны по своей природе. Как основная единица языковой системы, слово организует свое содержание по трем структурным осям: в парадигматике, синтагматике, эпидигматике. Отношения лексических единиц по их значению в парадигматике основываются на разных видах оппозиций: привативная оппозиция устанавливает отношение включения, манифестируемое гиперонимическими и родовидовыми группировками слов (лексико-семантические группы, парадигмы и т.п.); эквиолентная оппозиция характерна для "пересекающихся" классов слов, имеющих общую часть, этот тип связи присущ морфологической и семантической деривации слов и их зна-

чений. Для парадигматических отношений слов характерны также противопоставления равенства или неравенства (дизъюнктивная оппозиция), манифестируемые синонимическими, антонимическими группировками и лексико-грамматическими разрядами слов.

3. Типы семантических связей, содержательный смысл которых состоит в отображении реально существующих отношений между предметами объективной действительности, закрепляются прежде всего в значениях слов и обозначаемых ими понятиях, а через них вступают во взаимодействие в системе языка по семантическому сходству или различию, манифестируя гиперо-гипонимические отношения слов и предметные связи, ими обозначаемые. Такие универсальные семантические связи, вернее, их модели — "действие — объект действия", "действие — инструмент, средство действия" и т.п. — называются иногда "семантическими осями" и могут быть отнесены к константам сознания, выражающим связи глагола с предметными именами в границах актантных рамок.

4. В лексическом составе языка наличествуют разные по характеру семантики, по сфере использования и выполняемым в языке функциям большие разряды слов — так называемые семиологические классы: характеризующие (имена нарицательные), индивидуализирующие (имена собственные), квантитативные (имена числительные), дейктические (местоименные слова), заместительные (провербы, проадъективы), связочные слова (союзы) и знаки-актуализаторы (артиклы, частицы и наречные местоимения). К последнему разряду слов относятся также знаки-форматоры и шифтеры, у которых видоизмененная функция референции сводится фактически к актуализации и транспозиции системных значимостей в речевые, к "сдвигу" единиц разных структурных уровней в системе языка при реализации последних в речи, в линейном ряду.

5. Универсальной, свойственной всем языкам является категория таких слов, как личные, притяжательные, указательные местоимения, полудейктические слова временного и пространственного указания относительно координат речевого акта, призванные обслуживать исключительно сферу коммуникативной деятельности языка. Кроме того, в любом языке имеются в высшей степени обобщенные слова, так называемые универсальные знаки типа *all* 'все, всё', *everybody* 'каждый', *everything* 'все', *nothing* 'ничто', междометные и усилительные частицы, которые трудно зачислить в тот или другой семиологический класс или лексико-грамматический разряд.

Однако такие параметры слова в лексико-семантической подсистеме языка, как двухкомпонентная природа лексического значения (денотативный + сигнификативный компоненты), двухчастная информация многих слов, обладающих вещественным значением (нейтральная + стилистически (прагматически) окрашенная информация), семантическая структура назывных слов с различным рисунком их полисемии, способы элементарной и производной номинации, наличие у характеризующих слов номинативной и синтагматической значимости и т.п., релевантны лишь для этой подсистемы языка и не оказывают влияния на восприятие "законов" внешнего мира, на формирование картины мир.

Итак, мы коснулись основных универсальных признаков лексики — ее внутренней организации, составляющей остова лексико-семантической

системы языка. Какие бы признаки этого уровня мы ни брали: смысловую структуру слов, контексты актуализации их семантики — любые из вышеперечисленных свойств, можно смело сказать, что они не оказывают непосредственного влияния на восприятие окружающего мира носителями языка, представляя собой высшую степень абстракции знаний о языке. Ближе к окружающему миру находится лексика в ее номинативном аспекте — слова, именующие понятия человека как о внешнем мире, так и о внутреннем его состоянии и различных диспозициях. В лексических единицах, рассматриваемых с ономаσιологической точки зрения, т.е. в их отношении к экстралингвистическим данным (к миру и человеку), естественно зафиксированы их многообразные свойства, качества, представления. В словах как номинативных единицах, особенно в характеризующих словесных знаках, хранятся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности, однако неверно полагать, что совокупность первообразных наименований, так называемое семантическое картирование (semantic mapping), может составить упорядоченное, целостное представление о внешнем мире. «Отдельное слово с точки зрения положения его в иерархии аналогично "элементарному объекту" и поэтому, как и атом, "неразлично" на том уровне, где складывается "картина мира"» [Караулов, 1976₂, 268].

Слово как элемент второй (собственно человеческой) сигнальной системы действительности составляет психофизиологическую основу речемыслительной деятельности человека на любом языке. Но слова как номинативные единицы разнятся от языка к языку. "Слово же непосредственно не есть отражение, этот способ выражения по преимуществу, — справедливо утверждает Ю.Н. Караулов, — тогда как способом отражения является поле" [там же, 269].

И тем не менее в словах, в их значениях зафиксированы элементы так называемого отсроченного мышления, фрагментарные, но базовые знания, объективированные в словах как номинативных единицах.

Кроме того, в результате психолингвистических исследований лексического состава языка по ассоциативным связям выявлен универсальный признак лексики — наличие определенного "ядра" в лексиконе языка. В значениях слов, составляющих ядро, выражены знания "первого эшелона": знания об объектах физического мира, об их пространственных и вещественных характеристиках. Не случайно из числа "ядерных" слов 60% — предметные имена с так называемой отражательной семантикой, т.е. с вещественным значением. В системе наименований, относящихся к полноточным, характеризующим словесным знакам, нет особых понятий, которые не коррелировали бы с мыслительными и предметными категориями; словесные знаки только по-разному называют и "осуществляют" эти понятия в языке.

Полнозначные словесные знаки, ядерные в том числе, потому и называются характеризующими, что репрезентируют предметы, явления внешнего и внутреннего мира человека как по свойствам, воспринимаемым чувствами (визуально, тактильно и т.п.), по денотату, так и по их внутренним характеристикам, отображаемым мысленно, по сигнификату.

В именах существительных, взаимодействуя, сосуществуют разнопоряд-

ковые категории: 1) категории предметного мира, 2) мыслительные категории, которые формируют еще более отвлеченную категорию "предметности", выражаемую языковыми формами. Так, существительные *бег, езда* и т.п. отличаются от соответствующих глаголов тем, что они выражают данное действие несколько в ином ракурсе, а именно: они выражают в противоположность *бегать, ездить* — *бегун* и *ездок* как нечто самостоятельно существующее, как некое его "предметное" бытие, как носителя признака — субстанцию.

Предметные имена, относящиеся к ядру лексикона, обладают двухчастным характером предметно-вещественного значения, включающим как денотативный, так и сигнификативный компоненты значения.

Денотат имени, предмет обозначения выражает в системе языка типизированное представление об объекте как целом (единичном предмете, явлении или классе предметов), в актуальной речи ему соответствует тот или иной референт. Конкретное номинативное значение предметных имен помимо отражательного типизированного образа предмета осложнено обобщенным категориальным признаком "представление предметной целостности", который служит основанием для выделения семиологического подкласса предметных и псевдопредметных имен. Денотативный компонент значения имен существительных предполагает предметную отнесенность имени, вызывая у пользующихся языком предметное представление о некоей субстанции, вещи, пице и т.п., очерчивая тем самым и круг референции данного слова в речи. С точки зрения степени абстракции, "удаления от предметного мира" денотативное имя стоит на ступень ближе к внешнему миру по сравнению с сигнификатом, обозначая нечто видимое, слышимое, осязаемое или представляемое. Не случайно денотат в логике отождествляется с самим материальным предметом, а критерий воспринимаемого/невоспринимаемого органами чувств издавна служит водоразделом конкретных и абстрактных имен существительных. Конкретные существительные можно назвать именами предметов или их классов, абстрактные — именами признаков.

Важным моментом в психолингвистической презентации словарного состава естественного языка явилась идея о наличии ядра лексикона человека; этот эксперимент был проведен по "Тезаурусу ассоциативных связей слов английского языка"³ А.А. Залевской [1982].

6. Наличие ядра словарного состава любого языка можно считать одной из универсальных черт в организации лексикона человека. Принадлежность той или иной единицы к ядру лексикона определяется прежде всего ролью этой единицы "как средства доступа и к системе энциклопедических и языковых знаний человека" [Залевская, 1981, 37].

Интересно отметить, что к числу ядерных слов относятся прежде всего вещественные слова — имена существительные, служащие основой толкования значений прочих слов. «Можно полагать, — пишет А.А. Залевская, — что наличие ядра лексикона является одним из оснований для многократного пересечения ассоциативных полей, разных, казалось бы не имеющих друг с другом связей, слов. Это помогает дать объяснение феномену, описанному Ю.Н. Карауловым (см.: [Караулов, 1976₂]. — А.У.) как "правило

³Kiss G., Armstrong G., Milroy R. The associative thesaurus of English. Edinburgh, 1972.

шести шагов", именно через принадлежащие к ядру наиболее емкие единицы лексикона устанавливается связь между двумя любыми словами в пределах названного числа переходов. Не исключено, что ядро лексикона обеспечивает экономичность хранения энциклопедических и языковых знаний человека и эффективность параллельного учета их в его речемыслительной и прочей деятельности» [Залевская, 1982, 38].

В результате проведенного исследования на материале прямых и обратных ассоциативных связей слов установлено, что от 300 до 1000 входящих ассоциативных связей имеет лишь небольшое количество английских слов, которые, по всей вероятности, и составляют ядро лексикона. Конечным итогом анализа материалов по АТ (ассоциативный тезаурус) по этому параметру явилось заключение, что основное место в списке отнесенных к ядру лексикона английских слов занимают существительные (около 60% общего числа), далее прилагательные (около 20%), наречия и предлоги — около 10%, местоимения — 7%, частицы — 3%.

Психолингвистические штудии семантики слова продвинулись далеко; в наши дни ставятся на повестку дня такие глобальные задачи, как описание и объяснение "особенностей строения и функционирования лексического компонента языкового механизма человека" [Залевская, 1982, 29], т.е. лексикона, экспериментальное межъязыковое сопоставление видов и силы ассоциативных связей единиц разных уровней языка и т.п. На основе экспериментальных данных была выдвинута и верифицирована гипотеза о структуризации лексикона, о наличии так называемого ядра, элементы которого имеют наибольшее число ассоциативных связей и потому оптимально решают задачу идентификации и сохранения связей между единицами лексикона; делается обоснованное предположение, что именно эта часть словарного состава любого языка выступает в качестве идентификаторов словарных дефиниций, объясняющих введение нового значения при помощи уже известного. Заслуживает быть отмеченным другой важный вывод из экспериментальных данных, а именно что "слово опознается лишь в одном его значении и связь между разными лексико-семантическими вариантами полисемантического слова может актуализироваться только при наличии некоторых мыслительных усилий" [Залевская, 1978, 37].

Естественно предположить, обсуждая проблематику языковой картины (модели) мира, что общими, инвариантными для разных языков являются лексические сферы, обозначающие предметы физического мира, природные явления, естественные роды и искусственно созданные людьми классы предметов-артефактов.

7. Универсальной является совокупность категориальных семантических (понятийных) признаков, отвлеченных от предметных сфер и свойств физического и органического мира человека, формирующих логико-предметное содержание конкретных имен. Эти категориальные семантические признаки выступают в виде четырех оппозитивных пар признаков: 1) одушевленность/неодушевленность, 2) лицо/нелицо, 3) счисляемость/несчисляемость, 4) конкретность/абстрактность, характеризующих природу денотата и формирующих на основе той или другой их конфигурации семантические разряды конкретных имен в различных языках.

Это, очевидно, та лексика, которая хранит в своих значениях знания первого эшелона и которая представлена сектором полного совпадения

при наложении друг на друга концептуальной модели мира и языковой модели мира.

Лексика (лексикон) любого конкретного языка в силу своих сущностных характеристик — подвижности и открытости границ, широкой возможности комбинаторики слов, сложности и неоднородности смысловых отношений слов в системе и семантико-синтаксических связей в речи, экстралингвистической детерминированности значения лексических единиц, исторической подвижности (изменчивости) лексических группировок слов и т.п. — делает нахождение общих константных признаков, формирующих языковую картину мира, затруднительным.

Многие ученые считают способы номинации, особенно первичные наименования, обеспечивающие якобы первообразное "членение" предметного мира и человеческого опыта, одной из главных типологических черт, определяющих своеобразие лексики конкретных языков. Справедливо возражал У. Вейнрейх против того, чтобы считать первичные лексические наименования (semantic mapping) определяющим фактором, детерминирующим языковую картину мира [Вейнрейх, 1970]. В последние годы в психолингвистических и лексикографических исследованиях лексики выдвигается идея "базисного словаря" [Филлмор, 1983] или "ядра лексического состава" [Залевская, 1978; 1981].

Принимая во внимание результаты психолингвистических исследований по вербальным ассоциациям, особенно работ А.А. Залевской, утверждающей, что основное место в списке отнесенных к ядру лексикона английских слов занимают имена существительные (около 60% общего числа), мы решили взять для моделирования и детального обсуждения предметные имена английского языка в сопоставлении с соответствующими русскими предметными именами. Интегральная языковая модель мира детерминирована прежде всего универсальными содержательными предметными признаками, на основе которых формируется таксономия конкретных имен, обозначающих физический мир и природные явления, животный и растительный мир, внешние черты человека и т.п.)

Семантические категориальные признаки, формирующие основу семантических разрядов слов по предметным сферам, даны в таблице.

Категориальные семантические признаки	I конкретность одушевленность счисляемость нелицо	II конкретность одушевленность счисляемость лицо	III конкретность неодушевленность счисляемость нелицо
Имена разрядов	животный мир (animals, birds)	люди (people, persons)	вещи, растения (things, trees)
Категориальные семантические признаки	IV конкретность одушевленность несчисляемость нелицо	V конкретность одушевленность несчисляемость лицо	VI конкретность неодушевленность несчисляемость нелицо
Имена разрядов	совокупность животных (flock, herd)	совокупность лиц (soldiers, police)	материал, вещество (iron, water)

Семантический признак "конкретность" постоянен и присущ каждому разряду, остальные категориальные семантические признаки комбинируются как переменные.

I. Первый разряд слов, основанный на совокупности категориальных семантических признаков "конкретность", "одушевленность", "счисляемость", "нелицо", включает имена особей предметной сферы — "животного мира", в наше время имеющей строго научную классификацию по разрядам, классам, родам и видам. Эта предметная сфера, как и имена, ее обозначающие, структурируется по основному для нее родовидовому принципу. Фактически совокупность категориальных предметных признаков, свойственных всему животному миру, отображает определенную степень детализации предметного мира, а слова, подпадающие под эту совокупность признаков, выполняют собственно номинативную функцию его "картирования" (semantic mapping).

Необходимо отметить, что в этой лексической сфере слов, взятых в их прямых номинативных значениях, концептуальная и языковая модели мира наиболее полно совпадают, "покрывая" без остатка друг друга. Зонимы универсальны по содержанию (по денотату), но варьируются от языка к языку по форме выражения. Различия в этой лексической сфере определяются степенью индивидуализации имен животных: последняя в свою очередь зависит от роли, которую обозначаемые животные играют в хозяйственно-экономической жизни, и традиций носителей языка (ср. наличие большого числа наименований лошадей в английском языке, обозначающих различные свойства, породу, назначение лошадей). Наименования особей и классов животного мира можно отнести к разряду жестких десигнаторов, ибо их лексическое значение, логико-предметное содержание задается строгим набором семантических признаков, формирующим соответственно дедуктивно-логическое понятие разряда, класса, рода.

Особенностью этой логической сферы является то, что в результате переосмысления прямого номинативного значения имен животных разного рода прямое значение обрастает рядом ассоциативных производных значений, формируя индуктивно-прагматическое понятие, которое образует целый спектр коннотаций, новых прагматических и оценочно-модальных значимостей.

Сопоставим дефиниции двух наименований животного: англ. *bear* и рус. *медведь*. Словарная дефиниция, по нашему твердому убеждению, определяет через другие слова логико-предметное содержание определяемого слова, указывая как на денотативную сферу, так и на сигнификативные компоненты знакового значения. Так, англ. *bear* определяется в Оксфордском словаре следующим образом: "Bear — "Heavy partly carnivorous thick-furred plantigrade quadruped" [COD, 1951, 101] 'крупное, отчасти плотоядное стопоходящее четвероногое животное с густым мехом'.

В приведенном определении имени *bear* содержатся три специализированных слова: *carnivorous*, *quadruped*, *plantigrade*, являющиеся зоологическими терминами, которые отображают, следовательно, научно-классификационное понятие об этом виде животного; денотативные признаки — "вес", "характер волосяного покрова", выражают обыденное, "общезнательское" представление о внешних свойствах медведя. Из этого факта

вытекает следствие: нельзя взаимоисключаяще противопоставлять друг другу научное понятие и обыденное, в другой терминологии: денотативные — сигнификативные компонентам, взаимодействующим в границах одного и того же знакового значения слова.

В словарном определении рус. *медведь* — "крупное хищное млекопитающее животное с длинной шерстью и толстыми ногами" [СРЯ, 1953, 303] — содержится произвольно (житейски, а не научно) выбранный признак "наличие толстых ног". С исключением из дефиниции содержания зоологического термина "стопоходящий" выпадает целое звено в логическом понятии, а следовательно, логически необъяснимыми остаются производные значения, индуцированные именно этим признаком слова *медведь*: "неуклюжая походка", признак, легко объяснимый при "стопоходящей" манере медведя, "косолопость", переваливание с ноги на ногу" и т.п.

Таким образом, четко заданное дедуктивное понятие с конечным числом признаков, как это имеет место у названных животных, при функционировании этих наименований в речи, обрастает коннотациями и прагматическими значениями.

Подобно магниту, имена животных индуцируют вокруг себя "силовое поле", представляющее собой индуктивно-эмпирическое понятие, отбрасывающее прагматические оценки, на которых основываются вторичные, переносные значения и употребление референтного имени в роли предиката, ср.: *ты, медведь, уйди!* (к человеку). Ср. также: *как медведь, по-медвежьи, настоящий медведь* (о человеке). Несмотря на то что любое слово (наименование) в этом семантическом разряде обладает своим значением, безотносительным к другим предметным значениям, зоонимы образуют вокруг себя широкие ассоциативные поля. Так, Дж. Диз в известной работе по ассоциациям в языке и мысли утверждает, что названия *antelope, bear, buffalo, cat, cow, deer, fox, goat, gorilla, horse, lion, mouse, pig, pony, rabbit, rat, sheep* являются семантически (на основе ассоциаций) очень близкими, но слова *cow* 'корова', *goat* 'коза' связаны еще более тесно, так как они ассоциируются еще и по второй линии слов: *milk, farm, grass* и т.п. [Deeze, 1965, 150].

Необходимо отметить, что почти универсальным является способ выражения оценочных, фразеологически связанных значений через перенос названий животных на человека, ср. рус. *хитрый как лиса, труслив как заяц, злая как собака, воркуют как голуби, ласкается как кошка, глуха как тетеря*; англ. *as cunning (sly) as a fox, play cat and mouse with somebody, all cats are grey in the dark, first catch your hare (then cook him)* и т.п.⁴

Предметные имена, относящиеся к этому семантическому разряду, являются именами естественных классов (родов) и обладают денотативно-сигнификативным типом знакового значения.

II. Второй разряд слов, смоделированный на основе совокупности категориальных семантических (по предметной сфере) признаков: "конкретность", "одушевленность", "счисляемость", "лицо", — представлен в каждом языке разветвленной микросистемой имен лиц. В составе лек-

⁴См. раздел "Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира" настоящего издания.

стики современного английского языка микросистема антропонимов насчитывает более 6000 единиц.

Под второй семантический разряд подпадают имена лиц, обозначающие человека в его многосторонних отношениях к другим людям, к предметам и вещам реального мира, к обществу — его различным институтам, ко всем сферам умственной и практической деятельности человека, характеризующего со стороны его физических, психических свойств, этических и нравственных норм.

Краткое энциклопедическое определение сложного понятия "человек" отражает основные оппозитивные признаки, по которым структурируется гиперо-гипонимическая система лиц: "Человек есть живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного" [БСЭ, т.29, с. 51.Человек].

✓ ПРИМЕРНАЯ СТРУКТУРАЦИЯ МИКРОСИСТЕМЫ АНТРОПОНИМОВ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Человек, характеризующийся по его трудовой деятельности (*worker*, 'рабочий', *peasant* 'крестьянин').
2. Человек, характеризующийся как специалист какой-либо отрасли знаний или практической деятельности (*specialist* 'специалист', *doctor* 'доктор', *turner* 'токарь').
3. Человек, характеризующийся по его отношению к определенному коллективу, группе людей (*member* 'член', *representative* 'представитель').
4. Человек как последователь, сторонник кого-л., чего-л. (*follower* 'последователь', *adherent* 'приверженец').
5. Человек, характеризующийся по общности деятельности, интересов, места пребывания (*associate* 'компаньон', *classmate* 'одноклассник').
6. Человек, характеризующийся по подчиненности (*commander* 'командир', *soldier* 'солдат').
7. Человек, характеризующийся по отношению к собственности (*owner* 'собственник', *land-lord* 'помещик', *master* 'хозяин').
8. Человек, характеризующийся по месту жительства (*inhabitant* 'житель', *mountaineer* 'горец').
9. Человек, характеризующийся по возрасту (*baby* 'ребенок', *youth* 'юноша', *adult* 'взрослый').
10. Человек, характеризующийся по полу (*girl* 'девушка', *boy* 'мальчик').
11. Человек, характеризующийся по родству (*relative* 'родственник', *daughter* 'дочь').
12. Человек, характеризующийся по национальному, расовому признаку (*Negro* 'негр', *Russian* 'русский').
13. Человек, характеризующийся по наклонностям (*drunkard* 'пьяница', *morphist* 'морфинист').
14. Человек, характеризующийся по интеллекту (*fool* 'глупец', *intellectual* 'интеллектуал').

Не продолжая дальнейшей детализации микросистемы антропонимов, можно сказать, что категориальные семантические признаки универсаль-

ны, свойственны каждому народу, независимо от того, каким языком данная языковая общность пользуется.

Основные характеристики человека могут быть представлены следующим образом:

а) биолого-физиологические и антропологические, т.е. природные свойства (пол, возраст, национальность, внешние характеристики), имеют характер не контрастивных, взаимоисключающих оппозиций, а скорее симпатических отношений, существуют и манифестируются совместно друг с другом;

б) социально-трудовые и родственные отношения (человека к человеку, труду, собственности, социальным, политическим, религиозным и прочим институтам и организациям, по месту жительства) могут манифестироваться и присутствовать в имени лица раздельно или/и совокупно;

в) сфера психической деятельности и эмотивных оценок человека (способность мыслить, проявлять волю, воображение, эмоции, различные диспозиционные установки, мораль, нравственность и т.п.) представлена именами как природных, так и выработанных психических свойств и характеристик человека.

Каждая из сфер человеческой деятельности и бытия человека в целом представлена несколькими семантическими темами, которые в свою очередь можно довести до большей степени детализации и выяснить характер структуризации всей микросистемы антропонимов.

Общей чертой семантики предметных имен этого семантического разряда является денотативно-сигнификативный тип их знакового значения, включающий в себя семантический признак "конкретность", что позволяет антропонимам, как и любым конкретным словам, именовать как отдельный индивид этого класса, так и общее понятие о нем. Основным видом семантических отношений в этой микросистеме являются "часть — целое", "член, индивид — класс, совокупность людей". "Партитивность" и "членство" — главные типы логико-семантических отношений, пронизывающих всю антропонимическую микросистему слов, начиная от гиперогипонимической структуризации ее членов в системе лексики и кончая семным составом этих имен вообще.

Знаковое значение словесных знаков складывается из суммы отобранных признаков, формирующих в совокупности логико-дедуктивное понятие, которое ложится в основу прямого номинативного значения слов этого разряда.

Специфической чертой, характерной для антропонимов, называющих биолого-физиологические, природные характеристики человека как неотъемлемые его свойства, являются две закономерные тенденции, составляющие своеобразное диалектическое противоречие:

1) в семном составе антропонимов обязательно наличествуют совокупности конституирующих сем ("пол", "возраст", "национальность" и др.). Невозможно представить себе человека без этих определяющих его природных характеристик. Номинаты подобных имен, как, например, *женщина (woman)*, *старик (old man)*, *мужчина (man)*, *девушка (girl)* и т.п., свойственны любой языковой общности, только средства их выражения варьируются от языка к языку. Характеристика человека по его внешности, по социальному и трудовому статусу, по внутренним, психическим

свойствам ввиду многочисленных эмпирических признаков более специфична и варьируется в большом диапазоне комбинаций вышеуказанных признаков;

2) часто дифференциальный, служащий интенцией наименования признак, как бы зачеркивает, отодвигая на задний план, более общие (емкие) признаки. Например, в именах *child* 'ребенок', *parent* 'родитель' "погашена" сема "пол"; напротив, в именах *female* и *male* "зачеркнута" сема "возраст". В антропониме *mountaineer* 'житель гор', определяемом как "dweller amongst mountains", имеется указание на лицо (суф. -*er*) и место проживания, все остальные семы — "возраст", "национальность" — сняты как неактуальные для данного имени.

[В лексике английского языка имеется значительное количество наименований, в которых различие основных категориальных признаков не выдержано. Таким образом, в составе лексики наличествуют аномальные имена, не подпадающие ни под один из приведенных в таблице семантических разрядов конкретных имен. В их семантике не разграничиваются: 1) "лицо" и "вещь" (*darling* — person (лицо) or thing (вещь) *very much loved*; *check (control)* — person (лицо) or thing (вещь) *that checks or restrains*); 2) "лицо" и "животное" (*captive* — person (лицо) or animal (животное) *taken prisoner*, *carrier* — person (лицо) or animal (животное) *that carries a disease*, *creature* — living animal or living person).

Как можно было убедиться "некорректное" распределение семантической информации в единичных именах не влияет на представление у носителей языка общей картины мира средствами конкретного языка.

Конкретная лексика обладает в основном идентифицирующим значением, т.е. функцией опознания, узнавания предметов и установления тождества между именем и его референтом в конкретных речевых актах, что совершается каждый раз на основе знаний денотата имени.]

Предметная лексика оказывается далеко не однородной по характеру знакового значения; более того, отдельные звенья гиперо-гипонимической структуры имен лиц являются типичными именами с относительным характером семантики, тяготеющими к разряду абстрактных, признаковых имен. До сих пор мы обсуждали имена лиц, обладающие большей степенью конкретности денотативного типа значения. Семантика имен родства в составе этого семантического разряда носит относительный характер, так как смысловой основой значения этой группы слов является понятие "отношение человека к другим людям по родственным связям". Имена родства составляют своеобразную группировку слов, идентифицируемую с рус. *родственник*, англ. *relative*. Имена, обозначающие родственные связи людей, имеют денотаты и соответствующие им сигнификаты, составленные из относительных, но дискретных семантических признаков: 1) "родство" — кровное прямое, кровное боковое, некровное; 2) "поколение" — по восходящей и/или нисходящей (от ego) линии; 3) "пол" родственников (женский/мужской).

Комбинация этих универсальных семантических признаков составляет основу логико-предметного содержания, формирующего вещественное значение имен родства и образующего своеобразные номинаты, приближающиеся по характеру семантики к признаковым именам. Своеобразие имен родства заключается в том, что одно и то же лицо называется раз-

ными именами в зависимости от того, кому оно противопоставляется по прямому или боковому родству.

В силу того что этот набор основных признаков родства варьируется от языка к языку незначительно, их можно назвать универсальными. Различия складываются на уровне структуризации, обусловленной не столько этноисторическими условиями, сколько собственно языковыми особенностями; понятийная основа, так называемые константы сознания — одни и те же.

Лицо мужского пола именуется в русском: *сыном* — по отношению к своим родителям, отцу и матери, к первому поколению по восходящей от его линии; *внуком* — по отношению к родителям его собственных родителей (деду, бабушке), ко второму поколению по восходящей от его линии; *отцом* — по отношению к своим детям, к первому поколению по нисходящей от его линии; *братом* — по отношению к другим детям его собственных родителей (братьям и сестрам), представителям одного и того же поколения.

В английском языке: *son* — male child of a parent; *nephew* — brother's or sister's son; *father* — male parent; *brother* — son of the same parents. Same 'тот же самый', как знак отождествления, выражает отношение идентичности, являясь своеобразным семантическим предикатом этого разряда лексики.

III. Третий разряд слов, в основе значений которых лежат категориальные семантические признаки "конкретность", "неодушевленность", "счисляемость", "нелицо", представлен наименованиями вещей (естественного и искусственного происхождения), семейств, родов и видов растительного мира, именами географических реалий. Основной характерной чертой вещественного значения этих имен является дискретность денотата. Значение имен естественных родов, как отмечает Н.Д. Арутюнова, определяется референцией имени, а не смыслом последнего. Значение имен этого семантического разряда "гетерогенно и складывается из представления, обобщенного образа (стереотипа класса), разнохарактерной информации и т.п., словом всего того, что связывается в сознании человека с предметным миром" [Арутюнова, 1980, 186]. В количественном отношении этот разряд имен самый многочисленный, так как он называет широкий класс вещей материальной культуры, понятий духовной жизни человека, художественной литературы, изобразительного и музыкального искусства.

Описание отдельных сфер может составить предмет изучения отдельных наук: археологии, этнографии и т.п. Номинаты, составляющие самую широкую категорию предметного ряда "вещь", представлены двумя родами — естественным и искусственным: первые охватывают растительный мир и части "неразъемного целого" (термин Н.Д. Арутюновой), вторые — артефакты, "части разъемного целого": механизмы, строения, средства передвижения и т.п. К этой категории предметных имен относятся, например, названия частей тела, мысленное расчленение и автономность наименования которых послужили причиной образования особого типа семантических связей, так называемые "партонимические группировки слов" [Филлмор, 1983, 49]. Подобно именам животных, названия частей тела выступают в роли центра переосмысления, образования переносных

значений, часто интерпретации логико-предметного содержания этих своеобразных предметных имен.

В каждом языке в большей или меньшей мере существуют так называемые стертые метафоры, превратившиеся в специализированные наименования, ср.: *face* 'циферблат', *hands of a watch* 'стрелки часов', *foot of a mountain* 'подножье горы', *head of a pin (hammer, cabbage)* 'головка булавки (молотка, капусты)', *the mouth of a river* 'устье (букв. 'рот') реки', *the mouth of a bottle* 'горлышко бутылки', *the mouth of a cave* 'вход в пещеру', *an eye of a needle* 'ушко (букв. 'глазок') иголки', *an eye of a potato* 'глазок картошки', *legs of a chair* 'ножки стула' и т.п. Потеряв свою образность, такие стертые метафоры превращаются в так называемые расчлененные специализированные наименования типа рус. *щека пулемета*, *нос корабля*, *язык колокола*, *ножка стола*, *спинка стула*, *пальцы втулки*, *волосок электрической лампочки* и т.п. Перечисленные расчлененные наименования — это специализированные в той или иной мере имена, обозначающие "инвентарный образ предмета" [Языковая номинация, 1977₂, 160].

Этим же специфическим свойством объясняется наличие у таких имен огромного числа фразеологически связанных значений, ср. рус. *буйная голова*, *голова еловая*, *голова садовая*; *по горло*; *по уши*; *закрывать глаза на что-л./кого-л.* и т.п.; англ. *close one's eyes on something* 'закрывать глаза на что-л.', *dust somebody's eyes* 'пустить пыль в глаза', *cast an evil eye* 'бросить косой взгляд (букв. 'глаз')', *eye for eye* 'око за око' и т.п. Небезынтересно отметить, что, например, в "Англо-русском фразеологическом словаре" А.В. Кунина (М., 1984) фразеологических единиц с компонентом *eye* 'глаз' в их составе насчитывается более 140 единиц⁵.

Возвращаясь к семантике предметных имен, входящих в третий разряд (конкретные, исчисляемые, неодушевленные, нелицо), необходимо отметить, что значения некоторых имен, обозначающих части тела, определяются нередко через так называемые "топографические толкования" [Арутюнова, 1980], указывающие лишь на приблизительные границы "вещи" на поверхности, например: "...neck — part of the body that connects the head and the shoulders" [Hornby, 1978, 424].

В семантике *neck* 'шея' значимы два денотативных признака — "форма" и "положение, позиция", а именно положение двух или нескольких соединяемых (реально или мысленно) частей, которые лежат в основе образования расчлененных наименований: *the neck of bottle* 'горлышко бутылки', *the neck of a guitar* 'гриф гитары' [там же].

Через "топографическое толкование" определяются географические реалии, подлинно топографические объекты. Рассмотрим для примера лексико-семантическую группу (ЛСГ) английских существительных с конкретным наименованием *valley* 'долина' в качестве идентификатора ЛСГ: *valley, dale, dell, dingle, combe, strath, glade, glen, cove*. Денотативный характер логико-предметного идентификатора ЛСГ *valley* явствует из словарного определения: "stretch of the land between hills or mountains, often with a river flowing through it" [там же, 726].

⁵ См. раздел "Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира" настоящей книги. Ср. также довольно значительное количество единиц со связанным значением *Auge* 'глаз' в современном немецком языке [Paffen, 1969, 101–102].

Следуя операциональному пониманию семантических признаков как компонентов, манифестируемых словарными дефинициями, словами и синтагмами, ее составляющими [Караулов, 1976, 185], вещественное значение, сугубо денотативное по своей природе, представлено следующими семантическими признаками: 1) "протяженный участок земли", 2) "находящийся внизу", 3) "по сравнению с окружающими его горами, холмами", 4) "с протекающей/не протекающей по нему рекой", 5) "покрытый или не покрытый лесом".

В названную ЛСГ входят имена, содержащие, каждое по меньшей мере одну из вышеупомянутых сем: *dale* — *valley* (in poetry); *dell* — small *valley* usually with trees; *dingle* — a narrow *dale* or *dell*; *glen* — a secluded and narrow *valley*, a narrow depression between mountains or hills; *cove* — a strip of prairie extending in to woodland; also, a recess or small *valley* in the side of a mountain, or between mountains; *strath* — a river *valley* of considerable size.

Анализ дефиниций позволяет выявить (топографически) границы семантического пространства и сопоставить схожие лексико-семантические группы слов, обозначающих такой определенный "кусочек" предметного мира в разных языках. Возьмем, например, группу, включающую русские наименования, обозначающие различные (естественные) углубления в земной поверхности⁶: *ложбина* — неглубокий *овраг* с пологими склонами; *лощина* — *овраг* с пологими склонами; *балка* — *ложбина*, образованная талыми и дождевыми водами, *длинный овраг* с пологими склонами, поросшими травой, кустарниками, деревьями; *овраг* — *глубокая длинная впадина* на поверхности земли, образованная действием дождевых и талых вод; *долина* — *ровное пространство* вдоль речного русла, *удлиненная впадина* между гор или холмистой местности; *равнина* — *ровная без гор, больших лесов и холмов земная поверхность*.

При сопоставлении членов ЛСГ по их семному составу эта, казалось бы семантически осознаваемая как единая, группа наименований, обозначающих топографию земной поверхности, оказывается далеко неомогенной: имена *долина*, *равнина* объединяются по семе "ровное пространство", но различаются тем, что первое определяется как "удлиненная впадина, углубление" на холмистой поверхности земли, второе называет участок "ровной земной поверхности". Четко отграничиваются в этой ЛСГ по семному составу слова: *балка*, *овраг*, *ложбина*, *лощина*, ибо они объединяются по семам "овраг, впадина с пологими склонами", "поросшими/не поросшими травой или лесом". Иногда в эту ЛСГ включают при описании поверхности земли слова *прогалина* и *просека*, обозначающие "свободные от деревьев места", образовавшиеся естественно или искусственно (очищение просеки), что едва ли верно. В результате определения и сопоставления логико-предметного содержания (по семному составу) слов — членов лексико-семантических групп, обозначающих, вернее, расчленяющих определенный "кусочек" физического, природного мира ("ровное, углубленное по сравнению с окружающей его гористой или холмистой местностью пространство, образованное дождевыми, речными или талыми водами на поверхности земли") лексическими средствами английского и русского языков, можно заключить:

⁶ Описание членов ЛСГ осуществлено на основе [СРЯ, 1981–1984].

1. Имена естественных родов, как обладающие сугубо денотативным типом значения, выполняют фактически функцию технического средства, в нашем примере — средства топографического картирования местности.

2. Структуризация группировок таких имен осуществляется по типу фреймов и регулируется исключительно закономерностями и реальностью предметного мира. В таких предметных группировках слова больше, чем в любых других, выполняют роль метки.

3. Имена естественных родов и артефактов представляют собой тот общий фонд в лексике конкретных языков, который можно охарактеризовать как сферу примарной лексики [Филлмор, 1983], менее всего составляющий своеобразие языковой картины мира в силу общности обозначаемого ею предметного ряда.

[В каждом языке из числа имен лиц и артефактов выделяется особая с точки зрения семантики группа предметных имен, называемых номинальными классами. Такие имена и соответствующие им номинаты создаются языковым определением. Подобно номинальным семантическим определениям, в которых указание на значение осуществляется через созданный термин [Кондаков, 1971, 339], предмет обозначения создается путем приписывания естественным объектам какого-либо, часто оценочно-прагматического, признака. Иначе говоря, номинальные классы — это имена, обозначающие область прагматически полезных вещей и "подарков", класс гениальных и умственно ущербных лиц, военных и штатских, мир добродетелей и пороков. За такими именами не стоит ни физическая, ни биологическая, никакая другая субстанциональная сущность; их формирование регулируется социальной реальностью, мировоззрением, нормами человеческой этики и эстетики. Номинальные классы, имена и их номинаты, представляют собой собственно человеческое творение, манифестируя как нельзя лучше проявление человеческого фактора в языке. Обозначая всевозможные понятия, оценки и ракурсы прагматического восприятия мира, такие имена не референтны, они обладают сигнификативным типом семантики и в большей степени, чем другие разряды конкретных имен, выражают страноведческие и номинальные различия]

Что касается семантических разрядов IV, V, VI (см. таблицу), то они отличаются в основном лишь типом денотата, который представляет собой совокупное множество.

[Особую по характеру семантики лексическую сферу представляет собой оценочная лексика любого языка. «Оценка, очевидно, является универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о "хорошо/плохо"»] [Вольф, 1985, 9].

Языковой особенностью этого слоя лексики является то, что наиболее часто употребляемыми и предназначенными для оценки словами являются прилагательные и наречия. Примечательно то, что «аксиологический оператор имеет два значения "+" и "-" ("хорошо" и "плохо")», [там же], причем выраженные соответствующими наречиями. Оценка, по мнению Е.М. Вольф, относится к интенциональному аспекту языка, "где преломление картины мира в сознании говорящего осложняется целым рядом факторов" [там же].

[Оценочная лексика в любом языке негомощенна, она варьируется по

области, цели и форме оценки. Оценочные слова, подобно номинальным классам, создают субъективное видение мира, формируя и обозначая в целом ценностную картину мира: оценку предметов по их утилитарности (полезный/вредный), по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива (вежливый/грубый, красивый/безобразный)⁷.

Оценочная лексика способствует выражению чувств, реакций, эмоциональной жизни человека в целом. "Чувства, эмоциональная жизнь есть своеобразная форма отражения действительности, в которой выражается субъективное отношение человека к миру" [Якобсон, 1958, 24]. При примарном наименовании слов, как и при образовании высказываний, основные константы оценки модальной рамки — отношение между субъектом и объектом оценки — находят соответствующее выражение в лексике. Так, степень заинтересованности субъекта оценки приравнивается к категории аффективности и выражается в языках несколькими способами:

1) междометными словами (как основным типом аффективной лексики), ср. выражение радости (*Ah! Dear me! Hurrah!*), презрения (*Humph! Pah! Poof!* etc), отвращения (*Fie! Pshaw! Ugh! Gad!*) и т.п. в английском языке⁸;

2) субъектно-объектной конструкцией оценки. Необходимым условием в этом случае является наличие в языке предикатов, вводящих оценочные конструкции, ср. англ. *It seems to me...; I consider...; I think...; I suppose... и др.*;

3) словами-интенсификаторами, которые утрачивают собственно назывное (вещественное) значение и используются в языке в целях усиления того или другого признака по шкале оценки, ср. *very* 'очень', *extremely* 'чрезвычайно', *exceedingly* 'чрезмерно', *awfully* 'ужасно', 'очень' и т.п.

[Необходимо отметить, что номинальные классы, оценочная лексика, аффективные слова и всевозможные лексически выраженные интенсификаторы, будучи универсальными по назначению, представляют собой ту лексику, которая в каждом конкретном языке создает своеобразное преломление общей картины мира.] Каждый из упомянутых разрядов имен реализует такие возможности по-своему. Конкретная лексика (имена животных, растений, частей человеческого тела и т.п.) образует на основе своих примарных значений вторичные семантические значимости, обуславливающие особое мировидение⁹.

В лексике, называющей географические, астрономические и прочие природные явления и реалии и обладающей сугубо денотативным значением, форма словесного знака выполняет чисто техническую роль их обозначения, не внося никакого нового аспекта видения мира. В экспрессивной, эмотивной и оценочной лексике форма словесного знака, его

⁷ См. подробнее о группах оценочных слов [Вольф, 1985, 27].

⁸ В работе В. Циммера "Междометия в новоанглийском языке" приведен их список, который включает 195 междометий, выражающих разные эмоциональные реакции и состояния [Zimmer, 1951].

⁹ См. раздел "Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира" настоящего издания.

примарное вещественное значение выполняют роль мотива вновь образующегося метафорического или интенсифицирующего значения слова. Отношение прямого значения (как предшествующего) и вновь образованного значения (как последующего) служит внутренней формой последнего. Мы уже упоминали, что под языковой картиной мира подразумеваются два разных представления о мире, выражаемых средствами грамматической и лексической семантики: первая способствует становлению интегральной, вторая — дифференциальной языковой картины мира.

Общая, интегральная, картина есть совокупность содержания, выраженного вербально, первичными наименованиями, основывающимися на наивном представлении о мире; это — относительно постоянная, медленно изменяющаяся во времени картина мира, представляющая собой результат семантического картирования (*semantic mapping*), итог первичного знакообразования, фиксирующий общий, или первичный (базисный), словарь каждого конкретного языка. Конечно, такие слова, составляющие ядро лексики любого языка, указывают (как метки) на степень детализации предметных сфер при первичном знакообразовании; они различны по степени мотивации и специализации, по степени разложимости и характеру выраженности (лексическими, морфологическими, синтаксическими или смешанными языковыми средствами) логико-предметного содержания в данном языке. Так, различные виды ходьбы (походка) в русском языке обозначаются, как правило, аналитически, вернее, в синтагматическом ряду сочетанием глаголов движения с обстоятельствами способа, манеры глагольного действия: *ходить пешком, ходить вприпрыжку, ходить вразвалку, ходить размашисто, идти важно, выступать как..., идти, шатаясь, идти, волоча ноги* и т.п.¹⁰

В английском языке эти семантические признаки включены в наименование глагольного действия: *to walk* 'ходить пешком', *to stride* 'шагать большими шагами', *to waddle* 'идти вразвалку', *to trudge* 'идти с трудом', 'тащиться', *to plod* 'идти, волоча ноги', *to strut* 'ходить с напыщенным видом', *to swagger* 'расхаживать с важным видом', *to trip* 'идти легко, быстро' и т.п.

Сопоставим еще одну ЛСГ "резание" в английском и русском языках, в которых первичное наименование действия резания выражено по-разному, однако это не создает особого видения мира.

В глагольные английские наименования разных видов резания включается не только именуемый признак действия, а также:

1) вид инструмента, которым действие совершается: *to snip* 'резать (ножницами)', *to chop* 'резать (ножом)', *to slash* 'рубить (резать саблей)', *to shave* 'бриться (срезать бритвой)', *to snap* 'откусывать (о животном, резать зубами)';

2) объект действия: *to saw* 'пилить (дерево, металл)', *to mash* 'резать (мясо)', *to cleave* 1. 'раскалывать (дерево, землю)', 2. 'рассекать (воду веслом, воздух)', *to mangle* 'кромсать (текст, цитату)';

3) результат, способ действия: *to slit* 'прорезать щель', *to splint* 'щепать (лучину, щепу)', *to slice* 'резать тонкими пластинками', *to gash* 'нанести

¹⁰ Ср. как исключение русский глагол *семенить* — 'идти мелкими, частыми шагами' [СРЯ, 1984, т. 4, 74].

глубокую рану', *to hack* 'резать неумело', *to hagggle* 'кромсать как попало', *to hew* 'разрубать пополам, на две части', *to crunch* 'грызть с хрустом', *to nibble* 'обгрызать, глодать (зубами)'.

Мы специально привели детальное описание глагольных наименований в английском и русском языках, чтобы показать имеющуюся между ними разницу в форме воплощения языковыми средствами компонентов сложного понятия: включение в наименование действия сопутствующих ему семантических признаков — "имплимент действия", "способ и результат действия" и даже "объект действия". Для типологического изучения и сравнения, очевидно, эта черта играет определенную роль, но она совершенно не релевантна для уровня, на котором формируется дифференциальная картина мира, т.е. представление о мире, объективированное данным языком в отличие от другого.

Определению языковой картины мира должно предшествовать типологическое изучение лексики, которое призвано исследовать наиболее существенные структурные признаки и тенденции формирования лексико-семантической системы, т.е. последовательно разграничивать синхронную систему элементов языка и их взаимодействие, с одной стороны, и диахронические процессы, совершающиеся в языке на протяжении всей истории, — с другой.)

В лексике разграничиваются: 1) лексическая и лексематическая система как система номинативных единиц, структура вокабуляра; 2) лексико-семантическая система (семантическая структура языка) как сложное взаимодействие лексического и грамматического аспектов языка, детерминирующее характер семантической структуры и типы системных контекстов, конкретизирующих внутрисловное разграничение лексической семантики, взаимосвязь лексического и грамматического, предопределяющая типы смысловых отношений слов в парадигматике, характер их лексических связей в синтагматике.

Различие в словарном составе языка с точки зрения лексической членимости — факт немаловажный, но далеко не единственный. Важно определить структуру вокабуляра в разных аспектах: 1) по характеру знакового значения и форме использования слов (класс характеризующих, индивидуализирующих, квантитативных, дейктических, заместительных, связочных слов, знаков-актуализаторов); 2) по степени абстракции и характеру образования слов (конкретные имена природных явлений, естественных родов, артефактов; абстрактные имена научных понятий (термины), имена событий, номинальные классы, оценочная, эмотивная лексика и слова-интенсификаторы); 3) по распределению слов по лексико-грамматическим разрядам, по частям речи, что предопределяет типологизацию и категоризацию слов, виды их мотивированности и степень их терминологизации.

ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ЛЕКСИКИ

До сих пор речь шла о лексике как системе средств, связанных с предметами и явлениями материального мира, с историей общества, системе номинативных единиц, которая не только служит потребностям языкового общения, но и является своеобразной формой закрепления и переда-

чи общественно-познавательного опыта от поколения к поколению.

Лексическая система прежде всего и больше всего обусловлена категориями материального мира и социальными факторами. В системе лексики перекрещиваются и сосуществуют различные лексико-грамматические классы, семантические и функциональные разряды слов. Критерии отграничения подобных микросистем могут быть как экстралингвистическими (предметные сферы и объекты материального мира, источник происхождения слов, социальная и временная, географическая общность реальных, ими обозначаемых), так и чисто языковыми (классификация слов по частям речи, по функциональным сферам и т.п.). К числу типичных лексических микросистем относятся: терминологические, топонимические, этимологические и стилистические.

Отличительные свойства лексики конкретных языков находят свое выражение в лексико-семантической системе каждого языка: в средствах и результатах расчленения лексического значения слов, в многообразных связях и зависимостях, в которых находятся слова любого языка, в каждый исторический период его развития. Лексико-семантическая система имеет специфическую природу: основной ее единицей является слово в лексико-семантических связях по трем осям структурной организации слова — парадигматической, синтагматической и эпидигматической. В отличие от лексической системы как совокупности номинативных средств лексико-семантическая система представляет собой синтез, результат сложного взаимодействия слов с элементами и категориями других уровней языковой структуры — с морфологией и синтаксисом. «Слово, как смысловая единица языка, отражающая тот или иной "кусочек" действительности, вместе с тем выражает его общественное понимание и является элементом данной лексико-семантической системы языка» [Виноградов, 1953, 18]. Лексико-семантическая система больше, чем любая другая, обеспечивает функционирование языка как средства общения и орудия познания.

Основной конститутивной единицей лексико-семантического уровня является слово, а главной чертой этой системы — факт и результат взаимодействия лексического и грамматического в границах слова. Наиболее четко это взаимодействие проявляется в разных типах смысловых структур слов, относящихся к разным семантическим разрядам. Смысловая структура определяется как результат исторического изменения семантики слова (так называемая семантическая производность слова), представляющая собой в каждый исторический период иерархическую структуру отдельных словозначений, или лексико-семантических вариантов. Основная сфера взаимодействия грамматического и лексического в слове представлена способами и средствами внутрисловного разграничения лексической семантики, формирующими разные виды полисемии, типовые контексты развертывания семантики слов, обуславливающих степень большей или меньшей контекстуальной зависимости словозначений и лексико-семантических вариантов слова в системе языка. Так, для английского языка как сугубо "лексикологического" формальное неразграничение, совмещение в слове одновременно переходных и непереходных значений породило особый, очень широкий по объему, тип полисемии, конкретизация границ наименьших смысловых единиц осуществляется синтагматическими единицами,

минимальными и многословными синтагмами в линейном ряду. В силу этого в смысловой структуре глаголов английского языка типа *get* 'получать', *take* 'брать', *break* 'ломать', т.е. у глаголов с так называемой широкой семантикой [Амосова, 1963], насчитываются десятки словозначений, ориентированных как на сферу субъекта, так и на сферу объекта глагольного действия. В русском языке ориентация на сферу субъекта или объекта глагольного действия осуществляется морфологически – внутренней или внешней флексией типа: *синить, сделать синим и синеться, казаться синим; белить, делать белым и белеться, казаться белым*. В немецком языке смысловой объем глаголов, как правило, уже, чем у английских глаголов.

Может быть, семантический рисунок полисемии слов не влияет непосредственно на восприятие и своеобразие представления общей картины мира, как она формируется средствами данного конкретного языка. Тем не менее именно рисунок логических связей различных предметов и их взаимоотношений в реальной действительности отражается в значении слов и детерминирует образование различных ассоциаций, возможных путей и мотивов вторичных и косвенных номинаций. Это позволяет хранить семантическую информацию незнаковым способом, т.е. не в виде знакового значения слова, а путем создания различных ассоциаций, смыслов и художественных образов, запечатленных в косвенных наименованиях.

Связь лексического и грамматического в слове, мера лексического и грамматического в системе языка составляет основной отличительный признак лексико-семантического уровня языка. Вторым признаком, конституирующим языковую картину мира лексическими средствами, являются различные парадигматические группировки слов, называемые недифференцированно "семантическими полями". Общеизвестно, что понятие "семантическое поле" было введено в научный обиход последователем В. Гумбольдта Йостом Триром в 20–30-е годы нашего века. Как антитеза традиционной западноевропейской семасиологии конца XIX – начала XX в. идея исследования понятийного содержания языка через лексику и грамматику была новой, так как задача подобного исследования сводилась к выяснению особенностей и форм языкового мышления носителей языка.

Й. Трир понимал под семантическим полем структуру определенной понятийной сферы или круга понятий, как они присутствуют в языковом сознании данной языковой общности; такое понятийное поле не имеет в языке соответствующей ему внешней формы выражения. Трир ошибочно, на наш взгляд, постулировал основные свойства семантического поля:

- 1) строго определенные и постоянные границы семантических полей;
- 2) определение лексического значения слова только через целое понятийное поле, игнорируя предметную и понятийную соотнесенность слова;
- 3) строгое соответствие полей словесных знаков понятийным полям;
- 4) непрерывный (*lückenlos*) характер словесных полей в том отношении, как они покрывают понятийные поля.

Новый этап разработки понятия поля и структуриации словарного состава языков по семантическим полям можно соотнести с появлением работ Ю.Н. Караулова [1976₁; 1976₂: 1981], который с учетом достижений современного теоретического языкознания, в связи с разработкой принципов словаростроения и отвечая на запросы прикладной лингвистики, дал

новое понимание семантического поля, выдвинув новые принципы структурирования лексики в идеологическом словаре.

Традиционно под понятие "поле" подводится "совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определенную область человеческого опыта" [Ахманова, 1966, 334]. Данное определение не проводит различий между языковой и концептуальной моделями мира, принятых в современной философской и лингвистической советской литературе. Концептуальной модели мира свойственна системность, упорядоченность; в ней главную роль выполняют научные представления и идеология. (Например, на словарь Х. Касареса [Casares, 1951] оказало влияние религиозное миропонимание, видение мира, а в принципах построения тезауруса Р. Халлигом и В. Вартбургом [Hallig, Wartburg, 1952] нашло отражение научное представление внешнего мира.) Языковая модель мира должна быть организована по законам языка, а концептуальная модель мира — по законам физического мира, и тем не менее они сопрягаются. Логический и собственно языковой анализ принципов структуризации словарного состава языка в идеологических словарях показывает, что самые крупные рубрики (парцеллы, по терминологии Ю. Н. Караулова) соответствуют естественному членению физического мира: "органический/неорганический", "растительный/животный", "человек/животное" и т. н. В силу этого одни словари основываются на априорно-логических, другие — на логико-лексических схемах. На взаимосвязь этих двух моделей мира указывал Ю. С. Степанов [1977, 311], предостерегая, однако, от подмены одной модели другой: "Нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка".

Соответственно факту соотнесенности двух видов моделей мира — концептуальной и языковой — необходимо выделить: 1) понятийные (концептуальные) поля, представляющие собой круг, сферу понятийного содержания, детерминированного логикой предметного мира и логикой человеческого мышления; это — знание предметного мира; 2) семантические поля — лексико-семантические группировки (парадигмы), структуры конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия; это — знание языка, слов и их значений; 3) ассоциативные поля, разнообразные по характеру связи слов по смыслу, варьирующиеся от индивида к индивиду, от одной языковой общности к другой. В реальном функционировании и восприятии языка эти три изоморфных вида полей взаимодействуют то как содержание и форма его выражения, то как причина и ее следствие, то как инвариантное (общее) и варьирующееся (индивидуальное) и т. п.; это — знание системных и асистемных связей слов.

Отображенная в лексических единицах — словах и словосочетаниях — абстракция представляет собой "отсроченное" мышление, вербально выраженное знание внешнего мира. Если считать словарный состав языка абстракцией, виртуальной лексикой, в которой закреплено "отсроченное" мышление, то любой словарь актуален по сравнению со всем словарным богатством языка; если текст рассматривать как актуальный язык, то словарь по сравнению с ним виртуален. "В сложном процессе моделирования объективной реальности в нашем сознании переплетаются две ее картины — концептуальная (логическая) и словесная (языковая). Логическая модель

является инвариантной для всех людей и независимой от языка, на котором люди мыслят и общаются. Языковая модель варьирует от языка к языку" [Брутян, 1979, 235]. При этом Г.А. Брутян высказывает очень важную мысль о том, что "через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира. Эти модели выступают как побочный источник познания, осмысления реальности и дополняют нашу общую картину знаний, корректируют ее" [там же, 228].

Итак, каковы составляющие языковой и концептуальной моделей мира? Приблизительный ответ на этот вопрос дает Ю.Н. Караулов: "И та и другая модель восходит к одному источнику, складываясь из структуры словаря, увязанной с ней и растворенной в ней грамматики и идеологии, помогающей установить зависимость между разрозненными элементами и воссоздать целостную картину" [Караулов, 1976₁, 274].

Основным содержательным элементом языковой модели мира, по Ю.Н. Караулову, является семантическое поле, а единицами концептуальной модели мира — константы сознания. Концептуальная модель мира содержит информацию, представленную в понятиях, а в основе языковой модели мира лежат знания, закрепленные в семантических категориях, семантических полях, составленных из слов и словосочетаний, по-разному структурированных в границах этого поля того или другого конкретного языка.

Обычно под семантическим полем понимают тесно связанный по смыслу отрезок словаря. Семантическое поле, идиоматичное по характеру смысловых связей между словами, в него входящими, как правило, детерминировано исторически, обусловлено социально и одновременно в определенной мере варьируется от индивида к индивиду. В противоположность Й. Триру, приписывавшему семантическому полю строго определенные и неизменяющиеся границы, Ю.Н. Караулов обосновал размытость, неопределенность границ семантического поля, обусловленную онтологически — избыточностью поля и "необратимостью" членов этой иерархически организованной микросистемы слов и ее ядра. Если поле является способом отображения и хранения определенных знаний, информации, то необходимо уточнить, какие виды полей существуют. Парадигматические группировки слов, реально существующих в каждом конкретном языке, складываются по разным основаниям, по общности понятийной или предметной сфер, по наличию ассоциативных или закрепленных языковыми средствами семантических связей и т.д. Термин "семантическое поле" в последнее время употребляется настолько широко, что требует уточнения. Уточнил понятие семантического поля Ч. Филлмор [1983], который предложил целый набор типизированных структур семантических полей.

1. Простейшим типом структур семантических полей Ч. Филлмор считает "контрастивные множества", под которые он подвел антонимические пары слов типа *tall/short*, *dead/alive*. Подобные группировки многочисленны и представляют собой логические оппозиции признаков по контрасту; они складываются естественно — по логике вещей и человеческого мышления.

2. Другим типом структурной организации семантического поля является "таксономия" — набор слов, связанных друг с другом отношением иерархии (*superordination*). Это — родовидовые отношения слов, где родовое слово выступает гиперонимом по отношению к видовым, являющимся

в свою очередь гипонимами по отношению к первому, например *мебель: стол, стул* и т.п. Это наиболее типичная структуризация лексических группировок слов.

3. Менее распространенной структурой семантических полей является так называемая "партонимия", основанная на логических отношениях "часть — целое". Типичные семантические группировки организованной по этому типу структуры — группы "части тела", "части суток" и т.п.

4. "Парадигма" — это группа слов, имеющих один общий семантический признак и различающиеся друг от друга признаки, что способствует различению слов. Особенностью парадигмы является то, что общий признак образует парадигму в том случае, если он объединяет целую серию слов. Например, такой универсальный семантический признак, как "пол", образует широкие парадигмы: *girl/boy, man/woman, actor/actress* и т.п. Отличие, которое можно установить в вещественном значении слов, как например, *horse — cow, wolf — fox*, не образует парадигмы.

5 и 6 типы структур, распространенные не очень широко, представлены "циклами" и "цепочками". Под циклическую структуру подпадают имена времен года, месяцев, дней недели и т.д. Цепочечные структуры, как правило, манифестируют "воинские звания".

7. "Сеть" — вид структурной организации семантической группировки слов, в основе которой лежат несколько признаков, формирующих разные уровни отношений. Это прежде всего структуризация микросистемы антропонимов в целом, семантическое поле "родства" и т.п.

8. Последний тип структуры семантических группировок слов — "фреймы" (frames). Они объединяются определенной тематической ситуацией, "кусочком действительности", например ситуация "купля — продажа"; "защита диссертации" и т.п. Описанию фреймов предшествует предварительная детализация соответствующей концептуальной схемы.

В заключение следует отметить:

1. Конкретная лексика, представленная в любом языке предметными именами, обозначающими все разнообразие предметного мира, включает в свою семантику информацию, находящуюся в "первом эшелоне" человеческих предметных знаний; тем не менее на уровне отдельных наименований конкретная лексика не формирует особого видения мира, она, скорее, фотографирует предметный мир.

2. Семантические поля, или лексико-семантические группы, обладая неопределенностью и открытостью своих границ, тем не менее, как правило, имеют определенное имя. Языки отличаются лишь глубиной таксономии. Дифференциация лексики по семиологическим классам и подклассам, по семантическим разрядам и полям является универсальным способом структурирования лексического состава.

3. Особое видение мира создают такие лексические (семантические) ряды слов, как номинальные классы, экспрессивная и модальная лексика, различные интенсификаторы и сочетания слов, формирующие ценностную картину мира. Принято считать, что особое видение мира создают так называемые незнакомые способы существования смыслов: создание познавательных образов с помощью различных метафорических средств и косвенных наименований.

РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Намечая области исследования, связанные с обсуждением темы "Картина мира в ее представлении словообразовательными средствами" или – коротче "Картина мира и словообразование", мы считаем целесообразным, предваряя само исследование, оговорить его исходные теоретические установки. Ведь сама постановка проблем, относящихся к обсуждению роли словообразования и словообразовательных явлений в создании языковой картины мира, возможна лишь в том случае, когда существование определенной картины мира в голове человека вообще считается неоспоримым фактом, а связь ее с языком – не вызывающей никакого сомнения. Но в каком смысле утверждается наличие некоторой модели мира у человека? Какой представляется указанная связь между этой моделью и языком? Без ответа на эти вопросы никакое исследование роли и значимости производной лексики в лексиконе, конечно, невозможно, и хотя в Предисловии ко всему изданию уже содержатся разъяснения по поводу понятий "картина мира" и "языковая картина мира" и даны общие теоретические принципы исследования, здесь нам кажется необходимым вернуться еще раз к обсуждению их отправных моментов. Это позволит в конечном счете не только конкретизировать некоторые исходные положения развиваемой концепции, но и обосновать выбор объектов и самого предмета анализа в настоящей работе.

На первый план по своей значимости здесь выдвигается вопрос о том, в каком именно виде и в каком субстрате отражен мир в голове человека, а значит, и какое содержание вкладываем мы в понятие модели мира, складывающееся у человека по мере познания им окружающей его действительности. Для лингвиста этот вопрос сразу же приобретает еще более определенный характер: как, в чем именно и до какой степени связана картина отраженного в голове человека мира с языковыми данными и можно ли поставить знак равенства между картиной мира как таковой и собственно языковой картиной мира? По нашему глубокому убеждению, такого знака равенства поставить нельзя. Сумма значений и представлений о мире, упорядоченная в голове человека по самым разным основаниям и объединенная в известную интегральную систему, – а это и можно считать моделью мира, или картиной мира, – организуется прежде всего в некую концептуальную систему. Субстрат такой системы – концепты, образы, представления, известные схемы действия и поведения и т.п., некие идеальные сущности, не всегда связанные напрямую с вербальным кодом.

Картина мира — то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, — феномен более сложный, чем языковая картина мира, т.е. та часть концептуального мира человека, которая имеет "привязку" к языку и преломлена через языковые формы. Не все, воспринятое и познанное человеком, не все, прошедшее и проходящее через разные органы чувств и поступающее извне по разным каналам в голову человека, имеет или приобретает вербальную форму. Не все отражается с помощью языка и не вся информация, поступающая извне, должна быть пропущена через языковые формы. Соответственно можно полагать, что концептуальная система — это динамическое образование в сознании человека, служащее обработке информации о мире и одновременно накапливающее эту информацию в обобщенном виде, — сложнее по своему субстрату и своему устройству, нежели система значений известных человеку языковых единиц. Основу концептуальной системы создает вся чувственная, вся предметно-познавательная деятельность человека, поэтому рефлексы этой деятельности в мозгу человека носят, на наш взгляд, достаточно разнообразный характер, во всяком случае не только вербальный. Поэтому преувеличивать значимость знания языковых форм, особенно отдельных единиц номинации, по-видимому, не следует.

Сказанным мы отнюдь не умаляем роли языка — ведь мы стремимся выяснить объективное соотношение языковой и неязыковой моделей мира, между которыми хотя мы и не видим одно-однозначного соответствия, усматриваем тем не менее самые тесные и самые глубокие связи. Настоящий раздел и мыслится прежде всего как устанавливающий разные типы подобной связи и описывающий их конкретные проявления.

Самый привычный и в то же время наиболее совершенный тип мышления связан с языком; самым сложным видом человеческой деятельности является речемыслительная. Мысль, чтобы стать достоянием другого, должна объективироваться, получить некую овеществленную форму. Возможности "материализации" мысли в принципе разнообразны — это и орудия труда, и инструменты познания, и произведения искусства, и разнообразные артефакты. Для целей коммуникации, однако, неоспоримо наибольшую ценность представляет язык. Чтобы быть адекватно понятым и передать информацию о мире, человек облекает свою мысль в словесные конвенциональные формы. Свойством общепонятности и общепереводимости с одного языка на другой обладает в первую очередь сам человеческий язык. Ему нет равного среди других форм человеческого общения. В простой картине мира и в научной картине мира роль языковых средств соответственно не должна ни недооцениваться, ни переоцениваться. В разнособстратном, гетерогенном и гетерохронном образе мира мы и должны попытаться вычлениить, выделить и охарактеризовать то, что в нем связано с языком или даже продиктовано или обусловлено его строением и организацией. Именно поэтому мы считаем не только возможным, но и весьма целесообразным описать, какие стороны, черты, свойства и особенности образа мира в сознании человека обусловлены существованием языка (какая часть сведений о мире и установок по его восприятию и познанию имеет своим субстратом языковые формы.)

Иногда утверждают: "Взятое в своей совокупности, все концептуальное содержание данного языка и составляет картину мира (une représentation

tion du monde), репрезентацию всей действительности" [Larochette, 1973, 177-178]. Но картину мира составляют как раз не только: а) значения, облеченные в готовую (фиксированную) языковую форму, но и б) значения, извлекаемые из языковых форм и затем абстрагированные на этой основе. Эти значения составляют фундамент языковой картины мира, которая, в свою очередь, существует как часть общей (глобальной) концептуальной картины мира, состоящей из образов, представлений, понятий, установок и оценок — концептов, — и которая складывается как в самой предметной и познавательной деятельности человека, так и в ходе ознакомления человека со всеми многочисленными описаниями мира, предлагаемыми ему другими людьми в виде разнообразных речевых произведений, т.е. письменных и устных текстов.

Использование в настоящей работе термина "концепт" вместо более привычного "понятие" далеко не случайно и отражает попытку разграничить их. Мы полагаем, что указанные термины характеризуют разные аспекты человеческого сознания и мышления. В то время как *п о н я т и е* является для нас, согласно учению классиков марксизма-ленинизма, высшим продуктом деятельности мозга, одной из важнейших разновидностей отражения объективной действительности, реализуемой к тому же в определенной логической форме и т.п., *к о н ц е п т* мы трактуем расширительно, подводя под это обозначение разносубстратные единицы оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия. В своей совокупности все такие концепты объединяются в единую систему, называемую нами "концептуальной системой" или же "концептуальной моделью мира".

По словам акад. Б.А.Серебренникова, представление о прекращении действия или, напротив, о его начале существует независимо от того, имеют ли эти концепты специальные наименования в языке говорящего. Да и сами средства такого обозначения могут быть весьма различными — лексическими, грамматическими и т.д. В настоящем разделе рассматриваются, естественно, те концепты, которые получают в языке обозначения с помощью специальных словообразовательных средств.

Рассуждая об истинности предложений типа "Я встретил единорога", т.е. предложений, содержащих безденотатное обозначение, Б. Рассел замечает, что в его состав входит то, "что можно было бы назвать концептом", и разъясняет далее, что "нигде, даже в мире теней, не существует ничего, что бы соответствовало этому имени" [Рассел, 1982, 42]. Но такому имени, как *единорог*, соответствует концепт, создаваемый языковым описанием. Именно в этом качестве — как концепт — и существует нечто в нашем сознании, связываемое со словом *единорог*. Из этого следует, что концепты различаются по способу их существования в сознании и по разным привязкам их к языковым выражениям — именам, дескрипциям и т.д.

Из сказанного следует, что концепты, хотя они тоже имеют в конечном счете некое материальное основание, носят идеальный характер, это абстракции довольно высокого уровня и значительной степени обобщенности. Единицы же языковой картины мира, как члены семиотической, знаковой системы, двуплановы, двусторонни, объединяют известные значения с "телами" знаков. Именно поэтому при анализе языковой картины

мира мы связаны с установлением не только абстрагированного с о д е р ж а н и я языковых форм, но и конвенциональных способов их в ы р а ж е н и я. Несмотря на возможность разведения понятий концептуальной картины мира и собственно языковой картины мира [ср. также: Павилёнис, 1983], нельзя отрицать и области их существенного пересечения и наложения, а также их постоянного взаимодействия и взаимообогащения.

В возникновении подобного взаимодействия роль его импульса играет первоначально именно концептуальная система. "Еще до знакомства с языком, — пишет Р.И. Павилёнис, — человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания ... Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире. Построение такой системы до усвоения языка есть невербальный этап ее образования" [там же, 101].

По-видимому, и дальше, хотя с развитием языковой способности у человека и с усвоением им языка концептуальная система преобразуется и перестраивается, обогащаясь, в самой концептуальной системе накапливаются не только сведения, полученные вербальным путем или же подвергнутые в опыте человека вербальной обработке. Концептуальная система продолжает по-прежнему видоизменяться, испытывая влияние как со стороны осуществляемой человеком деятельности и чувственного восприятия мира, так и со стороны информации, полученной через язык. Важно, что в концептуальной системе органически объединяются знания, полученные как чисто вербальным путем, так и невербальным, т.е. в ходе приобретения невербального по своей сути опыта. Такое органическое сплетение концептов, имеющих языковое основание, с концептами иной природы делает дифференциацию или противопоставление концептуальной и языковой моделей мира сложной задачей. Трудным становится и само выделение собственно языковой картины мира как чего-то отдельного от научной картины мира или же "наивной", но глобальной картины мира в целом.

И все же в научном анализе такое обособление в принципе возможно, когда проблема соотношения языковой и неязыковой картин мира формулируется как проблема определения той части картины мира вообще, которая о п о с р е д о в а н а я з ы к о в ы м и з н а к а м и или даже — шире — знанием языка, его единиц и правил и, главное, с о д е р ж а н и е м его ф о р м.

Мысли о разграничении "концептуальной модели мира" (КММ) и "языковой модели мира" (ЯММ) уже развивались не только в советской философии, но и в советской лингвистике. Так, например, Г.А. Брутян высказывал идею о том, что несовпадение указанных моделей приводит к появлению неких участков з а п р е д е л а м и КММ. В этих участках якобы сосредоточены "носители дополнительной информации о мире", причем содержащаяся здесь информация, входя в ЯММ, варьируется от языка к языку [Брутян, 1973]. Мы придерживаемся, однако, иной точки зрения. Как только носителями определенного языка получена "дополнительная информация о мире" и в распоряжение говорящих попадает (через значения зафиксированных в лексиконе слов или оборотов) некий

круг сведений об объектах мира или о его членении, рефлексы этих сведений пополняют концептуальную систему говорящих на данном языке. Какой именно частью данной системы — входящей в ее ядро или в ее периферию — станет указанный круг сведений, зависит не от языка, а от онтологической сущности обозначенного и его прагматической ценности. В этом смысле за пределами КММ не может остаться то, на что уже была направлена мысль человека в акте номинации, и то, что уже зафиксировано в виде апробированного обществом конвенционального знака.

Для нас, скорее, КММ шире и богаче ЯММ, и потому, определяя сферы их соприкосновения, мы изобразим сферу ЯММ как подчиненную КММ. Более того, мы полагаем, что внутри КММ выделяются области, более или менее подверженные языковому влиянию или же связанные с языком и с использованием вербального опыта. В целом можно было бы говорить, на наш взгляд, по крайней мере о существовании двух разных зон языкового воздействия внутри концептуальной картины мира (ККМ).

Существует одна зона (на рис. 1 она обозначена ЯКМ-1), где ККМ смыкается полностью с концептуально-языковой. Эта зона — зона непосредственного влияния языка на формирующиеся концепты и понятия, в которой и те и другие имеют конвенциональную языковую форму их выражения и в которой как отдельные концепты, так и их объединения по тому или иному признаку опосредованы их языковым обозначением (концепт или группа концептов как бы подводятся под определенные "тела" знаков, языковые формы).

В каком смысле можно говорить о влиянии языка в этой зоне? С одной стороны, в том, в каком вообще можно говорить о влиянии знаний и сведений, облеченных в языковую форму и имеющих в первую очередь вербальный, а не эмпирический характер. Ведь значительный объем информации приобретается нами через тексты и устные речевые произведения (лекции, выступления, беседы, сообщения и т.п.). Это любые описания мира — научные, художественные, фольклорные, отразившиеся на нашей концептуальной модели, но прошедшие перед этим вербальную обработку другими говорящими и потому приходящие к нам тоже в языковой форме.

С другой стороны, непосредственное влияние концептов, уже имеющих языковое обозначение, достаточно очевидно при наблюдении за ролью терминологических систем разных разделов науки. Появление новых понятий в научных дисциплинах и отраслях, уже обладающих достаточно упорядоченной терминологией, нередко сопровождается их номинацией по уже принятой схеме. Во-первых, такое понятие не останется необозначенным, а займет свое место в существующей системе терминов. Во-вторых, влияние языка скажется в облике термина, который, скорее всего, будет в акте номинации подогнан под имеющиеся словообразовательные образцы. Так, одно из первых названий синтетических тканей, *нейлон*, представляющее собой аббревиатуру из инициалов городов New York и London (*nylon*), послужило затем прототипом для многих обозначений тканей и даже привело к возникновению своеобразного суф. *-лон* или *-он*. Нельзя, наконец, исключить и возможность воздействия отдельных слов — отдельных обозначений ключевых понятий той или иной культуры, вызы-

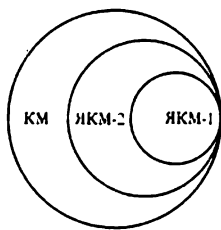
вающих своим появлением стойкие ассоциации и т.п. Интересной проблемой этого рода является вопрос о том, каковы прагматические свойства таких ключевых слов и какова их роль в массовой коммуникации.

Существует, однако, и другая зона (ее мы обозначаем ЯКМ-2, рис. 1), где влияние языка принимает иную форму, опосредованную не столько существующими языковыми знаками как таковыми (сколько абстракциями, сформированными на основе обобщения неких свойств этих знаков и анализа (сознательного и бессознательного) их поведения и функционирования. Таково, например, влияние языка, ощутимое при категоризации и членении мира, но проявляющееся не столько в использовании и комбинаторике наличных знаков языка, сколько в подведении нового опыта и обозначений для его отражения в концептуальной системе человека под привычные рубрики человеческой классификации.

Есть, наконец, в ККМ и третья, предельно высвобожденная от языкового влияния зона (рис. 1, зона ЯКМ-3), в которой концепты и другие абстракции приобретают невербальную форму, т.е. "мыслятся" в каком-то невербальном субстрате (образов, схем, стереотипов, представлений и т.д.).

[Мы разделяем мнение М. Бирвиша, который отмечал: нельзя сомневаться в том, что существуют некие единицы нашей мыслительной деятельности, некие концепты и операции, обладающие своей собственной – внутренней – формой их репрезентации; форма такой репрезентации, однако, далеко не всегда должна быть языковой [Bierwisch, 1983, 63–64] (Так, ориентация человека в пространстве и формирование пространственных структур в онтогенезе являют собой примеры концептуальных структур, не обязательно связанных с языком. В онтогенезе отчетливо выделяются периоды, когда концепты, относящиеся к передвижению объектов и самого ребенка в пространстве, уже начинают складываться задолго до того, как он овладевает системой предлогов, наречий и падежей, связанных с фиксацией пространственных отношений языковыми средствами.) Это можно представить схематически (рис. 1).

Рис. 1. Соотношение языковой и концептуальной картин мира

Языковая картина мира (ЯКМ) формируется за счет сосуществования двух указанных зон, и ясно, что лингвиста интересует прежде всего, можно ли отличить зоны прямого и опосредованного влияния языка на существующую и постоянно развивающуюся ККМ и разграничить понятия, существующие главным образом в привычной ассоциации с их языковой оболочкой, и абстракции, индуцированные формами языка или общей организацией языковых систем, но не имеющие прямых языковых корреляций и прямо соотносимые не столько с индивидуальными языковыми формами, сколько с "вытащенными" из них "общими знаменателями".

Для того чтобы обосновать такое разграничение, мы и обследуем по отдельности меру и характер воздействия грамматики, с одной стороны, и лексики — с другой¹, на картину мира, а также изучаем вопрос о роли первичной или вторичной номинации в этом процессе.

Наиболее очевидны и наглядны связи ККМ и ЯКМ в области лексики. Ведь язык соприкасается ближе всего с действительностью, давая обозначения отдельным ее фрагментам. Да и объективное членение действительности легче и продуктивнее всего изучать на материале лексики нескольких сравниваемых между собой языков. Такой анализ имеет к тому же и длительную традицию. Вместе с тем здесь остается много нерешенного.

Вопрос о том, насколько правомерно отождествлять картину мира со структурой словаря, да и вообще в какой мере и степени структура словаря отражает картину мира, находится по-прежнему в центре внимания исследователей. Подробное рассмотрение его в работах Ю.Н. Караулова и некоторых других советских исследователей позволяет утверждать, что единство отражаемого в сознании материального мира обуславливает отсутствие принципиальных различий в содержании, передаваемом средствами любого языка [Караулов, 1976, 258]. Вместе с тем проявляется сходство прежде всего относительно "набора абстракций высших уровней для разных языков" [там же, 27], из чего следует, что универсальность ЯКМ относительна и существует лишь до определенной глубины абстракции, причем, по мнению Ю.Н. Караулова, начинающиеся расхождения между языками заметны уже в строении семантических полей.

Поскольку мыслительные процессы протекают у всех людей одинаково по своей структуре, но нетождественно по своим конкретным результатам, ЯКМ отдельных языков могут, конечно, различаться своими деталями, и такое вполне реальное различие обнаруживает любой человек, сталкиваясь с лексическими системами разных языков. Возникает естественный вопрос: затрагивает ли такое различие основы построения ЯКМ?

"Конечно, — пишет Ю.Н. Караулов, — в том, чтобы считать каждое отдельное слово элементом картины мира, нет принципиальной ошибки", но подобная установка лишает исследователя возможности проникнуть в сущность формирования образа мира языковыми средствами, возможности моделировать картину мира как нечто более целостное, нежели простая совокупность слов отдельного языка, а значит, воссоздать картину мира как "удобнообозримое" и адекватное своему объекту целое [там же, 268–269].

Именно поэтому нас тоже интересует иное: изучая роль лексики в формировании картины мира и ставя вопрос о лексике производной, изучить область содержания концептуальной системы в зонах ЯКМ-1 и ЯКМ-2 (рис. 1), т.е. область, складывающуюся за счет обобщения и абстракций, полученных на основе усвоения производной лексики и ее "втягивания" в концептуальный мир человека, а следовательно, в ходе ее использования, создания и восприятия — в ходе оперирования ею при построении текста.

¹ См. раздел "Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира" настоящей книги.

{Процесс накопления лексики, происходящий всю жизнь человека, имеет важные последствия. Усваивая новые слова со всеми стоящими за ними понятиями и значениями, мы на самом деле не только расширяем свой кругозор и вступаем в новые сферы знания. Картина мира раздвигается, но не только потому, что каждое новое слово добавляет к ней еще какой-то штрих. На фоне отдельных обозначений и из этих индивидуальных единиц лексики, преимущественно слов, складывается постепенно некий класс единиц, объединенных той или иной общей чертой. И подобно тому как некое свойство объекта по мере познания последнего воспринимается как нечто отдельное от него, т.е. становится о т в л е ч е н н ы м признаком, некое свойство класса формирует "образ" этого класса и уже в отвлечении от него создает абстракцию более высокого порядка. Так постепенно складываются новые сложные концепты, которые, в свою очередь по-новому группируясь или вступая в новые связи, порождают еще более абстрактные и еще более сложные сущности. В итоге на основе отдельных единиц, первоначально лишь намечающих некие точки в пространстве, складываются системы координат самого пространства. Рождаются абстракции все более высокого порядка, и, по-видимому, их-то совокупность и оказывается для разных языков мира близкой к универсальной, т.е. сходной по составу. Как пишет Ю.Н. Караулов, в анализе лексики, "перемещаясь постепенно на более высокие, абстрактные уровни – подгрупп, групп, сверхпонятий или категорий, – мы будем сталкиваться с тенденцией ко все большему совпадению между языками" [Караулов, 1976, 270; ср. также: Мельников, 1974, 26].

Ясно в этом смысле, что если мы говорим о ЯКМ как таковой (т.е. не о языковой картине мира, формируемой на основе отдельно взятого языка), то нас должно интересовать как раз то общее, что типично для функций лексикона в отражении им окружающей нас действительности. Этот вопрос можно сформулировать и по-другому, поставив задачу определить роль лексикона в формировании картины мира.

{Не вызывает сомнения, что лексикон репрезентирует ту часть ЯКМ, которая вырисовывается благодаря наречению отдельных объектов или фрагментов действительности.} Аналогия со звездной или географической картой здесь вполне очевидна. {Лексикон тесно связан с ч л е н е н и е м окружающей нас действительности, с выделением во внешнем мире (природе и обществе) и внутреннем мире человека (его психике и т.д.) неких отдельных величин. И хотя, как мы уже говорили, не все элементы концептуальных систем "прикреплены" к языковым формам, да и в предметном мире названы далеко не все предметы, явления, процессы и свойства, верно обратное: все, что названо отдельным словом, вычленено разумом человека, остановило но тем или иным причинам его внимание, уже вошло в фонд знаний, разделенных с другими людьми.}

Наречение "кусков" концептуальной системы с помощью языковых средств (чаще всего с помощью слов или же несколькословных оборотов) носит всегда лишь частичный и выборочный характер. Вместе с тем, конечно, в развитом языке основные элементы (единицы) концептуальной системы выступают как имеющие свои названия, да и категориальная их схема уже сложилась: предпосылки для к а т е г о р и з а ц и и всех вновь

образуемых названий уже существуют. Подведение любого обозначаемого под сложившуюся в данном языке категориальную схему выступает поэтому как речемыслительный акт. Исследование процесса номинации позволяет проникнуть в движущие силы этого акта, обнаружить известные стереотипы соотнесения объекта с его будущим именем, установить параметры классификации слов, активно действующие в момент наречения тех или иных объектов. Анализируя существующие классификации лексики, мы можем поэтому реконструировать принципы осмысления и членения мира. "Мы сейчас только начинаем осознавать тесные связи между языковыми и когнитивными универсалиями", — отмечает Д.И. Слобин [1984, 144]. Не исключено, разумеется, что между классификациями научными (рождающимися в результате научного познания определенного класса объектов) и классификациями языковыми может существовать несоответствие и даже отставание одной от другой. Существова по традиции, некоторые языковые классификации частично устаревают или оказываются демотивированными: да и положенные в их основу некогда признаки уже не соответствуют уровню современного познания. Но и тогда они помогают понять, что в прошедшие времена казалось важным и вносящим некий порядок в существующее положение дел.

Особенно интересны с этой точки зрения именные классификации, еще сохраняющиеся частично в языках коренного населения Америки или же в языках Африки, где в делении объектов используются такие параметры, как "круглый" или "длинный", "твердый" или "жидкий" и т.п. Категоризация объектов во времена создания подобных именных классификаций была явно связана с их зрительно наблюдаемой формой, и лишь позднее она перестраивается согласно более сложным параметрам [ср.: Adams, Conclin, 1973; Clark, 1979, 255 и след.]. Но язык сохраняет следы прежней картины мира, разрушаемой иным уровнем развития ее носителей, но поддерживаемой до известной степени осязаемым влиянием самой классификации.

Цель разных классификаций лексикона заключается соответственно не только и не столько в упорядочении лексики, сколько в воздействии этих классификаций на сами процессы наречения реалий действительности, а следовательно, на подведение обозначаемого в этом процессе под одну из рубрик имеющихся классификаций. Категоризация словарного состава имеет тем самым хотя и опосредованное, но от этого не менее важное отношение к восприятию мира через призму устоявшихся категорий и понятий. В ячейки "категориальной сети" объекты попадают соответственно их свойствам ("размерам"). Возможен поэтому и определенный путь исследования: от лексики языка — к анализу представленных здесь классификаций, а от классификаций — к вынесению суждения о главных категориях, классах, разрядах и т.п., в рамках которых мир отражен и представлен в слове человека.

В свете сказанного мы и ставим перед собой цель показать, как членится с помощью выделения и последующего именованья окружающая нас действительность, на каких принципах основывается обычно такое членение при условии, что в акте наречения имя приобретает форму *п р о и з в о д н о г о* слова. Проще говоря, предлагаем исследованьем мы хотим хотя бы отчасти ответить на вопрос о том, с обозначением каких именно объек-

тов в природе и обществе связана производная лексика и как она, в свою очередь, отражает, или, точнее, репрезентирует, мир.

Возможно, что ответы на поставленные вопросы можно было бы искать, изучая генезис словообразовательных систем и причины возникновения словообразования как особого компонента языка. Возможно также, что такой ответ мог бы быть результатом типологического сравнения разноструктурных языков, да и привлечение для анализа большего числа языков тоже могло бы пролить свет на некоторые особенности формирования отдельных ономаσιологических категорий и их конечный список. Ведь в принципе словообразование, подобно грамматике, участвует самым непосредственным образом в создании объемных классов слов, объединенных по определенному признаку, и в выражении этими словами определенных обобщенных значений. Оно тоже придает категориальный статус тем или иным классам форм и каждой форме своего класса. Но, хотя элементы типологического и сравнительного анализа у нас и присутствуют, в сущности мы выбираем иной путь исследования. Характеризуя производную лексику и словообразовательные средства, участвующие в создании ЯКМ вообще и лексической, точнее, поэтической (номинативной) картины мира в частности, мы стремимся показать (притом на достаточно высоком уровне абстракции, т.е. в главных чертах), почему ингрентные особенности производной лексики обуславливаются структурой, функциями и типом значения производного слова, а также фиксируемой этим последним разновидностью мотивационных отношений. По четырем этим параметрам мы и рассмотрим далее производную лексику, противопоставляя ее лексике непроизводной, лексике первичного означивания и простых слов, "симплексов".

[Несмотря на то что лексикон и фиксируемая им картина воспринятого мира представляют собой единую и достаточно сложную систему, в ее организации могут быть отчетливо прослежены разные упорядочивающие ее начала. Особенно очевидно различие номинативной техники, используемой в актах первичной и вторичной номинации и создающей реальные предпосылки дифференциации словаря по целому ряду признаков, притом как структурных, так и содержательных. Суть и результатам указанного различия и посвящается дальнейшее изложение.]

Перед тем как приступить к анализу роли производной лексики в формировании поэтической картины мира, представляется целесообразным охарактеризовать кратко ее место в лексической системе языка. Производная лексика, т.е. совокупность слов, созданных некогда с помощью словообразовательных средств (аффиксация, словосложение, конверсия, усечение и т.п.), занимает в лексиконе весьма видное место. В развитых языках она обычно явно превалирует над непроизводной, составляя, как правило, не менее 60% всех слов. Если учесть к тому же, что в число остающихся 40% попадает немалое количество нечленимых заимствований, а также значительное число слов неполнозначной (служебной) лексики, можно полагать, что среди лексики полнозначной производных слов больше, чем непроизводных.

Особо следует отметить и динамическое, активное начало в производной лексике — именно с нею связаны обычно новые и развивающиеся пласты

лексики. Так, например, характеризуя 6 тыс. новых слов, содержащихся в приложении к 3-му изданию знаменитого словаря английского языка Вебстера, указывают, что если ранее основным источником пополнения словарного состава этого языка были заимствования, то в приложении они составляют всего лишь 7,5% всех слов, в то время как 4 тыс. слов — это разного типа производные [Cannon, 1978, 446—447]. В свете сказанного вполне понятно, почему и насколько прогресс науки связан с появлением новой производной лексики и как соответственно важна роль последней в развитии новых терминологических систем, а следовательно, и в новом видении и понимании мира.

Понятно также, почему овладение словарным составом языка требует обязательного знания производных слов. Но как только мы приходим к констатации этого простого факта, проясняется и другая сторона дела: знание производного слова и умение им оперировать в значительной мере отличны от знания слова простого. Ведь непроемкая лексика усваивается (запоминается и используется) "поштучно", в противовес чему лексикой производной можно овладеть "помоделно". Каждое производное слово, будучи представителем особой серии слов, легко становится образцом для подражания (при словообразовании по аналогии) и точно так же простым объектом для его отождествления и понимания, тоже по образу и подобию единиц из его класса. Можно полагать вследствие этого, что производные слова легче опознаются, легче усваиваются и легче создаются, чем требующие точного воспроизведения непроемкие. («Немотивированные слова, — подчеркивает, например, Ч.Филлмор, — в каком-то смысле "труднее", поскольку их приходится выучивать отдельно, тогда как мотивированные слова легче запоминать и понимать даже в тех случаях, когда их значение не "вычисляется" автоматически из значения их частей») [Филлмор, 1983, 39].

Ставя вопрос о том, чем отличается стратификация лексики в одном языке от стратификации в другом и указывая на такие параметры самой стратификации, как таксономическая глубина (степень детализации отдельных рубрик классификации), типы полисемии и синонимии и т.п., многие исследователи не случайно указывают среди перечисляемых свойств и степень аналитичности, т.е. процент соотношения мотивированных и немотивированных слов в словаре [там же, 34]. В итоге каждое производное слово оказывается в особом положении в системе лексики, притом сразу в нескольких отношениях: 1) в серии слов, маркированных одним и тем же формантом; 2) среди слов, следующих одной и той же словообразовательной модели; 3) в серии родственных слов, объединенных общностью корня. Системные связи производных слов более обширны, чем у слов простых; не случайно Д.Н.Шмелев выделил для характеристики этих связей специальный термин — "эпидигматические связи" [Шмелев, 1973].

Вместе с тем нити, соединяющие производную лексику с непроемкой, тоже весьма очевидны, и в той же мере, в какой мы можем говорить о том, что **р а з ъ е д и н я е т** эти классы, следует сказать и о том, что их **о б ъ е д и н я е т**. Всеми функциями и свойствами, присущими словам простым, обладают и слова производные: они способны выполнять ту же роль в предложении и вступать в те же типы отношений (синонимические,

антонимические, гиперо-гипонимические и т.д.) и, наконец, проявлять те же свойства (тенденции к развитию полисемии, возможности развития на их основе метафорических значений и т.п.), что и простые слова. Однако — и в этом их специфика, которую мы и охарактеризуем ниже, — помимо этого и в дополнение к этому они способны также выполнять иные функции и демонстрировать свои собственные свойства. Именно наличие таких новых функций и новых свойств у всего класса производной лексики и позволяет выделять ее в лексиконе языка и отводить ей особое место в лингвистическом описании.

Рассуждая о том, как и в каком качестве слова существуют для человека, А. Вежбицкая удивительно тонко подмечает известную неряшливость отдельных слов. Слова естественного языка делятся, по ее мнению, на два разных разряда, притом так, что одни слова оказываются способными объяснить значения других слов. Из этого наблюдения она сама делает примечательный вывод о том, что в качестве метаязыка семантической записи надо использовать слова естественного языка. Выбрав из лексикона эти наиболее общие единицы — “семантические примитивы” (типа ‘некто’, ‘нечто’, ‘хотеть’ и т.п.), можно далее с их помощью описать определенную часть словаря [Wierzbicka, 1980, 13 и след.]. Такой практике описания слов в словаре следовали, собственно, и лексикографы, помещая в начале дефиниции значения слова его наиболее общий классификатор, или идентификатор. Только число и инвентарь подобных идентификаторов не были определены строго и, таким образом, ограничивались чисто эмпирически.

Но в описании семантики производных слов иной способ представления их значения попросту невозможен: производное слово характеризуется в первую очередь как знак м о т и в и р о в а н н ы й, а следовательно, требующий для объяснения его значения возвращения к мотивировавшей его единице. Положение о существовании в структуре производного слова так называемой отсылочной части, теоретически обоснованное еще Г.О. Винокуром, заставляет трактовать семантику производного знака через отсылку к его источнику.

Из постулата Г.О. Винокура следует, что для данного языка в самой действительности есть объекты по крайней мере двух типов — первичные, базисные, исходные (сравнением с ними определяется смысл новых объектов) и вторичные, статус которых был определен (в актах номинации) через первичные. В действительности, таким образом, один предмет принимался за знак другого и был поставлен в некое отношение к нему. Он воспринимался как семиотический ориентир [ср.: Макспетян, 1983]. (Словообразовательные отношения можно трактовать поэтому как проецирующие реальные отношения между предметами (так, *ватник* сделан из ваты, а *солонка* служит для хранения соли и т.д.). Это создает, по словам А.А. Потебни, “познание посредством наименования” и позволяет видеть в производном слове то, как был понят (осмыслен) обозначаемый объект и с каким реальным объектом его сравнили или ассоциировали. Последнее же означает, что как только производное слово создано и зафиксировано словарем, оно приобретает свойство одновременной д в о й н о й р е ф е р е н ц и и: к миру предметному, фрагмент которого оно обозначало, и к миру слов, который и послужил его источником.

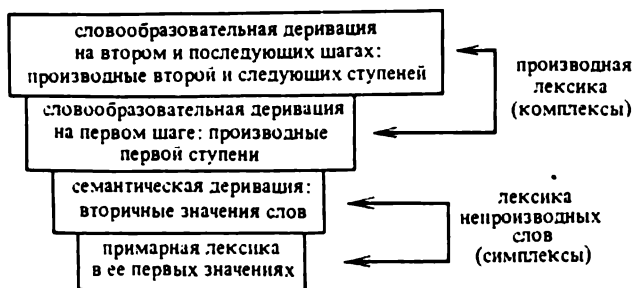

Рис. 2. Базы деривации простой и производной лексики

В первой своей ипостаси, т.е. соединяя действительность с ее обозначением, производное слово равно по всем параметрам обычному полнозначному слову. Доказательством этого служит, кстати, тождество лексических значений, вполне возможное: а) для производного и непроеизводного слова в системе одного и того же языка (ср. смешение производной и непроеизводной лексики в обозначениях цвета или формы и т.п. в случаях типа англ. *blue* 'синий', но *orange* 'оранжевый' от *orange* 'апельсин' или *grey* 'серый' и *mousy* 'серый, цвета мыши, мышинный' и т.п.); б) для непроеизводных слов одного языка, переводимых на другой язык с помощью производной единицы (ср. англ. *thief*, нем. *Dieb* в противовес рус. *вор* от *воровать*; англ. *boy*, нем. *Knabe* и рус. *мальчик* и т.п.) и в) для оппозиции, строящейся на противопоставлении непроеизводных единиц с тем же результатом, что и противопоставление единиц производных (ср., например, отношения между *прачка* и *стирать*, *врач* и *лечить*, с одной стороны, но между *грузчик* и *грузить* или *читатель* и *читать* — с другой).

Во второй своей ипостаси, однако, соединяя одно обозначение с другим (*дружеский*, *дружить* от *друг*, *вор* от *воровать*, *круглый* от *круг* и т.д.) и связывая между собой мир слов, производное слово начинает приобретать новые свойства и функции и становится единицей номинации, принципиально отличной от простого слова.

Интересно отметить, что известные основания для противопоставления слов производной и непроеизводной лексики видел еще М.М. Покровский. Настаивая на том, что семантический анализ простых (примарных) слов отличен от анализа слов производных, он выдвинул важный тезис о том, что "с методологической точки зрения сложные и производные слова должны рассматриваться отдельно от первичных" [Покровский, 1959, 90], и разъяснял затем подробнее: "история производного должна быть изучаема прежде всего с историей того слова, от которого оно произведено" [там же, 219]. Определяя синхронный статус производного слова, мы тоже не можем абстрагироваться от его источника: просто здесь нас интересует его деривационная, т.е. живая, история (процесс порождения единицы в синхронии), а не развитие двух слов в их диахроническом параллелизме. В свете указанного подхода можно по-новому определить и соотношение производной и непроеизводной лексики в общем плане. Ведь базой анализа лексики производной становится тем самым анализ лексики примарной — этой первоосновы вторичного обозначения, важной, разумеется, не только

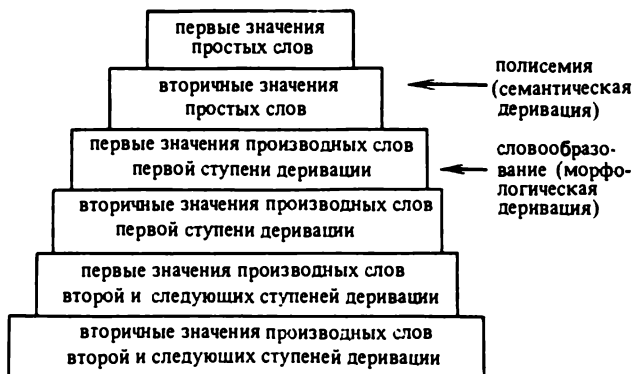

Рис. 3. Общая схема развития лексики (за исключением фразеологических единиц)

для изучения чисто словообразовательной деривации, но и всех пластов вторичной номинации. Понимаемая таким образом примарная лексика оказывается фундаментом, на основе которого строится все здание лексикона (рис. 2), или же, напротив, тем индущим классом слов, развитие и расширение которого определяет архитектуру словаря и фиксируемые им значения (рис. 3) и обогащение которого может быть представлено "позтажно", т.е. разными этапами, или ступенями. Стрелки на рисунках указывают на обычное направление (directionality) деривации, как семантической (образование вторичных, в том числе переносных значений слов), так и словообразовательной (образование производных на первой и последующих шагах, или ступенях, деривации, ср.: *школа* → *школьник* → *школьничать* или *лететь* → *перелететь* → *перелет* и т.д.).

Идея о существовании определенного ядра лексики, образуемого простыми в структурном отношении единицами, не лишена, таким образом, смысла, и все единицы вторичной номинации можно представить соответственно как классы номинативных единиц, образуемых по особым правилам, надстраивающиеся над классами симплексов или же возникающие на их базе. Границы между отдельными классами лексики маркированы весьма четко: семантическая деривация в отличие от словообразовательной не создает новой единицы со статусом слова (хотя она нередко ведет к появлению новой единицы номинации, словная оболочка для всех этих единиц остается прежней; ср. *friend* 'друг' — 'знакомый' — 'товарищ, коллега' — 'сторонник' — 'квакер' и, наконец, 'другок', 'возлюбленный' в качестве примера такой семантической цепочки вторичных значений в английском языке или цепочку *Freund* 'друг' — 'дружисе' (в обращении) — 'сторонник' — 'заступник' — 'любитель' и нек. др. в немецком языке).

Производная лексика противопоставлена непроеводной прежде всего структурно; факт образования одного слова на базе другого (или других) здесь всегда налицо. По структурным же признакам можно противопоставить и словообразовательную деривацию на первом или на других шагах деривации.

Казалось бы, обнаруженные черты универсальны, т.е. присутствуют в построении лексикона любого языка. Фактическое положение дел, од-

нако, сложнее; так, более распространенной базой деривации для словообразования оказываются прежде всего прямые номинативные значения исходных слов. Существуют свои типологические ограничения и на большее/меньшее распространение словообразования по сравнению с семантической деривацией. Существуют, наконец, и важные ограничения, связанные с возможностями использовать для рекурсивных правил словообразования саму производную лексику. В иных терминах можно было бы сказать, что глубина словообразовательных гнезд может варьироваться от языка к языку и что наибольшее количество дериватов возникает, как правило, на первом шаге деривации, что ведет к появлению группировок от одной основы, именуемых словообразовательными парадигмами. Крайний случай такого рода — семитские языки, где связи между исходным корнем и производными от него строго ограничиваются одним шагом деривации. По словам С. Андерсона, связь корневого консонантизма, возможной огласовки корня (внутренней флексии) и его слоговой структуры так тесна, что действие кумулятивных словообразовательных процессов просто-напросто исключается: они разрушили бы "лексическое начало" в цепочке дериватов [Anderson, 1985, 37].

Имеют ли все эти соображения какое-либо отношение к языковой картине мира? Несомненно, ибо за структурными связями перечисленных классов лексики стоят глубокие содержательные связи. Так, граница между производной и непроизводной лексикой, которая на первый взгляд является чисто формальной и маркирующей противопоставление структурно простых, нечленимых и структурно комплексных, разложимых слов, фактически соответствует глубокому различию в способах представления значения обозначаемых. В симплексах прямые (непереносные) значения слов представлены холистически, целостно; угадать значение невозможно, его надо знать. В производных словах, напротив, значение представлено расчлененно, "по частям" (*work-er*; *writ-er*; *smok-er*); оно "выводимо" и легко угадывается при знании соответствующих частей или же модели в целом. В примарных обозначениях опыт человека не эксплицирован, во вторичных — так или иначе выведен наружу (ср. *коптилка*; *кожанка*; *сахарница*; ср. также: *туча стрел*; *головака сахару* и т.п.).

"Технические" способы номинации — немотивированные (в простом слове) и мотивированные (в производном) — приводят к тому, что слово, это "вместилище знаний" [Верецагин, Костомаров, 1980, 192], в одних случаях само по себе ничего не говорит о том, какие знания оно хранит, зато в других свидетельствует о том, по отношению к какому познанию фрагменту мира описывается новое знание.

Справедливо подчеркивают иногда наличие особой, этимологической "памяти слова" [Григорян, 1983, 59]. В членимом производном слове "память слова" носит отнюдь не исторический, но живой, синхронно-релевантный характер: *морфемный* — это 'относящийся к морфеме', *сестрин* — 'принадлежащий сестре', *космический* — 'связанный с космосом' и т.д.

Мотивированность производного слова позволяет соединять новый опыт со старым, определять неизвестное через известное, вводить в устоявшуюся картину мира новые штрихи и детали. Более того, о соединении

нового опыта со старым здесь можно говорить как бы в двояком смысле: с одной стороны, потому, что в акте наречения обозначаемое подводится под некие рубрики *знакомых классификаций* (*Что это за штука? – Это – зажигалка; Что он делает? – Да баллистик, баллист он, баллистикой занимается* и т.д.), но, с другой – просто потому, что производное отсылает нас к уже имеющей свое обозначение, а следовательно, известной реалии. Первое означает следование определенной схеме категоризации мира, второе – установление объектных связей в этом мире, видение сходств и подобий разных объектов, общность их признаков и т.д.

Семантическая прозрачность подавляющего числа производных единиц выполняет, таким образом, разные функции: облегчает восприятие слова ввиду его понятности, "угадываемости", но, что, наверно, еще важнее, облегчает оперирование новыми понятиями, включая их в привычный мир вещей и эксплицитно указывая на конкретный характер связи нового со старым.

Содержательный анализ отличий производной и непроизводной лексики может быть продолжен и в другом отношении. Входя в мир семантики производного слова, мы заинтересованы не только в точках ее соприкосновения с непроизводной лексикой, но и в определении тех *преобразований*, которым подвергаются исходные единицы в ходе их превращения в единицы производные. Здесь уже недостаточно простой констатации того факта, что картина мира, рисуемая производной лексикой, базируется целиком на той, которая уже была отражена лексикой непроизводной. Одна, несомненно, является развитием другой, но что же их различает? Если каждое слово – точка, штрих в языковой картине мира, не означает ли появление каждого нового производного простого увеличения "мазков" в картине, т.е. ее детализации?

Прослеживая процессы возникновения новых производных и бытие старых, мы можем скорее утверждать нечто иное. Чтобы войти в лексическую систему языка, любое слово в акте своего создания должно быть отнесено к некоторому классу, категории, причем это отнесение совершается соответственно тому, как поняты онтологические свойства обозначаемого. Нечто, осмысленное как отдельный объект (предмет, вещь и т.п.), подводится под категорию предметности и получает форму существительного и т.д. Самые высокие абстракции в категоризации явлений мира достигаются при их классификации по частям и частицам речи. Нельзя осуществить языковой акт наречения некоторой сущности, не опознав в ней предмет или процесс, состояние или признак, действие или свойство. Вот почему, не отрицая возможного существования неких семантических полей, выделенных по общему для них семантическому признаку, мы все же полагаем, что в иерархии категорий, определяющих место слова в системе языка, самый высокий уровень образуется частеречными категориями с их глубокими семантическими и ономаσιологическими основаниями.

Лишь внутри номинативных пространств предметного, процессуального и признакового обозначения находят себе место и производные единицы. Да и семантические классификации, обнаруживаемые далее в сфере имен и глаголов, – это прежде всего классификации *обозначений*, в основе которых лежит связь обозначений с миром вне нас. Ясно поэтому, что именно они дают представление о конкретной "карте мира" в голо-

ве человека и образуют стереотипы, "образы" неких классов слов. Именно эти семантические классификации упорядочивают опыт человека, заставляя его связывать каждый новый "квант опыта" с уже существующими классификациями; хотя и опосредованно, семантические классификации дают представление о тех участках окружающей нас действительности, которые, вычлняясь в ней, находят обычно свое обозначение в языке. Установление содержательных основ языковых классификаций имеет поэтому вполне очевидную ценность.

Классификационная схема, как правильно указывает Ю.Н. Караулов, "дает членение (или воспроизводит структуру) определенной области (действительности, знаний)" [Караулов, 1981, 157]. Она подготавливает подлинно системное изучение лексики, "делая ненужным произвольные группировки слов, вычлняемые на разных основаниях, зачастую не соотносящиеся по своей внутренней структуре и, как правило, не имеющие подобия в своем составе" [там же, 173]. Значимость словообразовательного критерия, вводимого в семантический и ономаσιологический анализ, заключается с указанной точки зрения именно в том, что он предполагает наличие объективного основания для выделения разных группировок слов. Еще важнее то, что в качестве такого объективного основания в словообразовании выступает при классификации слов и единство формальной структуры (формальный аспект словообразовательного моделирования), и содержательная близость слов одной серии (семантический аспект).

Сказанное объясняет, почему создание ономаσιологических категорий на словообразовательной основе, т.е. формирование семантической рубрики членения мира с помощью маркированного формально обозначения ее отдельных членов, имеет столь большое значение уже не только для обогащения лексики и ее систематизации, но и для прослеживания путей развития человеческого разума.

Если взятые по отдельности слова свидетельствуют о том, что остановило внимание человека в сфере его предметной и познавательной деятельности, а взятые по отдельности производные слова — о том, с чем он связал или сравнил новое обозначаемое, группировки слов говорят вдобавок к этому еще о более сложном. Здесь и абстрагирование общих признаков в разном, и понимание сходства или близости неких явлений, и их сравнение, позволяющее отождествлять эти явления по одному основанию, но различать по другому, т.е. и предпосылки и результат таксономической деятельности человека. Разные аспекты этого процесса особенно заметны в сфере словообразования, где само использование разных словообразовательных средств маркирует не только различие номинативной техники, но и ее содержательную направленность. Так, суффиксы осуществляют обычно включение обозначаемого в определенный семантический разряд — будь это определенная часть речи (и тогда они часто осуществляют транспонирующую функцию — перевода из одного класса слов в другой) или же другая семантическая группировка: класс имен действующего лица, класс названий для вместилищ или помещения объектов, класс неких коллективов и т.д.

Редупликация основ служит выполнению других заданий: иконический аспект знака и повторения его "тела" позволяет передавать этим способом идеи множества или повторности, рекурсивности действия, совокупности

объектов и проч.; ср. в языке чикасоу *yopi* 'он плавает' и *yohompi* 'он плавает все время', *toksali* 'он работает' и *toksahanei* 'он работает все время' [Anderson, 1985, 169–170]. В этих примерах очень ярко выступает такое противопоставление производной и непроизводной лексики: исходный глагол обозначен простым словом, представление же о модификации действия, им обозначаемого, закрепляется в форме деривата.

В принципе поэтому можно утверждать, что каждый способ словообразования не просто служит созданию серии слов с определенным значением и имеет свой диапазон действия; скорее, он связан с выполнением особого ономаσιологического задания и потому характеризуется специфической для него функцией. Так, у сложных слов их функция вытекает прежде всего из потребности преобразовать пропозициональное содержание в словесное или же выделить объект из класса тождественных объектов по определенному признаку. Например, *Gänsefleisch* — это разновидность мяса (*Fleisch*), но выделенная по ее признаку, т.е. гусятина, точно так же как *atom bomb* — это вид бомбы и т.п.

Естественно, что типологические различия языков, наблюдающиеся при анализе диапазона действия аффиксации, словосложения, редупликации и прочих способов осуществления процессов морфологической деривации и вскрывающие специфику распределения неких значений по грамматическим или же деривационным (словообразовательным) категориям, оказываются тем самым существенными для характеристики языковых картин мира в сопоставляемых языках. Например, факт использования суффиксации либо только в грамматике, либо только в словообразовании, либо в том и в другом одновременно важен не только сам по себе (он помогает понять, какие системы координат устанавливаются в данном языке для слов той или иной части речи), но и потому, что в одном случае мы определяем более общие, более регулярные и более всеобъемлющие классификации слов, чем в другом.

Не случайно, что типологи говорят о большей значимости анализа отдельных процессов деривации в их структурных и содержательных характеристиках, нежели анализа морфологической техники (флексии, фузии, агглютинации), ибо определение функций этих процессов в языке и связанного с ними содержания имеет самое прямое отношение к демонстрации типологического своеобразия или, напротив, общности тех или иных языков. Так, типологическое своеобразие китайского языка проявляется в его приверженности к словосложению, которое при явной скудости средств суффиксации в этом языке становится главным источником новых лексем. В противоположность этому главную типологическую черту такого языка, как куаквала, составляет наличие в нем нескольких сотен суффиксов с весьма конкретными значениями, свободно комбинирующихся с разными типами основ и служащих образованию лексем с довольно неожиданными (с точки зрения других языков) значениями. Так, например, суффиксы с временными значениями присоединяются не только к глагольным, но и к именным основам ('лодка' — 'лодка, которая была вчера разрушена' — 'лодка, которая будет построена' и т.д.). Изучение деривационных процессов по их типу и последствиям — важное подспорье в типологическом исследовании [ср., например: Anderson, 1985; Chung, Timberlake, 1985; Comrie, 1985; Bybee, 1985]. В силу прямой связи его

с анализом структуризации лексикона и параметров в его классификации оно имеет также прямое отношение к проблеме "картирования".

Интересно к тому же отметить, что рассмотренные процессы служат как бы двум разным целям: с одной стороны, целям общих классификаций словаря (категоризация явлений, установление для них некоторой общей системы координат, схемы), с другой — целям все более детального и расчлененного представления окружающих нас явлений (вплоть до выделения в природе, обществе, системах знания самых мелких подробностей).

Отвечая поэтому на вопрос о том, в каком отношении идет преобразование исходной базовой лексики в актах словообразования, можно в самом общем виде свести типы такого преобразования к транспозиции, мутации или же модификации. При транспозиции происходит грамматическая перекатегоризация исходного слова: становится возможным изменить первичную синтаксическую функцию слова, а следовательно, использовать его в новом качестве в предложении. Думается, что в явлении транспозиции, которая связывает разные части речи и оказывается мостиком между примарной и производной лексикой в грамматическом плане, сказывается удивительная способность человека видеть условность границ между процессом, объектом и его свойством и воспринимать различия между ними диалектически, в их противоречивости. Ведь объект — это совокупность свойств, а с определенным объектом можно совершить то или иное, но достаточно ограниченное число действий; процесс же может охватывать те, а не иные объекты. Ясно поэтому, что *пила* и *пилить*, *коса* и *косить*, *цемент* и *цементировать* связаны между собой самой естественной логикой мира и что в парах *синий* — *синить*, *золото* — *золотой* и проч. (как в определенного рода обозначениях) фиксируется естественная связь вещей в предметном мире.

Итак, транспозиция обеспечивает связи слов разных частей речи, причем, как это ни странно, сама она раздвигает границы тех частей речи, в состав которых переводит слова из других классов, но, раздвигая границы, она одновременно и расшатывает их. Так, например, процессуальные значения слов типа *бег*, *ходьба*, *колка* и др. явно приходят в столкновение со значениями таких слов, как *вода*, *земля*, *стена*, занимающих в разряде существительных доминантную позицию. Проигрывая в однородности обозначений и ставя на одну плоскость собственно предметные и опредмеченные (искусственно) имена, транспозиция чрезвычайно обогащает семантические возможности самого класса существительных и делает допустимым гипостазис — восприятие признака, процесса действия или состояния как отдельного объекта (ср. *доброта*, *всесторонность*, *зависть*, *развитие* и т.п.).

Такое же обогащение номинативных возможностей наблюдается, естественно, и у других частей речи. Так, глаголы обретают способность указывать не только на осуществляемое действие, но и на материал, с которым оно производится (*асфальтировать*, *позолотить*, *засолить*), на инструмент или орудие действия (ср. англ. *to sail* 'идти под парусом', *to iron* 'гладить (утюгом)'), на способ его осуществления (нем. *walzen* 'танцевать вальс', англ. *to whisper* 'говорить шепотом') или же на его объект (нем. *mauern* 'производить каменную кладку', англ. *to bone* ... 'вынуть кость из ...') и т.д.

В отличие от транспозиции м у т а ц и я заключается в установлении коррелятивных пар, близких грамматической оппозиции, но внутри одной части речи. Это тоже переход из одного класса в другой, но не меняющий исходной синтаксической функции слова, ср.: *супруг* и *супруга*, *англичанин* и *англичанка*, *рыбак* и *рыбачка*, *учитель* и *учительница* и т.д. Здесь в создающиеся корреляции может быть вовлечена как непроизводная лексика (ср.: *раб* — *раба*), так, чаще, и производная. Мутацию можно усматривать и в изменении аспектуальных характеристик глагола, ср. *ходить* и *хаживать*, *толкать* и *толкануть* и т.п.

М о д и ф и к а ц и я — это важнейшее следствие словообразования — достигается при радикальном изменении семантики исходного слова (ср.: *камень* — *каменщик*, *профессор* — *профессура*); она наблюдается при лексической деривации, когда обозначение дается новому объекту и когда причиной словообразовательного акта является отсутствие общепризнанного обозначения для соответствующей реалии или неудовлетворенность имеющимся.

В трактовке транспозиции, модификации и мутации существуют серьезные расхождения, тем не менее принцип выделения и разграничения этих процессов вполне ясен — это конкретный замысел словообразовательного акта и его результаты, измеряемые: а) дистанцией между исходным и производным словом в семантическом отношении; б) типом и характером преобразований в производном слове по сравнению с непосредственно мотивировавшей его единицей, т.е. той, которая послужила его источником. Вследствие этого их анализ помогает понять, в каком именно отношении можно говорить о непроизводной лексике как о базовой, отправной для лексики производной, а также в каких именно направлениях эта первая видоизменяется, трансформируется, развивается.

Важную роль в осознании последствий указанных процессов играет еще одно обстоятельство. Как только на основе слова одной части речи (слова мотивирующего) образуется слово той же или другой части речи (слово мотивированное), последнее как бы у д в а и в а е т свои семантические возможности. Ведь оно оказывается в состоянии соединить в своей структуре два разных категориальных значения, причем так, чтобы они не противоречили друг другу. С одной стороны, мотивированная единица удерживает часть грамматических и лексических значений своего источника, а тем самым "наследует" от него и свое общекатегориальное значение (например, предметности, процессуальности или признаковости). С другой стороны, приобретая новый частеречный статус, становясь в качестве производного представителем определенной части речи (существительного, глагола и т.д.), она оказывается способной к выражению значений, типичных для данной части речи, и прежде всего к выражению ее общекатегориального значения. В итоге производное слово объединяет, казалось бы, разные начала, например процессуальное и предметное (при образовании так называемых абстрактных отглагольных имен, которые есть не что иное, как отвлеченные названия действия) или же предметное и признаковое (при образовании относительных прилагательных, которые обозначают признак через указание на его связь с предметом, ср. *тенистый*, *клетчатый*, *сахарный* и т.д.).

На этой способности и основано, собственно, выражение производным

словом особых, сложноструктурированных словообразовательных значений, природу которых мы существенно упрощаем, называя их по традиции по их лексическому результату (ср. принятые широко термины "уменьшительное значение", "значение повторности", "орнативное значение", "локативное значение" и т.д.). Сохраняя эти названия и используя их, мы всегда должны иметь в виду, что они фактически затемняют адекватное представление о словообразовательном значении, выводимом в целом не по такому его отдельному компоненту, как словообразовательный аффикс или формант, но на основе учета всей ономаσιологической структуры производного слова, строящейся за счет приписывания определенного ономаσιологического признака особому ономаσιологическому базису с помощью определенной ономаσιологической связки [Кубрякова, 1981, 198].

С указанной точки зрения понятно, почему тождество аффикса в словообразовательном ряду вовсе не означает тождества значения этого ряда: ведь последнее создается не только аффиксом. Достаточно поэтому изменить любой из компонентов модели — базис, признак или связку, как ее значение меняется. А поскольку один из этих компонентов всегда задается мотивирующей основой, изменение ее типа тоже ведет к преобразованию словообразовательного значения. Так, если имена на *-ство* мотивируются глаголами, они имеют значение обычных абстрактных имен — названий соответствующих действий, процессов и т.д. Если же сам мотивированный глагол мотивирован в свою очередь прилагательным (ср. *лукавый* — *лукавить*) или же имя на *-ство* мотивировано прилагательным (*безрассудный* — *безрассудство*) либо даже существительным (*герой* — *геройство*), все указанные производные приобретают хотя и близкие, но тем не менее разные словообразовательные значения. Так, наличие мотивационных отношений со словами, означающими агента действия, нередко ведет к появлению собирательного значения (*правитель* — *правительство*, *офицер* — *офицерство*, *учитель* — *учительство*); наличие мотивационных отношений с прилагательными ведет, скорее, к развитию отвлеченного значения состояния (*детство*, *младенчество*, *материнство*) и т.п.

Значение мотивационных отношений для формирования семантики производного слова, конечно, неоднократно изучалось и подчеркивалось [ср., например: Улуханов, 1977; Buzássyová, 1985], однако оно не трактовалось в терминах ономаσιологического порядка, т.е. не связывалось с тем обстоятельством, что изменение типа ономаσιологического признака (мотива обозначения) влечет за собой преобразование типа словообразовательного значения. Разные значения в одном и том же производном — следствие фиксации им разных мотивирующих источников (ср., например, *сердечник* 'тот, кто лечит сердце' или 'тот, у кого болит сердце', *грузчик* 'тот, кто грузит' или 'тот, кто имеет дело с грузами', *сменщик* 'тот, кто сменяет' или "тот, кто работает в определенную смену") — интересная область исследования семантики производного слова, специально анализируемая в виде феномена множественности мотивации. Нам же этот феномен интересен и потому, что он тоже позволяет судить о том, как используется в словообразовательных процессах исходный пласт лексики и как много зависит от того, из какой части речи была выбрана

в акте номинации мотивирующая основа и какие из ее значений были заимствованы, т.е. перенесены в производное слово.

Приведем еще несколько примеров такого "заимствования": если исходное слово означает титул или звание, мотивированная единица наследует это значение (*графство, пэрство*) или же приобретает новое: 'земля, территория, связанная с указанным положением лица' (*королевство, аббатство*); если исходное слово означает лицо, наделенное особыми чертами, мотивированное преобразует его в обозначение свойства характера или черты поведения (*геройство, склочничество*). Подобные примеры свидетельствуют о том, какой большой вклад вносит в семантику уже не столько аффикс, сколько отсылочная часть производного, ее тип и характер. А ведь она-то задается исходной и часто примарной лексикой. Таким образом, единство словообразовательной модели существует лишь в том случае, когда три указанные ее составные части — базис, признак и связка — на определенном уровне абстракции тождественны или когда, в других терминах, словообразовательное значение модели одно и то же. Это может быть при тождестве аффикса, типа основы и используемой связки, например атомарного предиката. Ср., например, сложные слова типа англ. *blue-eyed* и рус. *голубоглазый*, где скрытый предикат 'иметь' стоит в атрибутивной форме, коррелируя с афф. *-ed* или *-ый*, признак выражен прилагательным в сочетании с существительным, т.е. сложно, а общее значение модели близко номинативному, т.е. прочитывается как 'с голубыми глазами, имеющий голубые глаза'.

Традиция именовать словообразовательные значения по роли аффикса (т.е. трактуя аффикс как известный семантический показатель и классификатор) — пренебрежение не только к неаффиксальным способам словообразования (прежде всего к словосложению — ведь словообразовательные значения есть и у сложных слов!), но и к так называемым безаффиксальным способам, а также к тем случаям аффиксации, когда она выполняет чисто транспонирующие функции и никакого "реального", "вещественного" лексического значения мы аффиксу приписать не можем. Ср. швед. *film* 'фильм' и *filma* 'снимать фильм', нем. *grün* 'зеленый' и *grünen* 'зеленеть', русские глаголы от междометий типа *ах-а-ть, ох-а-ть, ой-ка-ть*, а также *руль — рулить, вдова — вдоветь* и др.

Выше мы уже подчеркнули то обстоятельство, что о картине мира в голове человека позволяют судить не столько отдельные слова, сколько принципы группировки и классификации понятий, находящие формальное выражение в структуре языка. Продолжая эту линию исследования, интересно поставить и вопрос о с ф е р а х с л о в о о б р а з о в а т е л ь н ы х з н а ч е н и й и номенклатуре ономаσιологических категорий, представленных в тех или иных языках мира. Ведь именно наличие единого словообразовательного значения маркирует обычно объемные группировки слов, а некие однотипные значения формируют затем ономаσιологическую категорию с разными средствами ее выражения. Так, значения однократности и повторности действия, многократности и рекурсивности, значения длительно продолжающегося действия или его завершения и т.д. могут быть объединены в единую ономаσιологическую категорию фазовой характеристики действия (начало — продолжение — конец и т.д.). Точно так же значения активного производителя действия и того, на кого

это действие направлено, значение посредника и бенефицианта, значение одушевленного носителя признака и т.д. могут быть объединены в оно-масиологическую категорию лица.

Хотя исчислить умозрительно подобные общие и частные значения (и соответствующие категории) представляется невозможным, известное представление о сфере их действия, разумеется, существует. Главное, что, по-видимому, обращает здесь на себя внимание, касается глубоких связей между деривационными и грамматическими категориями. Можно, по всей вероятности, с полным на то основанием утверждать, что нет таких контенсивных (содержательных, а не согласовательных) грамматических категорий в одних языках, которые не имели бы явных параллелей в деривационных категориях других. В общем плане это означает, что некие абстракции обязательны для функционирования языка, а возможно, и человеческого мышления, или, с другой стороны, что абстрагирующая работа мозга приводит к одним и тем же абстракциям. Но вот глубина их может быть все-таки различной: большей, и тогда язык формирует их как грамматические (с обязательностью их выражения, регулярностью и т.д.), или же меньшей, и тогда язык формирует их как деривационные, и, наконец, еще меньшей, и тогда объединение слов происходит лишь по общности содержательного признака.

Отличие производной и непроизводной лексики заметно и в этом отношении: лишь первая группируется и по форме и по содержанию, тогда как вторая — только по содержанию. Зато грамматические и деривационные группировки обладают сходством по формальному способу выражения своих значений, отличаясь между собой по иным параметрам: обязательности/необязательности выражения значения словами "своего" класса, охваченности этими значениями особых пластов лексики, регулярности проведения соответствующего значения по серии форм и, пожалуй, более всего по участию или же неучастию в организации предложения или текста.

Для противопоставления грамматического и словообразовательного значения нет, собственно, содержательных оснований, как нет их для противопоставления лексического и грамматического. Важно лишь, как представляет (репрезентирует) это значение язык системой своих форм. Правильно подчеркивали те ученые, которые стремились определить специфику лексического в отличие от грамматического, что и то и другое может иметь одно и то же содержание (например, *говорить неоднократно* и *говаривать*) [ср.: Стеблин-Каменский, 1974, 10]. Но, во-первых, не всякое содержание способно стать основой грамматической или ономасиологической категории; во-вторых, степень абстракции расходится даже на уровне лексики для слов одной части речи (хотя каждое слово обобщает!), и, наконец, в-третьих, способно ли одного и того же понятия стать содержанием лексической, словообразовательной или же грамматической категории свидетельствует о его существенности, прагматической ценности и одновременно о том, что само оно (логическое понятие) формировалось в связи со всеми указанными языковыми явлениями.

Несмотря на черты несомненной близости, связывающие сферы грамматических и словообразовательных значений, можно назвать категории, которые чаще всего имеют в разных языках мира словообразовательный

характер и демонстрируют членение мира, осуществляемое с помощью деривационных средств. Это прежде всего экспрессивно-эмоционально-оценочные категории, в том числе и оценочно-квантитативные. Они способствуют "помещению" объекта в одну из точек шкалы "плохо—хорошо" или "много—мало", или "до нормы—норма—сверх нормы" и служат образованию диминутивов, аугментативов и т.п. Идентификаторы этой категории можно обнаружить в словообразовательных значениях разных частей речи (*раскричаться* 'начать кричать' и 'кричать интенсивно, долго'; *носатый* 'с большим носом', *лесистый* 'изобилующий лесами'; ср. также *домик* и *домище*; *беленький платочек* или исп. *el niño tiene dos añitos* 'девочке два годочка' или же *el niñito tiene dos años* 'девчужке два года'. Широко распространены в разных языках мира и все виды "падежных" значений — инструментальные, орудийные, локативные, агентивные, комитативные, посессивные и т.п., т.е. как "актантные", так и "сирконстантные". Словообразование широко участвует в выражении аспектuallyх, временных (фазовых) и рекурсивных значений, а также в передаче разнообразных характеристик лица (по выполняемым им действиям, по присущим ему физическим или духовным свойствам, по национальности, рождению или проживанию, по возрасту, общественному положению и т.п.).

Важная сфера словообразовательных значений связана также с числовой и количественной (квантитативной) категоризацией объектов, когда словообразовательные категории существенно дополняют и конкретизируют представления о множестве объектов или их выделенности из множества (ср. русские сингулятивы типа *бусина*, *виноградина*, *снежинка*). Хорошо известны разные собирательные значения (*collectiva*), обобщающие представления о разных типах множеств — однородных и неоднородных, гомогенных и негомогенных, ср. нем. *Gebirge* 'горы', *Geschwister* 'братья и сестры', *Gebinde* 'сноп' и т.п.

Особое место занимают также в системе значений имен категории, поддерживающие родовые различия.

Хотелось бы выделить специально и словообразовательные значения, возникающие в терминологической лексике и имеющие широкий спектр разнообразных значений (тут и названия наук, и названия единиц и процессов, для них характерных, и названия видов и разновидностей деятельности, и мн. др.).

Любопытно отметить, наконец, и некоторые более редкие типы словообразовательных значений, обративших на себя внимание отдельных исследователей или же типологов. Это и испанский суффикс *-ada*, образующий обозначения удара чем-либо (рукой, топором, ножом), и довольно неожиданная по семантике группа суффиксов с глагольными значениями ('хотеть', 'пытаться') в языке куакувала, описанная С. Андерсоном [Anderson, 1985, 29]. Ср. также упоминаемые им локативные суффиксы с такими конкретными значениями, как 'в воде', 'сквозь круглое отверстие в боковой стороне объекта', 'на полу', 'на берегу', 'в лесу', 'на камне' и т.д. [там же, 27].

Более 20 приглагольных префиксов, служащих описанию причин, вызвавших то или иное действие, природных, психических или связанных

с определенным предметом, — описывает в языке севера Калифорнии (атсугеви) Л. Талми; ср. значения типа 'от воды, дождя, огня', или 'из-за ножа, врезающегося в', или 'от запаха', 'от вкуса' и проч. [Talmy, 1985, 112–113].

Описав на предыдущих страницах сферы словообразовательных значений и создаваемые ими ономаσιологические категории как рубрики семантической классификации лексики, а также охарактеризовав специфику словообразовательного значения по способу его представления в структуре производного слова, мы осветили ту сторону словообразовательной номинации, которая относится к ее семантическому аспекту. В фокусе нашего внимания оставалась категория значения и то, как она формируется в производной лексике, а далее, как созданные словообразовательные значения — уже на более высоком уровне абстракции, — объединяясь и обобщаясь, способствуют упорядочению лексики вообще и маркируют в ней формально некие семантические разряды.

Логика анализа заставляет нас теперь поставить еще один вопрос, относящийся к производной лексике в связи с установлением диапазона ее значений: а что же называют производные слова? К обозначению каких сущностей они относятся? Наблюдаются ли в этом отношении заметные отличия лексики производной от лексики непроизводной? Но, сформулировав эти вопросы, мы переходим к изучению нового, иного аспекта производной лексики по сравнению с описанным выше, ибо вступаем непосредственно в область закономерностей наречения мира, а значит, в область ономаσιологии. Теперь, в заключение, мы обратимся к специфике обозначения производным словом.

Исследования последних лет показали, что имена и — шире — именные выражения, служащие номинации, делятся на принципиально различные классы не только по способу представления значения в рамках языковой единицы (интегральному, холистическому в простом слове, структурированному по частям в производных и сложных словах и, наконец, еще более расчлененному в разного рода синтаксических конструкциях). Они противопоставляются также по ориентации обозначения на номинацию разных сущностей в окружающем нас мире: материальных или же идеальных. Конечно, обозначению в мире подлежит лишь то, что уже отражено в сознании человека, и в этом смысле именуется, собственно, не столько сама вещь или явление, сколько концепт, созданный человеком по поводу этой вещи, в связи с ней и т.п.

Вместе с тем отнюдь не безразлично, направляется ли мысль человека на объекты предметного или же духовного мира и имеет ли обозначаемое некий вполне конкретный референт; безразлично, таким образом, какие онтологические свойства присущи именуемому, и прежде всего составляет оно или нет некий фрагмент, кусочек, квант предметного мира. Названия этих разных сущностей живут в языке своей собственной жизнью.

К противопоставлению этих классов обозначений разные исследователи шли разными путями, и различие терминологии в их наименовании здесь не случайно: оно как бы высвечивает разные стороны действительно существующего различия. В принципе поэтому за оппозицией жестких и нежестких десигнаторов у С. Крипке, за противопоставлением конкретной и абстрактной лексики у Ю.С. Степанова, имен естественных и номинальных

классов у Г. Путнэма, референтных и атрибутивных дескрипций у К.С. Донелана и, наконец, идентифицирующих и предикативных имен у Н.Д. Арутюновой и др. стоит различие как собственно функционального поведения слова в составе предложения, так и некое семантическое различие, связанное со спецификой восприятия объекта и способом его определения.

Первый критерий подчеркивает обычную для имен разных классов сентенциональную функцию: способность имен естественных классов (жестких десигнаторов) осуществлять в первую очередь идентификацию объекта, а потому служить обозначению субъекта или объекта высказывания и т.д., и, напротив, способность имен номинальных классов (нежестких десигнаторов) выполнять функцию характеризующую и являться предикатом предложения. Этим свойством имен объясняется, почему их противопоставляют как предикатные и непредикатные, событийные или идентифицирующие и т.д.

С другой стороны, учет референтных свойств имен, а именно того, имеют ли они (и способны ли указывать на) референт, безусловно опознаваемый в опыте человека "по предъявлению", или нет, позволяет говорить о них в одном случае как о жестких десигнаторах (т.е. жестко привязанных к определенной точке чувственно воспринимаемого предметного мира), а в других — как о нежестких. Как сказал Д.Н. Шмелев: "... каждое слово является обозначением какой-то реалии", но речь может идти либо о реалии мира как такового (вне нас), либо о реалии сознания [Шмелев, 1977, 8].

Обозначая реалии мира, мы совершаем акт мысленного выделения их из пространственно-временного континуума, отражая при этом их естественную выделенность в предметном мире, их действительную отдельность, наблюдаемую нашими органами чувств, а возможно, и подтверждаемую их физическими характеристиками (формами, размером, величиной, объемом и т.п.) и объективно измеряемую. Об этих обозначениях и говорят как об именах естественных, природных классов. Чаще всего эти жесткие десигнаторы определяют прямолинейно, через возможность прямого (остенсивного) указания на них. Это справедливо, но несколько узко: так, вздох можно скорее услышать, нежели показать, прикосновение — не только увидеть, но и почувствовать, сладости или соленья — определить и опознать на вкус и т.д. К области жестких десигнаторов мы поэтому относим все, что опознаем "по предъявлению". Так, ходьбу мы отличаем от бега, а плавание — от полета, достаточно нам только увидеть отдельный квант этого действия, его пример (an instance of).

Напротив, давая имена реалиям сознания и будучи не в состоянии точно указать на них другому, мы для их дальнейшего опознавания должны зафиксировать их неотъемлемые признаки. Мы даем названия сущностям, сконструированным нашим сознанием, мы создаем их искусственно, "собирая" по неким концептуальным признакам. Имена этого класса называются номинальными, ибо они вычленяются самим существованием имени "по определению", т.е. по совокупности выбранных признаков, которые сочтено необходимым подвести под одну крышу — тело знака — номинально. Эти имена обозначают нечто, как говорили некогда номиналисты в споре с реалистами, "по установлению", по договору, так, как было решено в акте номинации, акте "крещения". В одно понятие было

сведено небольшое количество обязательных признаков, понятие получило название, которое стало означать именно эту совокупность признаков.

Как очень четко сформулировала Н.Д. Арутюнова, имена номинальных классов, "как и вообще предикаты, ориентированы не на мир, а на познающего субъекта" [Арутюнова, 1976, 243], да и составляющие суть объекта признаки (например, признаки холостяка 'не состоять в браке, быть незамужним') оторваны от денотатов абстрагирующей деятельностью мышления [там же, 337].

Номинальные классы лишены биологической, химической, атомной или другой материальной сущности, они созданы языковым определением [см. подробнее: Степанов, 1977, 317–321, 344; а также Шатуновский, 1982, где содержатся ссылки на специальную литературу]. Но ведь именно так, языковым определением, создаются, как мы пытались показать выше, все производные слова. В той мере, в какой они определяются через слова же, они, конечно, могут трактоваться, скорее, как номинальные классы. Проще всего было бы сказать, таким образом, что словообразование ориентировано на создание номинального класса слов (даже классический пример с холостяком может трактоваться в пользу такого решения: ведь холостяк – это тот, кто холост), и в известной мере это так. Но все-таки чисто эмпирически мы хорошо знаем, что среди дериватов могут быть и явные жесткие десигнаторы: *черника, солонка, косилка* и множество им подобных – это имена конкретных, вполне реальных предметов. Какова же подлинная роль словообразования с указанной точки зрения?

Чтобы ответить на этот вопрос, представляется целесообразным еще раз рассмотреть линии развития, связывающие производную лексику с непродуцной, а для этого квалифицировать первоначальную непродуцную лексику с точки зрения представленности в ней жестких или же нежестких десигнаторов. Поскольку исследования такого рода отсутствуют, нам показалось важным установить характер соотношения указанных слов хотя бы в одном, отдельно взятом языке, используя для этого один класс слов – существительные, причем тоже не полностью, а выбрав для анализа частотные существительные. Ведь, по-видимому, именно они составляют наиболее представительный и широко употребляемый разряд лексики, релевантный с психолингвистической точки зрения. Распределив около 500 частотных существительных английского языка по семантическим группам (принадлежность слова к отдельной группе определялась в соответствии с дефиницией прямого, номинативного значения слова, данной в словаре) и установив удельный вес каждой из них, мы сочли возможным изобразить полученные данные в виде нозтической карты. Номинативное пространство выглядело при таком подходе (рис. 4) как совокупность участков разного размера, образуемых отдельными семантическими группами: соответственно выбранному масштабу и удельному весу группы в общем пространстве обозначений [см. подробнее: Кварцелия, 1985].

Если же далее рассмотреть связи этой частотной лексики со вторичными значениями, зафиксированными у тех же слов, а также попытаться определить характер деривационных отношений, устанавливаемых между этой, базовой, лексикой и базирующимися на ее основе производными, появляются новые семантические группы и меняется состав базовых.

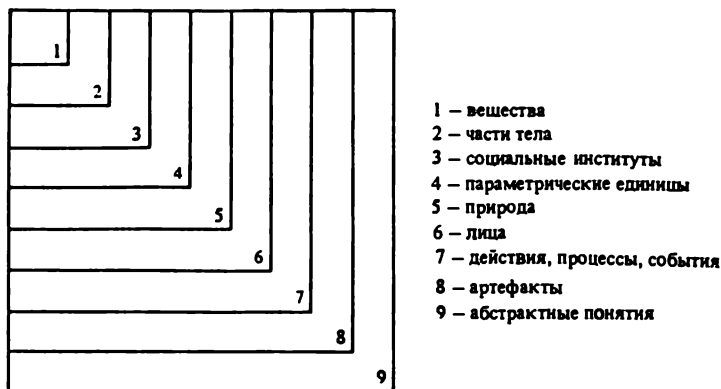

Рис. 4. Основные семантические группы частотных существительных

Появляются, например, названия болезней, новых видов деятельности, названия наук и профессий, более мелких единиц измерения и т.д. Существенно возрастает объем номинальных классов и даже — отчасти — их номенклатура. Но, пожалуй, наиболее радикально преобразуется тот предметный класс слов, который можно объяснить под названием "артефакты". Иначе говоря, производная лексика становится в развитом языке мощным средством обозначения явлений природы, когда нужно детализировать мир флоры и фауны, мир окружающего ландшафта и такие природные феномены, как осадки и т.п. В этом смысле она продолжает создавать жесткие десигнаторы. Производная лексика, с другой стороны, оказывается мощным средством и для обозначения всего создаваемого человеком (сверхприродного), причем как артефактов, так и концептов. В развитии научного аппарата разных теоретических дисциплин словообразование выполняет одновременно и классифицирующую, детализующую, и обобщающую функции, т.е. оно служит как тенденции возможно более детального описания окружающего нас мира, так и тенденции представления его в рамках достаточно общих классификаций и схем [ср.: Кубрякова, 1981; Харитончик, 1986].

Ясно, что одна тенденция удовлетворяется более созданием жестких десигнаторов, а другая, напротив, созданием единиц номинальных классов. Одни членят к тому же окружающий нас видимый и осязаемый мир, другие — скорее мир концептуальный, внутренний, духовный.

В каких же словообразовательных процессах достигается образование жестких, а в каких — нежестких десигнаторов? Специализированы ли в этом отношении указанные процессы? Отчасти, несомненно. По-видимому, здесь вступает в действие присущее уже самому словообразованию деление его на лексическую и синтаксическую деривацию с направленностью первой на создание денотативно-ориентированной лексики и второй — на формирование лексики сигнификативно-ориентированной.

Возможно, что именно в этом свете и надо оценивать оппозицию лексической и синтаксической деривации [ср.: Шатуновский, 1982], но возможно подойти к этой проблеме по-иному, обращаясь к свойству двойной референции производного слова, устанавливающего, как мы уже указывали

раньше, связь и с миром как он есть, и с миром слов. Принадлежность производного слова к классу жестких или же нежестких десигнаторов предопределяется и здесь типичными свойствами последних, называющих либо предметные, либо непредметные сущности, но она связана и с тем, какое начало преобладало в акте номинации по его замыслу: указать на квант, фрагмент мира или же связать между собою слова в тексте. Так, *Мы приехали поздно, и наш поздний приезд*. . . — это типичный пример связывания слов и их сигнификатов. Словообразование всегда служит лексике как тогда, когда словообразовательное моделирование ведет к появлению лексического деривата, так и тогда, когда в результате словообразовательного процесса возникает синтаксический дериват. Однако создание последнего выводит словообразование за рамки служения лексике, ибо оно обретает способность одновременно и служить синтаксису и выполнять в нем свои особые функции. Подавляющее большинство предикатных имен — производные слова, целые их классы. По своей ингерентной природе, по своему устройству и структуре производное слово легче всего и скорее всего становится представителем класса номинальных слов. Для того чтобы оно стало жестким десигнатором, требуются явления лексикализации и идиоматизации. Черника — это не просто черная ягода, а особая разновидность ягод, а подоконник — это далеко не все, что под окном. Но ведь и здесь закрепление жесткой связи между словом и объектом действительности происходит "по установлению".

Среди примарной лексики больше жестких десигнаторов, чем номинальных единиц. Среди лексики производной, напротив, возрастает количество классов нежестких десигнаторов. Целый ряд важнейших значений в языке выражен в рамках производных слов, и, возможно, именно потому, что они способны служить обозначениями результатов чисто концептуальной деятельности человека и давать имена идеально сконструированным объектам, производная лексика и занимает столь заметное и важное место в отображаемой человеком картине мира.

Подведем некоторые итоги. Языковая картина мира — так, как она описывается в настоящем разделе, — рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т.е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира. Мы полагаем тем самым, что в психике или интеллекте человека есть тот своеобразный ментальный уровень, уровень мыслительной деятельности, где человек в ситуации взаимодействия с природой и людьми оперирует разного рода концептами, представлениями, установками и т.п., объединенными в единую оперативную систему. Концептуальная система, это динамическое образование, постоянно находится в состоянии развития и оперативной подвижности. Она постоянно преобразуется под влиянием приходящей извне информации, причем информации, получаемой по разным каналам, а также в результате ее усвоения и переработки мыслящим человеком.

Поскольку мозг человека перерабатывает в ходе предметно-практической и познавательной деятельности информацию, полученную не только вербальным, но и опытным путем, складывающиеся концепты, умения, навыки, схемы обращения с предметами и т.п. тоже могут приобретать не

только вербальную, но и невербальную форму. Это не исключает того, что существеннейшая часть концептуальной системы человека состоит из концептов, известных ему в языковой форме. Проблема ЯКМ понимается в таком случае как проблема вклада языка и языковых категорий в выработку и создание глобальных принципов восприятия и членения мира, как проблема воздействия языка уже не на способы описания мира и отражения наших знаний в языке, а на способы получения знания в процессах категоризации или концептуализации действительности и в формировании целеполагающих начал в такой категоризации.

Если предельно упростить сказанное, можно полагать, что основной задачей в анализе ЯКМ является решение вопроса о том, в чем именно и как упорядоченные сведения о языке и его отдельных единицах и категориях помогают человеку в познании мира вокруг нас, в его членении и, наконец, в общей ориентации в этом мире. Исследование человеческого фактора в языке — это, применительно к понятию ЯКМ, вопрос о том, как оперирует человек вербальными концептами разного типа, какие разновидности таких вербальных концептов даны человеку и какие из них участвуют в его мыслительной деятельности, направляя и регулируя эту деятельность.

Помимо общеизвестных свойств языка служить выражению мыслей человека и налаживанию общения анализ в указанном направлении помогает установлению неких других свойств языка — его организующей и упорядочивающей роли в самом членении и восприятии мира, в активизации сознания на те или иные аспекты и детали действительности. Как пишет Б.А. Серебренников, "человеческий мозг определенным образом типизирует действительность, учитывая объективно существующие общие черты различных предметов и явлений" [Серебренников, 1983, 48]. Роль ЯКМ — прежде всего в этой типизации, и она тем более эффективна, что сам язык в значительной мере строится так, чтобы учесть и отразить эти "объективно существующие общие черты различных предметов и явлений" и чтобы обобщить человеческий опыт по выявлению сходств и различий, тождеств и нетождеств.

По-видимому, можно говорить о разных ипостасях ЯКМ в голове человека: более простой и более сложной. Более простая задается лексикой и известными человеку отдельными обозначениями из готового лексикона: имея готовое обозначение для данной реалии, человек проще соотносит мир действительности с миром своих концептов. Существующее обозначение легко выполняет указующую функцию, относя обозначение к тому или иному референту или классу референтов и т.д. В этой простейшей ЯКМ, связанной с непосредственно известным человеку лексиконном, существуют тоже свои деления и своя сетка ассоциативных связей. Но такая ЯКМ рисуется прежде всего точками, связывающими мир реалий с их отражением в сознании человека, сама же картина более похожа на карту, причем физическую: на нее нанесены рельеф местности — реки, горы, равнины. Чем больше человек знает слов, тем легче ориентируется он в мире вещей и в мире невидимых сущностей. Но такая географическая карта ничего не говорит о "заселении" мира.

Есть поэтому и более сложная ЯКМ₂ (рис. 1), имплицитная всеми семантическими классификациями, принятыми в данном языке и,

значит, существующими здесь ономаσιологическими категориями, с одной стороны, и грамматическими — с другой. Такая ЯКМ создается специфической сеткой категорий, стоящей за употреблением языка и одновременно предопределяющей классификацию множества новых явлений при необходимости сообщить о них другому человеку. В этой своей ипостаси ЯКМ проецируется не только на уже познанное, но и на познаваемое, т.е. на новый опыт человека и способы его фиксации. Подобная ЯКМ может быть, скорее, уподоблена такой географической карте, на которую нанесены государства и города, населенные пункты и области, целые регионы; это карта мира, уже освоенного человеком, и сообразованная с теми преобразованиями, которые внес человек в природу во время своей деятельности.

Как мы пытались показать в настоящем разделе, словообразование важно и для одной, и для другой картин мира. Для организации первой особенно существенно наличие у слов производной лексики собственной внутренней формы, обуславливающей замечательный феномен "память слова". С другой стороны, словообразовательные категории, близкие грамматическим, но с яркой ономаσιологической направленностью, являются активным средством категоризации явлений и их классификации. Благодаря их существованию в концептуальную модель мира проникают концепты высокой степени абстракции, играющие заметную роль в иерархии концептов и их упорядочении. Обобщенный характер ономаσιологических категорий, созданных с помощью словообразовательных средств, их семантическая насыщенность и прозрачность, прагматическая значимость — все эти качества делают их важными "координатами" в ЯКМ, частично предопределяющими стратификацию лексики в целом ряде ее сфер. Не существует специальных словообразовательных моделей, которые бы обозначали человеческие эмоции или явления психики. Но существуют специальные модели абстрактных имен, специальные модели, которые служат для представления обозначаемого в виде единичного предмета или особого коллектива, специальные модели обозначения лиц и профессий, вместилищ, болезней, лекарств, химических веществ с определенным составом и т.д.

Между производной и непроизводной лексикой, сравниваемой по ее отдельным параметрам, особых различий в плане чисто лексическом может, конечно, и не наблюдаться. Но по способу представления значения в рамках слова и по принципам организации указанных слов как особых классов лексики расхождения, несомненно, весьма существенны. О рассмотренном способе представления семантики в пределах производного слова мы подробно сказали выше. Завершая раздел, хочется еще раз подчеркнуть ведущую роль производной лексики в преобразовании и обогащении лексикона, отметить ее особое положение в различных терминологических развивающихся системах лексики, указать на ее значимость в образовании номинальных классов слов, создаваемых языковым определением, наконец, обратить внимание на участие производной лексики как в формировании простой ЯКМ и ее постоянном пополнении, так и в организации и построении более сложной ЯКМ, воздействующей на человека всеми сложившимися в ней семантическими и логическими категориями, в том числе и теми, которые с формальной точки зрения маркированы создавшими их словообразовательными средствами.

Концепты, входящие в концептуальную модель мира, всегда основаны на опыте человека. Включен в нее и опыт обращения с языком. К тому же, поскольку в человеческой деятельности практически нет таких аспектов, которые не были бы так или иначе связаны с языком, многие концепты в ККМ выступают как бы "пропущенные" через языковые выражения и соотнесенные с вербальными формами. В заключение можно поэтому попытаться ответить на вопрос о том, что привносит языковой опыт, связанный со словообразованием, в концептуальную, а не только языковую картину мира. На наш взгляд, словообразование:

1) выполняет своеобразную упорядочивающую и организующую роль, поскольку оно самым непосредственным образом связано с формированием и функционированием в языке ономастических категорий, а значит, и семантических классификаций;

2) создает известные стереотипы для обозначения реалий, подводимых под ту или иную рубрику существующих семантических классификаций;

3) помогает соединить новый опыт со старым, так как словообразовательные модели организованы по принципу выражения определенного типа отношения между величинами, положенными в основу обозначения;

4) помогает хранить опыт человека, зафиксированный внутренней формой слова, передавать его от поколения к поколению благодаря выраженному феномену мотивированности производного слова.

Более того, в современном мире часто создаются реалии, конструируемые мыслями человека и возникающие в силу операций с уже существующими понятиями [Степанов, 1977, 321], они нуждаются в языковом определении, и формированию подобных понятий предшествуют суждения о них. Замечательной особенностью словообразования является наличие моделей перехода от суждения о предмете к его имени. В свою очередь, имена, созданные таким образом (ср. 'тот, кто чистит трубы' → *труболист*; 'тот, кто занимается славянскими языками и литературами' → *славист*; 'покрыть асфальтом' → *асфальтировать* и т.п.), — это уже не просто "точки" в ЯКМ, но своеобразные дескрипции, близкие к аналитическим, описывающие мир и отражающие его оценку говорящим достаточно расчлененно (ср.: *мальчонка, воробушек, синенький платочек* и т.п.).

С указанной точки зрения словообразование и его единицы — это не только ингерентная часть лексикона и даже не только его динамическая, подвижная часть. Это, скорее, определенное звено лексикона, осуществляющее живую связь его с речевыми произведениями, текстами, синтаксисом. В этом качестве словообразование ярко демонстрирует связь суждения и понятия, предложения и базирующегося на нем обозначения, причастность актов номинации ко всей речемыслительной деятельности человека. Изучая словообразование и как процесс наречения действительности с помощью особых приемов и средств, и как результат всех этих процессов, выражающихся в создании производных слов разных типов, мы можем в конечном итоге указать вполне конкретно, в чем именно проявляется влияние языка и ЯКМ со всеми ее формальными средствами моделирования вторичных обозначений на творческую деятельность человека в сфере познания и преобразования мира. Образно говоря, язык подготавливает русло, по которому течет мощный поток человеческой мысли.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Основная задача данного раздела — показать метафору в действии, т.е. раскрыть механизмы метафоризации, приводящие к формированию новых наименований. Как известно, сам термин "метафора" используется в двух значениях — как результат и — реже — как процесс. Именно этот последний, деятельностный аспект метафоры самым непосредственным образом связан с человеческим фактором в языке: благодаря ему в языковых средствах запечатлевается все то национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития.

Общеизвестно, что основная функция любого тропа состоит в образовании некоторого нового понятия и любой троп как "иносказание" (в самом широком понимании этого термина) возбуждает сеть ассоциаций, сквозь которую действительность, воспринимаемая сознанием, воплощается в языковой форме. Ассоциации, возбуждаемые в процессе формирования тропов — метафоры, метонимии, гиперболы и т.п., дают основание, усматривая сходство или смежность между гетерогенными сущностями, устанавливать их аналогию, и прежде всего между элементами физически воспринимаемой действительности и невидимым миром идей и страстей, а также различного рода абстрактными понятиями, создаваемыми разумом в процессе "восхождения" от умозрительного, абстрактного представления о действительности к конкретному ее постижению.

Существуют достаточно общие принципы, в соответствии с которыми сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, организует непредметную действительность по аналогии с пространством и временем мира, данного в непосредственных ощущениях. Так, пространственные координаты осмысляются как высокое или низкое в человеке, то, что впереди осознается как будущее, а оставшееся позади — как прошлое: проявления благородного начала обозначаются посредством прилагательного *высокий* (*высокие чувства, стремления, помыслы*), недобрые замыслы обозначаются как *низкие* и *низменные* (*низменные чувства, низкие побуждения, мысли*); ориентация вправо мыслится как "истинный" путь — *праведный* или *правильный*, как правда; верх воспринимается как кульминация некоторого (обычно приятного) состояния (*быть на верху блаженства, на седьмом небе, в зените славы*), а низ — как символическое пространство "грехопадения" (ср. готовность *провалиться от стыда, сквозь землю*, ср. также *низвергнуть, низложить, опускаться на дно жизни* и т.п.). Как пишет Вяч. Вс. Иванов, "физическая ориентация человека в мире

служит основой для того описания мира, которое закреплено в языке" [Иванов, 1976, 29].

По антропоцентрическому канону создается та "наивная картина мира", которая находит выражение в самой возможности мыслить явления природы или абстрактные понятия как "опредмеченные" константы, как лица или живые существа, обладающие антропоморфными, зооморфными и т.п. качественными, динамическими и ценностными свойствами, например: рус. *Дождь идет*, нем. *Es regnet*, англ. *It is raining*; ср. также: *Червь сомнения подтачивает его волю*; *Сомнение гложет меня*; *Радость охватила мою душу*; *Он настоящий медведь* и т.д. [подробнее см.: Гачев, 1967; Давыдов, 1982; Телия, 1981].

В основе тропических механизмов лежит и антропометрический принцип, согласно которому "человек — мера всех вещей". Этот принцип проявляется в создании эталонов, или стереотипов, которые служат своего рода ориентирами в количественном или качественном восприятии действительности. Так, в русском языке слово *бык* служит и для обозначения здорового, мощного человека, но обычно мужчины, а не женщины или ребенка, отсюда невозможность выражений **Машиа здорова как бык*, **Ребенок здоров как бык*; *осел* употребляется для характеристики упрямства человека, хотя у самого осла вряд ли такой "упрямый" норов, и т.п.

При исследовании картины мира, закреплённой в языке, в той его части, которая организована тропами и их ассоциативными потенциями, необходимо учитывать прежде всего роль каждой из разновидностей тропов, а их, как известно, достаточно много, хотя границы между видами тропов и различного рода фигурами речи провести затруднительно¹. Кроме того, при изучении закреплённого в данном языке описания мира необходимо также выявить не только общие, универсальные принципы организации невидимой действительности, но и закономерности, предпочитаемые тем или иным языком — как самим его строем, так и национально-культурным сознанием его носителей.

Указанную проблему можно решать в двух аспектах — статическом и динамическом, включенном в контекст языковой деятельности [Щерба, 1974]. Первый дает представление о языковой картине мира как результате уже свершившегося процесса. Второй решает проблему, как делается языковой образ действительности средствами того или иного языка. Обращение к материалу одного языка лишает исследователя возможности сопоставления и выявления ярких и неожиданных контрастов и тонких оттенков, но зато это позволяет уловить характерные для данного языкового отображения тенденции, связанные с обычными для определенного языкового коллектива ассоциациями.

¹Отграничение тропов от фигур речи и само разграничение тропов, в котором помимо метафоры были выделены метонимия, синекдоха, гипербола, катахреза и т.д. — всего, по данным разных авторов, от 14 видов (у Квинтилиана) до 37, — было осуществлено еще в эллинистическую эпоху после Аристотеля. Но все же наиболее употребительным и универсальным тропом признается метафора, которая, по мнению Квинтилиана, служит "для поражения ума, сильнеею означения предметов, более наглядного представления того, о чем идет речь" [подробнее см.: Жоль, 1984, 54–62].

Одной из задач исследования является попытка установить и определить основные закономерности метафоризации, описать действие тех механизмов, которые присущи метафоре как тропу. Эта задача связана с необходимостью создания генеративной теории метафоры — необходимостью, которая в настоящее время осознается как у нас, так и за рубежом [см.: Жоль, 1984; Петров, 1985].

Посредством механизмов метафоры на основе сходства некоторых признаков реалии, уже названной в языке, и называемой реалии синтезируется новый идеальный объект — метафорически переосмысленное значение имени с целью наименования новой физически воспринимаемой реалии или явления либо же создания некоторого нового понятия в самом процессе его метафорического именования (ср. *ножка стола*, *козырек крыши*, где новые реалии получили лишь имя, и *замораживание цен* или *луч надежды*, где в акте метафоризации сформировались и сами новые понятия, получившие имя).

Основной целью работы является, таким образом, раскрытие роли метафоры как одного из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира. Эта последняя, как отмечалось выше, обладает свойством "навязывать" говорящим на данном языке специфичный взгляд на мир — взгляд, являющийся результатом того, в частности, что метафорические обозначения, "вплетаясь" в концептуальную систему отражения мира [Павилёнис, 1983, 113—119], "окрашивают" ее в соответствии с национально-культурными традициями и самой способностью языка называть невидимый мир тем или иным способом. Тем самым языковая картина мира, в нашем понимании, во многом обусловлена явлением идиоматичности — как внутриязыковой, так и межъязыковой, но не сводится к ней, так как представляет собой тот продукт речемыслительной деятельности, который вносит семантическое членение (mapping) в действительность, уникальное для любого языка.

Включение в отображение действительности оказывается не только возможным, но даже и необходимым, поскольку язык служит не только целям общения, но и является хранилищем информации, накопленной языковым коллективом, который живет в определенной экологической среде, осваивая ее при сменяющихся, но характерных именно для него социальных условиях, для его культурного и гражданского развития и т.д. Тем самым язык фиксирует практически все, что принято считать национально-культурным достоянием народа — носителя языка. В.И. Ленин неоднократно указывал в разной связи, что язык не только отображает мир, но и творит его, при этом творит с отлетом фантазии, зигзагообразно [т. 29, с. 330].

Так, в наш век атом уже не рассматривается в научной картине как неделимая сущность, но в обиходно-бытовом сознании представление о неделимости атома сохраняется (*до мельчайшего атома*, ср. также сохранение этого представления в выражениях *атомизм восприятия*, *атомистическая концепция* и т.п.); выражения типа *Солнце восходит*, *заходит*, *садится* отражают эллинистическую картину мира эпохи Птолемея, но продолжают использоваться и в наш век; представление о заходе или восходе и в наше время ассоциируется с периодами человеческой

жизни, символами которой считаются звезды, отсюда — *Его звезда закатилась; Он находится в зените славы* и т.п.

Языковая картина мира не обязательно связана с устаревшими представлениями и не сводится к этимологическим рефлексам в значениях языковых сущностей, что характерно в основном для восприятия лингвистов, но не обычных, рядовых носителей языка. Существует много каналов, по которым происходит взаимодействие мышления о мире, языка как как подспорного в этих мыслительных операциях средства и отражаемой действительности. В качестве одного из наиболее распространенных и в то же время наименее заметных проявлений этого взаимодействия можно привести случаи "опредмечивания" грамматическими средствами языка состояний, процессов и качеств (ср. *надеяться* и *надежда*, *решать* и *решение*, *умный* и *ум* и т.п.). Механизмы синтаксической транспозиции в сфере обозначения физически воспринимаемой действительности служат, видимо, только целям экономии языкового кода, выступая как "свертки" высказывания, в котором они играют роль предиката (ср.: *Он бежит красиво, и это восхищает знатоков* ↔ *Его красивый бег вызывает восхищение у знатоков*, где ясно видна экономия речевых усилий за счет опредмечивания высказывания *Он бежит красиво*). При означивании непредметных сущностей чаще всего действует транспозиция лексико-синтаксическая, которая не только меняет знак функции [Балли, 1955, 130–131], но и позволяет мыслить события, факты, качества и явления как некоторые аналоги предметов в невидимом мире. Так, в высказываниях типа *Дикая злоба охватила его; То, что его авторитет лопнул, никого не удивило; Тяжелые мысли не давали ему покоя* и т.д. само синтаксическое построение, в котором в позиции агента действия выступает имя, абстрактное по своему содержанию, а в качестве сказуемого — глагол, ассоциируемый с физическим действием, сама языковая организация мысли "навязывает" такую ее интерпретацию, согласно которой злость активна, она сильнее человека (*охватывает* его, а кроме того, может еще и мучить — *душить, бесить* и т.п., но ее можно и *побороть, преодолеть* и т.д.).

Необходимо обратить особое внимание на то, что в высказываниях типа: *Прилив злости (или чувств) нахлынул на него; Сфера ее деятельности непрестанно расширялась; Горькие мысли притупились, и он погрузился в глубокий сон* и т.п. — метафорические обозначения на поверхностно-синтаксическом уровне согласуются по их "буквальному" значению, а на глубинно-синтаксическом — по смыслу, соответствующему номинативному аспекту высказывания. Эти планы метафоры образуют ее вербальный ассоциативный потенциал, т.е. те связи, которые исходят и из "буквального" значения метафоры, и из ее реального смыслового результата.

Такого рода навязывание способа представления действительности и мышления о ней в определенном вербально-ассоциативном диапазоне (грамматическом, лексическом и синтаксическом), конечно же, не заслоняет истинного понимания происходящего. Однако нельзя отрицать и того (в свете сказанного выше), что язык — его инвентарь и правила комбинации — подключает к концептуальной модели мира, т.е. к его собственному понятийному [Павилёнис, 1983] отображению, и "наивную" картину мира, свойственную обиходному сознанию, а кроме того, еще и естест-

венную логику языка². Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Он придает ей и собственно человеческую — антропоцентрическую — интерпретацию, в которой существенную роль играет и антропометричность, т.е. соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно определенных стереотипов (к последним, например, относятся представления о лисе как о хитром животном, о камне как эталоне бесчувствия, о твердости как непоколебимости, о рабе как "образце" безволия и т.д.).

Мы не беремся обсуждать здесь гносеологические проблемы, связанные с вопросом о самой возможности национальной окраски понятий, о языковой призме, через которую преломляется видение универсума в некоторых его участках в соответствии с задаваемой языком точкой зрения на объект, а также с вопросом о том, в какой степени язык влияет на мировоззрение народа — носителя данного языка. Все эти проблемы лежат в иной плоскости, нежели предпринимаемая в данном разделе попытка рассмотреть, как языковая компетенция включается в концептуальную модель мира посредством метафоры. Однако необходимо заметить, что создавшаяся в результате такого включения языковая картина мира не дополняет, как считает ряд исследователей, некоторое "ядро" этой концептуальной системы и не служит ее "периферией" [Брутян, 1968; 1973; Васильев, 1974; Колшанский, 1975]. То, что принято называть языковой картиной мира, — это информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носителя данного языка.

~~Все эти составляющие языковую картину мира элементы, конструкции и ассоциируемые с ними поля представлений не просто "осколки" прежних концептуально-языковых систем или эмотивные "добавки" к бесстрастной концептуальной модели реальности. Эти средства, служащие материалом для формирования новых понятий, перерабатываются сознанием человека, творящим новые гносеологические образы элементов действительности. При этом в сфере отражения невидимого мира основной массив этих образов произведен именно при опоре на языковые~~

² Как считает Дж. Лаков, "естественная логика является теорией логической структуры предложений естественного языка и тех закономерностей, которые лежат в основе того, что понимается под правильным рассуждением, осуществляемым на этом языке (везде разрядка наша. — В.Т.). Она является теорией о человеческом мышлении, а не теорией об универсуме. Если естественная логика требует семантики возможных миров, то это означает, что люди понимают вещи в терминах возможных миров, а не то, что физический универсум содержит возможные миры... Хотя естественная логика, если ее можно было бы построить, не делала бы допущений относительно того, каков универсум, она делала бы допущения о том, как человеческие существа понимают универсум" [Lakoff, 1972. 649]. Из приведенного высказывания ясно, какое большое значение приходится в современных логико-философских направлениях языку, поскольку именно он "встраивается" в понятийное отображение универсума, привнося с собой и элементы языкового членения мира в само миропонимание.

сущности. Достаточно отметить, что такие, например, абстрактные понятия, как "добро", "сомнение", "решение", "воля", "долг" и т.п., не только сконструированы человеком как константы его внутреннего мира, но и получили развитие и детализацию при непосредственном участии вербально-ассоциативных механизмов. Ср., например, *искоренить добро* (или *зло*), где вскрывается осознание того, что эти сущности как бы имеют корни, т.е. что их причина достаточно постоянна (воспроизводима); в высказывании *Сомнение закралось в ее душу* очевидна ассоциация сомнения с чем-то затаенным, в сочетании *червь сомнения* — с чем-то разъедающим. Аналогичный образ можно продолжить на примере сочетаний *потерять волю, воспитывать (в себе) волю (к победе), железная воля; сети заговора, цепь неудач, луч надежды, сын народа* и т.д. Здесь не только метафорические обозначения, но и сами опорные наименования "проясняют" свою смысловую потенцию в данных комбинациях. И такие комбинации — не уникальные и случайные соединения: как правило, они составляют регулярные по смыслу парадигмы при опорных наименованиях. Ср. общий смысл "место", где протекает деятельность и его выражение: *поле деятельности, арена борьбы, сфера влияния, область исследования*, а также *на дне души, в глубине сознания* и т.д. При этом ограничения в сочетании тех или иных слов обычно осмысленны. То, например, что *долг* не может сочетаться со словом *низкий* (ср. *высокий долг*), показывает, что это понятие включает в себя осознание обязанности делать добро как этическую норму, а то, что поступок может быть интерпретирован как *низкий*, но не определяется словами типа *высокий, почетный* и т.п., говорит об отсутствии в этом понятии связи с нравственной "высотой".

Необходимо отметить также, что языковая картина мира создается красками так называемой конкретной лексики и опредмечиванием процессуальных значений, а также использованием синтаксических конструкций, изначально отображавших отношения между элементами предметно воспринимаемой действительности, в том числе и лицами как производителями физических действий. В качестве иллюстрации, дополняющей приведенные выше примеры и подкрепляющей сказанное, приведем фрагмент из научно-популярного текста, автор которого широко использует метафорические приемы с целью более тонко "отточить" смысл излагаемого: "И антиреспубликанская пропаганда в классе, и *обрамляющая фильм* сцена бомбардировки... *плод* непосредственных детских впечатлений автора, включенных в сложную структуру ленты. Религиозное образование и *окружение*, неизбежные для испанца тех лет, способствовали *обострению* непримиримости будущего режиссера ко всякому *духовному гнету*, его *тяги* к высвобождению, которая под постоянным *давлением* извне *приобретала* сложный, внутренне противоречивый характер... Чтобы говорить о проблемах *остро* современных, *жгучих* и *болезненных*, необходимо было *прибегать к эзопову языку* и учить своего зрителя воспринимать... *глубинный смысл картины*" (К. Разлогов. Карлос Саура — *траектория исканий*. — Искусство кино. 1985. № 3. С. 116). Все выделенные курсивом в данном отрывке слова и сочетания — плод вторичной номинации, что ясно показывает роль метафоры и других тропов в пополнении лексики, обслуживающей невидимый мир.

Итак, проблема языковой картины мира теснейшим образом связана

с проблемой метафоры как одним из способов ее создания. При этом языковая картина мира служит прежде всего целям выражения концептуальной картины. И именно к форме выражения относятся все те языковые механизмы, которые организуют языковую картину мира. Но поскольку форма безразлична к содержанию, то и языковая картина мира самым непосредственным образом влияет на содержательный аспект отображения действительности. Как отмечает В.И. Поставалова в разделе "Картина мира в жизнедеятельности человека" настоящей книги, картина мира в целом, «не может быть выполнена в "языке", незнакомом человеку... Картина мира ни в коей мере не должна быть и стенограммой знаний о мире». И далее: она «не есть зеркальное отображение мира и не открытое "окно" в мир, а именно картина, т.е. интерпретация, акт миропонимания... она зависит от призмы, через которую совершается мировидение».

Роль такой призмы наиболее успешно выполняется метафорой, поскольку она способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы. В этом переосмыслении образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями, которые предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких "оттенков" смысла. Само обращение к метафоре, по мнению С.С. Гусева, изучавшего роль метафоры в науке и научной картине мира [Гусев, 1984], объясняется не интеллектуальным бессилием человека, а тем, что она способна служить средством получения нового знания, создавая мощное ассоциативное поле с помощью ограниченного диапазона средств выразительности, в частности образов или символов.

Итак, мы исходим из допущения о том, что языковая картина мира — это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации. Сама метафора языковая картина мира говорит о том, что используемые при формировании понятий вербально-языковые и образные ассоциации и технические средства языка не исчезают бесследно, а придают этим понятиям именно языковую окраску. Последняя входит в их содержание в форме различного рода более или менее устойчивых коннотаций, указывающих на языковой источник формирования гносеологического образа, "привязывая" его тем самым к данному языку.

Языковая картина мира, оснащенная метафорами, может угасать, не может долгое время сохраняться (ср., например, выражения типа *родиться под счастливой звездой, коса смерти, нести свой крест, море слез* и т.п.), однако это не мешает объективному отображению действительности, поскольку эта картина узнается именно как картина и, как всякая метафора, расшифровывается (ср. приведенный выше отрывок о творчестве режиссера К. Сауры, где все метафоры, надо полагать, легко разгадываются в тексте). Эта расшифровка не составляет особой трудности, особенно в тех случаях, когда метафора оперирует обычными для носителей данного языка ассоциациями, тем более что слова и сочетания слов как краски для этой картины реализуются в текстах, отображающих достаточно крупные фрагменты мира и его концептуальной модели.

Языковая картина мира не имеет, таким образом, четких границ, поэтому ее место относительно собственно концептуальной модели мира не может быть определено как периферия. Поскольку метафора как инструмент создания языковой картины мира употребляется достаточно широко, нам представляется более приемлемым постулат о релятивизации языковой картины мира относительно концептуальной его модели. Эта соотносительность является результатом манипуляции языковыми средствами и их интерпретационным использованием при выражении свойств элементов концептуальной системы и заполнения ее лакун [подробнее см.: Павлѐнис, 1983, 100–120]. В самом деле, такие метафоры, как *движение материи, течение времени, тело, частица* и т.п., проникли в концептуальную сердцевину научной картины мира, которая не может обойтись и без многих других понятий, сформировавшихся при помощи метафоры [см., например: Петров, 1982; 1985; Гусев, 1984].

Можно сказать, что языковая картина мира осознается во всех тех сферах отображения и обозначения действительности, в которых для формирования новых концептов использовались уже существующие в языке средства. А это — вся продукция вторичной номинации. Подробнее об этих сферах будет сказано ниже, здесь же следует отметить, что они принадлежат в своем большинстве не физически воспринимаемому миру, изначальному для деятельности человека и формирования его языкового сознания, а тем областям "действительного", которые постигаются умозрительно, создавая совокупность объективных знаний [Поппер, 1983, 439 — 492].

В том, что этот непредметный мир моделируется при помощи метафоры и по образу и подобию предметного мира, самую существенную роль играет человеческий фактор. Человек может представить нечто в мире как соизмеримое с его возможностями восприятия и ценностной ориентации. "Вторичный" мир возникает не иначе, как в результате интерпретации познающим индивидом фактов в их отвлечении от предметной реальности. Но это отвлечение вновь конкретизируется через соизмерение с образным восприятием каких-то черт этого мира, со стереотипами, функционирующими в данной культуре, и даже с мифическими представлениями. Именно поэтому метафора, способная совмещать в себе абстрактное и конкретное, т.е. логические сущности разных порядков, и синтезировать такого рода сведения в новые концепты, может рассматриваться как механизм, который приводит во взаимодействие и познавательные процессы, и эмпирический опыт, и культурное достояние коллектива, и его языковую компетенцию, чтобы отобразить в языковой форме чувственные воспринимаемые объекты и сделать наглядной невидимую картину мира — создать ее языковую картину, воспринимаемую за счет вербально-образных ассоциаций составляющих ее слов и выражений.

МЕТАФОРА КАК МОДЕЛЬ И ЕЕ СМЫСЛОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ

По существу метафора является моделью, выполняющей в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, но только более сложную и к тому же действующую "скрыто" и нестандартно.

Синтезирующий характер метафорических процессов связан с целе-

полагающей деятельностью ее субъекта — "творца метафоры". Эта деятельность ориентирована не только на заполнение понятийных лакун и номинацию, но и на прагматический эффект, который метафора вызывает у реципиента. В свою очередь фактор адресата обязывает создающего метафору прогнозировать ее понимание при выборе тех признаков подобия в уже названной реалии и той реалии, которая получает это имя. При этом создатель метафоры апеллирует к образно-ассоциативным комплексам этих реалий.

Оперирование с образными сущностями не может не привести в метафоризацию субъективности их восприятия, не внести в новое значение следов того вспомогательного образа, который ассоциируется с "буквальным" значением переосмысливаемого слова или сочетания. И это передает в новое значение рефлекс человеческого фактора, ярче всего проявляющиеся в самом отборе исходного значения. Например, для обозначения такого явления, как совокупность производных от одного корня, было избрано слово *гнездо*, так как его значение ассоциативно вызывает представление о причастности некоторой совокупности особей к одному семейству (ср. также *вражеское гнездо*, где были актуализированы ассоциации, касающиеся сообщества, или *пулеметное гнездо*, где мотивом послужило представление об укрытии и т.д.). Еще более яркое образное осознание переноса имени характерно для таких наименований, которые сохраняют образную мотивацию как специфическую черту семантики: речь идет о словах, сочетаниях слов и идиомах типа *змея*, *пень* (о человеке), *трещать*, *бубнить* (о манере речи), ср. также: *раб страстей*, *червь сомнения*, *лопнуть от зависти* или *держат в ежовых рукавицах*, *возносить до небес* и т.п.

Из приведенных примеров видно, что метафоризация является универсальным средством пополнения языкового инвентаря — как лексического, так и грамматического, формирующегося в процессах вторичной номинации — автономной, когда семантическая транспозиция ограничивается переосмыслением отдельной языковой единицы (слова, аффикса, конструкции), к с в е н н о й, при которой одна языковая единица переосмысливается при опоре на смысловое содержание другой, номинативно доминирующей в данном процессе (как в случаях типа *чаши терпения*, *сыны степей*; *потерять власть*, *бросать упреки*; *железная воля*, *черная зависть* и т.п.), и в актах идиомообразования, когда речь может идти в самом общем случае о переосмыслении некоторого сочетания на основе тех или иных ассоциаций и вызываемого ими образа (ср. *носить на руках кого-л.* 'проявлять бережное отношение, почитать и оберегать от неприятностей' или 'баловать, выполнять все прихоти'; *травленный* или *старый волк* 'человек, приобретший опыт, знания, испытывавший в жизни много невзгод, лишений'. Идиомообразование возможно и при заведомой алогичности сочетания, создающей тем не менее смысловую амальгаму из-за метафорического прочтения данного сочетания (*писать на воде вилами*, *из кожи вон лезть* и даже *сгнуть, скрутить кого-л. в бараний рог*).

Безусловно, метафора — далеко не единственный способ вторичной номинации. Продуктивна и метонимия, равно как и синекдоха. Однако эти тропы более "реалистичны", чем метафора: они оперируют не образно-

ассоциативным подобием, а реальной смежностью, соположением обозначаемых или их парциальностью. Хотя образность не чужда и этим средствам (ср. *рано и до петухов*; *Девушка в синей шапочке ушла* и *Синяя шапочка ушла* и т.п.), обращение к ним не нуждается в гипотезах о подобии, в допущении фиктивности исходного образа, поскольку он и в реальности сохраняет ассоциативную смежность с новым обозначаемым. Метафора же нуждается в допущении сходства, не всегда очевидного, а чаще всего фиктивного (ср. приведенное выше слово *гнездо*, а также *бревно*, *коломенская верста*, *острый язык*, *нахлынули волной воспоминания*, *широкое поле деятельности простиралось перед кем-л.* — q свойствах и состояниях человека). Именно в этом отношении — "подмечать сходство" (Аристотель) — метафора в большей степени, чем другие тропы, связана с познавательной деятельностью человека.

Свойство механизмов метафоры сопоставлять, а затем и синтезировать сущности, соотносимые с разными логическими порядками, обуславливает ее продуктивность как средства создания новых наименований, особенно в сфере обозначения объектов невидимого мира. И в этом важную роль играет наиболее характерный для метафоры параметр — ее антропометричность. Последняя выражается в том, как уже отмечалось выше, что сам выбор того или иного основания для метафоры связан со способностью человека соизмерять все новое для него (в том числе и реально несоизмеримое) по своему образу и подобию или же по пространственно воспринимаемым объектам, с которыми человек имеет дело в практическом опыте. Такое соизмерение как бы уравнивает конкретное и абстрактное, доступное непосредственному ощущению и умопостигаемое, действительно существующее и вымышленное, аморфное еще представление о чем-то и представление, уже ставшее стереотипом, как эталон или символ (в различных картинах мира — научной, обиходной, мифической в разных их исторических срезях). Так, например, в метафоре возможно уподобление понятия о чуть заметном увеличении вероятности осуществления того, на что надеется субъект некоторой ситуации, — *луч*, *проблеск (надежды)*, отождествление неприятного осознания конфликта с совестью как *укола* или *угрызения (совести)*, синтез представления о глупости и свойств пробки (*Он — настоящая пробка*), восприятие ситуации пустых разговоров через такие образы-стереотипы, как *болтать*, *трещать*, *молоть языком*, человек привык считать, что сердце — орган любви, сострадания и т.п., а глаза — зеркало души и т.д.

Антропометричность метафоры и придает ей способность служить средством создания языковой картины мира изначально в высказываниях о нем, а затем в тезаурусе носителей языка (личностном или нормативно-санкционированном), всегда служащем не только хранилищем самих этих вербализованных средств, но и их ассоциативных потенций.

Думается, что исследование способов переосмысления, характерных для других тропов, выявит иные формы и принципы организации языковой картины мира и ее роли в национально-культурных особенностях коммуникативной деятельности. Так, например, оксюморон вносит в эту картину парадоксальность, способствующую прагматическому эффекту

[Павлович, 1979], гипербола и литота акцентируют важное или незначительное — то, что вызывает уважение или пейоративное отношение субъекта речи (ср. *большой труд* и *мелкие дела, занятия, косяк сажень в плечах* и *от горшка три вершка* и т.п.). Но введение данных о всех возможных способах формирования языковой картины мира не изменит, как представляется, характерных для нее принципов организации — антропоцентричности и антропометричности, а именно способности человека познавать, отображать и "языковлать" мир идей, страстей, этических установок и межличностных отношений разного рода в соизмерении с физически ощущаемой действительностью и с привычным для человека ее масштабом.

Описать технику метафоры, т.е. то, как она организует новое значение, — значит описать метафору как модель, аналогичную словообразовательным или синтаксическим моделям. Однако модель метафоры — еще более сложный механизм, поскольку он порождает совершенно новые языковые объекты не только репродукцией комбинаторно переменных единиц, но и путем взаимодействия гетерогенных сущностей, участвующих в метафорическом синтезе. Так, в метафорических сочетаниях типа *поле деятельности, область интересов, сфера влияния* и т.п. или *перст судьбы, когти смерти, голос совести* и др. можно выделить их регулярное смысловое содержание: 'как бы место распространения некоторой деятельности' либо 'как бы инструмент некоторого одушевляемого события'. Кроме того, в этих сочетаниях осуществляются отбор, выравнивание и синтез гетерогенных по природе признаков, характерных для "настоящих" локативов типа *поле, область, сфера*, и понятия деятельности, а также для признаков слов с идентифицирующим типом семантики типа *перст, когти, голос* и отвлеченного концептуального содержания слов типа *судьба, смерть, совесть* и т.д.

Примеры подобного рода показывают, что метафора как процесс всегда богаче, чем простое сравнение. И не случайно взгляд на метафору как на сравнение в настоящее время сменяется объяснением ее как метафорического процесса на основе аналогии. Так, еще Г. Шпет писал: "Надо сразу же отметить как необыкновенно узкое и упрощающее действительное положение вещей то убеждение, что, например, метафора возникает из сравнения, если, конечно, не расширять само понятие сравнения до любого сопоставления" [Шпет, 1922, 34]. Думается, что "нерв" метафоры — некое уподобление, имеющее в исходе сопоставление, которое соизмеряет не целостные объекты, а некоторые сходные их признаки, устанавливая подобие на основе совпадения по этим признакам и гипотезы о возможности совпадения по другим, попадающим в этом сопоставлении в фокус внимания [Уемов, 1970].

В настоящее время наиболее популярной как на Западе, так и у нас является концепция метафоры, получившая название интеракционистской (an interaction theory of metaphor). Согласно этой концепции, в той ее версии, которая принадлежит М. Блэку, метафоризация протекает как процесс, в котором взаимодействуют два объекта, или две сущности, и две операции, посредством которых осуществляется взаимодействие. Одна из этих сущностей — это тот объект, который обозначается метафорически (primary subject). Вторая сущность — вспомогательный объект

(secondary, subsidiary subject), который соотносим с обозначаемым уже готового языкового наименования. Эта сущность и используется как фильтр при формировании представления о первой. Каждая из взаимодействующих сущностей привносит в результат процесса свои системы ассоциаций, обычные в случае стандартного употребления языка, что и обеспечивает распознавание говорящими на данном языке метафорического смысла. При этом метафоризация предполагает и некоторый смысловой контейнер, или контекст (для грамматики слушающего), в котором как бы фокусируются релевантные для обозначения первой сущности черты, в чем и состоит метафорическое взаимодействие "участников" метафоризации. Понятия о фильтре и фокусе сближают описание этого процесса с чтением на иностранном языке, когда не все слова понятны, но тем не менее ясно, о чем идет речь.

Указанные сущности (в концепции Блэка это — внеязыковые объекты, или референты), взаимодействуя в когнитивных процессах фильтрации и фокусирования, образуют новую систему признаков, составляющую новое концептуальное содержание, воплощаемое в новом же значении используемого в метафоре имени, которое воспринимается одновременно и в "буквальном" его значении — в изолированном предъявлении [Black, 1962; 1979].

Концепция Блэка получила широкий резонанс в логико-философских направлениях анализа языка, о чем свидетельствуют сборники, в которых содержатся работы, так или иначе развивающие эту концепцию [Metaphor and thought, 1979; Metaphor: problems and perspectives, 1982]. Плодотворной признается сама идея интеракции, поскольку она позволяет наблюдать метафору в действии. Эта идея разрабатывается в рамках понятийной теории значения и другим западным авторитетом в области метафоры — И. Ричардсом, который в отличие от М. Блэка, оперирующего понятием сущности (объекта, референта), предпочитает моделирование метафорического процесса как взаимодействия "двух мыслей о двух различных вещах. Причем эти мысли, возникая одновременно, выражаются с помощью одного слова или выражения, значение которого есть результат их взаимодействия" [Richards, 1936, 90]. Интересно отметить, что "основа" (т.е. формирующееся представление о новом объекте) создает референцию, а "носитель" (т.е. вспомогательный объект метафоры как определенное языковое выражение с его "буквальным" значением) задает смысл — тот способ, каким мыслится новый объект.

Концепция, предложенная Ричардсом, представляет значительный интерес именно для лингвистики, так как позволяет оперировать не только идеей о взаимодействии двух объектов (референтов), но и таким фактом, как мыслительное их отражение, возбуждающее те ассоциативно-образные представления, которые также входят в новое понятие (подробнее о лингвологических "грамматиках метафоры", их достоинствах и просчетах см. [Жоль, 1984; Петров, 1985], где дан глубокий анализ современных зарубежных теорий метафоры).

То внимание, которое уделено в настоящем разделе логической стороне метафоры, не случайно: именно лингвологический синтез может, на наш взгляд, привести к конструктивному (модельному) описанию метафорического процесса как основного способа создания языковой картины мира

в актах вторичной номинации³. И главное в такой лингвологической грамматике метафоры — это включение в нее собственно человеческого фактора. Он и привносит в метафоризацию тот этно-, социо-, психолингвистический комплекс, который позволяет вопреки логическим запретам соединять в метафоре и синтезировать конкретное и абстрактное, логику первого и второго порядков, гипотетичность и реальность, репродуктивно-ассоциативное и креативное мышление.

Мы предлагаем рассматривать метафору как модель смыслопреобразования на основе лингвологической грамматики с привнесением в эту модель тех компонентов, которые дополняют ее сведениями о гипотетичности метафоры и антропометричности самой интеракции, в ходе которой и формируется новое значение.

В качестве основания для анализа метафорической интеракции может выступать номинативный ее аспект, ибо метафора — это всегда употребление уже готового языкового средства наименования как способа создания нового его значения. В метафорической интеракции участвуют по крайней мере три комплекса, гетерогенных по своей природе.

Первый комплекс — это основание метафоры как мысль о мире (предмете, событии, свойстве и т.п.). Она изначально выступает скорее всего во внутренней речи, т.е. еще в довербальной форме [Жинкин, 1964; Серебренников, 1983, 76–104]. Так, формируя идею актантной рамки и ее роли в структуре предложения, Л. Теньер мыслил ее как некоторое действие, Л. Витгенштейн — как нечто касающееся действительности, Г. Фреге — как что-то постоянное с меняющимися переменными величинами.

Второй комплекс, участвующий в интеракции, — это некое образное представление о вспомогательной сущности. Но оно актуализируется в метафоре только в той ее части, которая соизмерима с формирующейся мыслью о мире как по содержанию, так и по подобию, соответствующему антропометричности создаваемого представления и самой возможностью уподобления на основе допускаемого сходства. Как известно, Л. Теньер уподобил предложение маленькой драме, которая разыгрывается между ее участниками, Л. Витгенштейн предпочел образ чего-то спрутообразного, щупальца которого касаются реалий-референтов, Г. Фреге также не избегал образно-ассоциативного подобию, вводя понятие насыщенности предикатов как их отличительной от предметов черты. Актуализация этих представлений (о драме, спруте, ненасыщенности) осуществляется либо за счет "обычных" ассоциаций, либо на основе "личностных

³ В настоящее время логическая грамматика метафоры все более разделяется на два направления. Одно продолжает исследование собственно когнитивных процессов в метафоре (см. статьи М. Блэка, Д. Гентнера, Дж. Мартина и Р. Аппе [Metaphor: Problems and perspectives, 1982; см. также: Masscoymak, 1976; Петров, 1982; 1985; Жоль, 1984]). Другое направление развивает в рамках теории интеракции традиции аристотелевской риторики и интересуется его скорее художественно-эстетическая функция метафоры, нежели когнитивная [Richards, 1936] (см. также статьи М.Дж. Эптера, Р. Туранго, Ф. Мура, С.Х. Ольсена [Metaphor: Problems and perspectives, 1982] и работы советских исследователей, тяготеющих к лингвостилистической трактовке метафоры [Левин, 1965; 1969; Некрасова, 1975]). Рассмотрению метафоры с точки зрения ее коммуникативно-функциональной роли посвящен ряд работ Н.Д. Арутюновой [1978; 1979].

тезаурусов" [Караулов, 1985, 13]. Так, например, в метафоре *щупальца* (об акантах) "в окно сознания" входят те черты реального объекта, которые связаны с прикосновением к чему-либо. Ассоциации этого типа скорее всего имеют онтологический (энциклопедический), а не вербально-семантический статус (так, в метафоре *осел* признак упрямства или глупости принадлежит не уровню значения слова, а обиходно-бытовому представлению о повадках этого животного).

Т р е т ь и й к о м п л е к с — это само значение переосмысливаемого при посредстве метафоризации имени. Оно играет роль посредника между первыми двумя комплексами. С одной стороны, оно вводит в метафору само образное представление, соотносимое с референтом данного значения, а с другой — действует как фильтр, т.е. организует смысл нового понятия. Кроме того, значение переосмысливаемого слова оснащено собственно вербальными ассоциациями, которые также небезразличны для интеракции. Например, метафоры типа *время бежит*, *застыло* и т.п. обязаны своему возникновению не только образно-ассоциативному комплексу, соотносимо с референтами этих слов, но и синонимическим связям исходной метафоры *время идет* или *стоит на месте* и т.п.

Итак, можно предположить, что метафоризация — это процесс такого взаимодействия указанных сущностей и операций, которое приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысливаемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь "вплетается" и в картину мира, выражаемую языком.

То, что в процессе метафоризации актуализируются одни признаки и редуцируются другие во всех трех взаимодействующих комплексах, выделенных выше, — факт сам по себе достаточно тривиальный. Важно обратить внимание на другое: как, посредством какого допущения эти признаки, принадлежащие разным "уровням" отображения действительности, соизмеряются субъектом метафоры и как соответственно ее адресат полностью осознает ее "буквальное" значение.

И техника метафоры, и стихийность, simultанность метафорического процесса во многом продолжают оставаться под покровом тайны, потому что метафора еще не исследовалась ни в онто-, ни в филогенезе (исключением здесь можно считать работу Л.Г. Голда [Oalda, 1984]). Все, что пишется о метафоре, является скорее ее "синхрогенезом" [Караулов, 1985]. Но даже и с этой точки зрения очевидно, что метафоризация начинается с допущения о подобии (или сходстве) формирующегося понятия о реалии и некоторого в чем-то сходного с ней "конкретного" образно-ассоциативного представления о другой реалии. Это допущение, которое мы считаем основным для метафоризации и основанием ее антропометричности, является м о д у с о м м е т а ф о р ы, которому можно придать статус кантовского принципа фиктивности, смысл которого выражается в форме "как если бы" [подробнее см.: Жоль, 1984, 127 и след.].

Именно модус фиктивности приводит в динамическое состояние знание о мире, образно-ассоциативное представление, вызываемое этим знанием, и уже готовое значение, которые и взаимодействуют в процессе

метафоризации. Этот модус дает возможность уподобления логически не сопоставимых и онтологически несходных сущностей: без допущения, что *X есть как бы Y*, невозможна никакая метафора. С этого допущения и начинается то движение мысли, которое ищет подобия, выстраивая его затем в аналогию, а потом уже синтезирует новое понятие, получающее на основе метафоры форму языкового значения. Модус фиктивности и есть "сказуемое" метафоры: разгадка метафоры – это понимание того, в каком модусе предлагается воспринимать ее "буквальное" значение. Итак, модус фиктивности – это средостение метафоры как процесса, его результата, пока он осознается как продукт метафоры.

Модус фиктивности обеспечивает "перескок" с реального на гипотетическое, т.е. принимаемое в качестве допущения, отображения действительности, и поэтому он неперемное условие всех метафорических процессов. Без него просто невозможно было бы представить процессы метафорической номинации, протекающие в области обозначения невидимого мира. В этой связи уместно напомнить, что еще Кант отмечал, что придать наглядность, сделать достойными сферы ощущений "идеи разума" невозможно, но человек преодолевает это путем придания им символической наглядности. «Человек всегда, – пишет К.К. Жоль, – стремится абстрактное интерпретировать в терминах чувственного опыта, соотнося трансцендентное со своим жизненным опытом посредством аналогии, сопровождая ее (при наличии критического подхода) использованием „п р и н ц и п а ф и к т и в н о с т и” (разрядка наша. – В.Т.) (als ob – как если бы). Особенно полон косвенными изображениями по аналогии наш обычный разговорный язык» [Жоль, 1984, 127].

Без использования принципа фиктивности невозможны были бы, как представляется, те переходы "из вида в род, или из рода в вид, или по аналогии", о которых писал Аристотель [1936]. А право нарушать эти логические границы дает способность человека допускать подобие гетерогенных сущностей в качестве гипотезы о некоторых как бы реальных чертах их сходства, дающих основание для выстраивания аналогии. Именно модус фиктивности придает метафоре статус модели получения гипотетико-выводного знания. Это обеспечивает и необычайную продуктивность метафоры среди других тропических способов получения нового знания о мире в любой области – научной, обиходно-бытовой, художественной. Чтобы прояснить сказанное, приведем ряд примеров.

Возможность назвать орудие письма *пером* была заложена в самой реальности: это *п е р е н о с н а з в а н и я*, связанный с изменением (а точнее – обретением) новой функции предмета [Шмелев, 1977, 103–105]. Когда же это орудие было названо *ручкой*, был совершен логически некорректный "перескок" из рода в род (часть тела → орудие). Но он мотивирован (хотя и достаточно сложно – с участием метонимии 'то, что приводит в действие орудие' → 'само орудие'), а главное – антропометрически оправдан: орудие для письма предлагалось "творцом" этой метафоры мыслить 'как если бы это была рука'. Нетрудно дополнить примеры подобного рода: принцип фиктивности лежит и в основе сопоставления структуры предложения и *дерева* (зависимостей) в генеративной грамматике, языка и *организма* (по Шлейхеру), а также поступательного движе-

ния мысли и *шага* (ср. описание некоторых процедур моделирования объекта в научном описании как шагов) и т.п. Только при допущении о возможном сходстве "тонкости" слуха и зрения могли сформироваться оценочные метафоры *острый слух, острое зрение*. В еще большей степени "фантастичны" уподобления человека и животных (что, видимо, восходит еще к мифическому мировидению), а также абстрактных понятий и живых существ. Без осознания принципа фиктивности мир выглядел бы так же "кошмарно", как он изображен на полотнах Босха. Ср. в этой связи выражения типа *залезть в бутылку, согнуть в бараний рог* или *в три погребели, червь сомнения, сомнение гложет* или *осел, бревно, дубина* в приложении к человеку. Особенно разнообразна в формах проявления принципа фиктивности образная метафора, рисующая мир как инобытие: *Дали слезы, дни безгневны, Сомкнуты уста. В непробудном сне царевны Синева пуста* (А. Блок).

Таким образом, особенностью и отличительным признаком метафоры, делающим ее средством создания языковой картины мира, является принцип фиктивности, действующий в ней вкупе с антропометричностью, которая столь характерна для осознания человеком себя мерой всех вещей. Именно эти свойства позволяют совмещать в метафоре сущности разных логических порядков и онтологически гетерогенных.

Допущение на основе принципа фиктивности гипотетического подобия раскрепощает творца метафоры, и он переходит на тот уровень соизмерения нового и уже известного, где возможными оказываются любое сопоставление и любая аналогия, соответствующие представлению о действительности в личностном тезаурусе носителя языка. Как пишет Ю.Н. Караулов, относя этот тезаурус к уровню, промежуточному "между семантикой и гносеологией", «употребляемое иногда для обозначения способа упорядочения знаний сочетание „картина мира“ при всей кажущейся метафоричности очень точно передает сущность и содержание рассматриваемого уровня: он характеризуется представимостью, перцептуальностью составляющих его единиц, причем средством придания „изобразительности“ соответствующему концепту (идее, дескриптору) служат самые разнообразные приемы. Это может быть создание индивидуального образа на базе соответствующего слова-дескриптора или включение его в некоторый постоянный, но индивидуализированный контекст, или обрастание его определенным набором опять-таки индивидуальных, специфических ассоциаций, или выделение в нем какого-то особого нестандартного, нетривиального признака, и т.п.» [Караулов, 1985, 13]. Нельзя не заметить, что по существу здесь выделены как раз те единицы, которыми оперирует метафора как образно-ассоциативным богатством, которым владеет носитель языка. Соотнесенность метафоры с индивидуальным уровнем языковой способности и объясняет роль в ней человеческого фактора и ее ориентацию на антропометрическое построение, оперирующее аналогией.

Чтобы показать, что "случайное" (с точки зрения объективной логики универсума) образное подобие более характерно для метафоры, чем реальное сходство, и что в то же самое время вызывает только то случайное, что гармонирует с основанием метафоры — ее замыслом, приведем ряд примеров. Так, в названии *носик* (часть чайника, через которую разливают воду в чашки) функция этой детали отображается не совсем точно: слово

рожок точнее обозначало бы эту функцию (ср. англ. *sprout* — конверсив от *to sprout* 'литься' — 'то, что льет'). Но русский язык "санкционировал" метафору *носик*, видимо, потому, что визуальное сходство, как более антропометричное (бросающееся в глаза), лучше запоминается. Ср. также *ножка* (стола), где синтезированы признак визуального подобия опор стола и ног и признак функциональный (ноги служат и опорой), хотя точнее эти детали стола можно было бы назвать *столбиками*. Именуя переднюю часть корабля носом, творец этой метафоры отдал предпочтение опять же визуальному подобию: нос — самая выдающаяся часть корабля, хотя не исключено было и подобие с грудью или, как в английском, с чем-то вроде лука (или, быть может, с выгнутой формой) — *bow*.

Выбор того или иного образа-мотива метафоры связан не просто с субъективной интенцией творца метафоры, но еще и с тем или иным его миропониманием и соизмеримостью с системой стереотипных образов и эталонов, принадлежащих его картине мира. Миропонимание субъекта помещает метафору в определенную, этическую, эстетическую и т.п., среду.

Наиболее характерные свойства метафоры, а именно: ее образность, о т б о р в процессе интеракции признаков, релевантных для создания гносеологического образа отображаемой ею действительности, о р и е н т а ц и я на ф а к т о р а д р е с а т а — на его способность разгадать метафору не только интеллектуально, но также оценивая обозначаемое и образ, лежащий в ее основе, эмоционально воспринимая этот образ и соотнося его со шкалой эмотивно-положительных или отрицательных реакций, детерминированных национально-культурными и вербально-образными ассоциациями, — все эти свойства несут в себе антропометричность. Именно антропометричность и отличает метафору как модель смыслопреобразования от собственно эпистемических моделей, оперирующих с абстрактными сущностями и логическими правилами их интерпретации безотносительно к естественной логике языка, которой подчинена метафоризация.

Особое внимание хотелось бы обратить на обязательное наличие в процессах метафоризации некоторой важной для субъекта речи "чисто" номинативной или номинативно-прагматической интенции⁴. Всякая речь начинается с интенции ее субъекта, о чем убедительно писал еще Э. Кассирер [1912, 286—303]. Однако тот, кто создает метафору, идет на преодоление автоматизма в выборе средств из числа уже готовых. Намеренная затрата речевых усилий всегда на что-то нацелена. В случае метафоризации имеет место достижение какой-либо речевой задачи, которая имплицитно имеет три целеполагающих по своему характеру компонента: мотив, цель и тактику, вместе подготавливающих иллокутивный эффект высказывания, содержащего метафору.

⁴ Как известно, прагматика до сих пор понимается неоднозначно: либо как знание о мире, в том числе и мире переживаний автора речи, либо же как отношение человека к знакам, которые он выбирает, преследуя определенные коммуникативные цели (и соответственно воздействие знаков на человека как выразителей закодированной в тексте интенции его автора). Мы предпочитаем второе, более узкое, определение прагматики, позволяющее выделить в языке сферу, связанную с целеполагающим речевым воздействием, аналогичным поступку [см., например: Киселева, 1978; Булыгина, 1981; Демьянков, 1983; Степанов, 1981].

По этой причине основанием для классификации метафор могут служить не только коммуникативно-функциональные их свойства [Арутюнова, 1978; 1979], но и сама интенция субъекта метафоры, которая использует разные механизмы метафоризации, различные аспекты антропометричности, равно как и различную интерпретацию модуса фиктивности. Поскольку в основе предлагаемой ниже классификации лежит мотив метафоризации как плод номинативной интенции ее творца и преобразуемый в соответствии с этим замыслом модус фиктивности, ее можно назвать **функционально-номинативной**. Эта классификация содержит сведения о соотношении в метафоре целеполагающего замысла ее творца и отображения в соответствии с этим замыслом действительности.

НОМИНАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ МЕТАФОР И ИХ РОЛЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Модус фиктивности, являясь вершинным параметром метафоризации, остается и в смысловой структуре метафорического значения. Здесь он может выступать в полном или редуцированном варианте — от формы 'как если бы' до 'как' — в зависимости от функции метафоры. От этой функции и от того, в каком виде сохраняется в значении модус фиктивности, зависит и наличие/отсутствие в метафорически образованном значении таких характерных для него признаков, как предметность/непредметность, дескриптивность/оценочность его семантики, нейтральность/экспрессивность, безобразность/образность (ср. также противопоставление мертвой/живой метафоры), равно как и эпифоричность/диафоричность (т.е. опора на эмпирическое знание или на гипотетическое, на предположение [Массограмак, 1971. 145—157]). Поэтому в основание классификации в данной работе положена модификация в метафоре принципа фиктивности. Однако в качестве критерия разграничения типов метафоры мы использовали сложившуюся традицию выделять в значении метафоры не модус, а "назначение" — функцию. Последняя состоит в том, чтобы либо описывать объект как таковой (идентифицирующая метафора) или его признаки (предикатная метафора), либо выражать оценочное отношение субъекта к обозначаемому (оценочная метафора) или же отношение эмотивное (оценочно-экспрессивная метафора), либо представлять объект как существующий в некотором художественно выстроенном мире (образная или образно-эстетическая метафора).

Для метафоры характерны промежуточные и переходные случаи, образующиеся в ходе развития языка как естественно сложившейся и непрерывно функционирующей знаковой системы. И поскольку метафора — это и есть наиболее продуктивное средство приспособления языка к постоянно видоизменяющемуся отображению мира и миропониманию, то естественно, что здесь можно выделить только сферы доминанции той или иной из названных выше функций.

Теория метафоры, как считают специалисты, должна опираться на хорошо разработанную теорию мотивации семантических изменений [Жоль, 1984, 30] и на "естественную", по словам Дж. Лакова, логику говорящих на данном языке [Lakoff, 1972, 649], а не на системно-таксономическую

доктрину, предполагающую отвлечение от динамики развития и опору на логику застывшего отражения универсума.

"Каждая метафора, — пишет М. Блэк, — это верхушка затопленной модели" [*Metaphor: Problems and perspectives*, 1982, 31]. В самом деле, в поверхностно-синтаксическом выражении метафоры дано только ее "буквальное" значение, а смысловая интеракция разыгрывается на глубинно-семантическом уровне презентации метафорического процесса. Ниже мы предлагаем такую типологию метафор, которая отображает описание метафоризации и ее результатов с "верхушки", т.е. с явной их организации, а завершает более глубинными слоями этой структуризации, водоразделом между которыми служит то, что принято называть "внутренней формой"⁵. Именно эта сущность и составляет, с нашей точки зрения, остов метафоры.

Существенное для онтологического аспекта рассмотрения категории значения разведение номинативных значений, отображающих сферу наблюдаемого, и значений, отображающих области, не данные в непосредственных ощущениях, но постигаемые умозрительно, находит отражение и в типах метафорических процессов. [Так, для метафор, называющих наблюдаемое и ощущаемое из сферы бытия, связанной с эмпирической деятельностью, с физическим воспринимаемыми объектами, характерна доминанция идентифицирующей, или индикативной (в смысле Б. Рассела [1957]), функции. В этих случаях в сознании всплывают физически представимые образы таких объектов (*хвост* — о конце веревки, плети или очереди, *голова* — применительно к началу поезда, колонны и т.п.). На базе этого типа метафоризации формируется "конкретное" (в традиционной терминологии) значение при редукции когнитивного начала и аннигиляции модуса фиктивности: уже существующие объекты не нуждаются ни в "открытии", поскольку они познаны на практике, ни в допущении их подобия другим объектам. Нужда существует только в названии для таких объектов. Как правило, это "естественные рода" или артефакты типа *ножка гриба*, *глазное яблоко*, *глазок* 'отверстие в двери', *козырек* 'навес над входной дверью' и т.д. И наоборот, у метафор, моделирующих отображение объектов невидимого мира, "вершиной" является гипотетико-когнитивная модальность (*как если бы X обладал признаками Y-a*). Семантика таких метафор организует либо абстрактное значение, либо значение, характерное для "общих имен", либо же значение пропозитивного типа, отображающее несубстанцио-

⁵ Общеизвестно, как неоднозначно трактуется это понятие в разных школах и относительно разных уровней языка — в словообразовании, лексикологии, фразеологии и синтаксисе, а кроме того, еще и относительно общего взгляда на язык как на средство коммуникации или же как на картину мира. В данном случае под внутренней формой понимается весь тот мотивирующий метафору образно-ассоциативный комплекс, который соотносим с "буквальным" прочтением исходного для ее отображения действительности. Этот комплекс имплицативно организует тип метафорического значения, служа поводом для проявления в нем различного рода модальностей (помимо модуса фиктивности) — оценочной, эмотивной, эстетической и, вероятно, стилистической окраски значения. Такое понимание внутренней формы согласуется с постулатами современной нейрокибернетики о том, что "воспроизводимый образ может являться небывалой комбинацией бывалых впечатлений" и потому он может обеспечивать "вложимость действующего сигнала в ранее проложенный след" [Радченко, 1968, 142].

нально-ориентированные состояния, события, а также факты (*движение — как понятие о форме существования материи, жизнь газеты, рождение новой эры, плоды просвещения, тяжелый характер, горечь поражения* и т.д.).

Тем самым различию физически воспринимаемого мира и мира, данного в непосредственных ощущениях, четко и достаточно структурированно соответствует различие в базовых типах метафоры. Один из них идентифицирует объект, семантически описывая его как уже существующую реалию, другой же выполняет когнитивную функцию и формирует новый концепт, организуя его посредством ассоциативных механизмов подобия, и на основе такого моделирования создает предикатный тип значения, отображающий не предметы, а отвлеченные от них признаки признаков. По существу здесь речь идет о том, что Н.Д. Арутюнова называет идентифицирующей и предикатной метафорами [Арутюнова, 1978; 1979], но с учетом роли в этом описании модуса фиктивности и указанных выше модальностей. То, что метафора как бы повторяет характерное для первичной номинации разграничение конкретных и абстрактных значений, вполне естественно: метафора "готовит" вторичные значения различных типов (автономное, лексическое, связанное, идиомное), приспособляя их модельное формирование к универсальному для человека разграничению пространственно воспринимаемой действительности или характеризуемой на основе категории времени и его аспектов [см. также: Ullmann, 1957; Кацнельсон, 1965; Уфимцева, 1974; Чейф, 1975]).

Идентифицирующая, или индикативная, метафора порождает тот тип значения, который принято называть дескриптивным (конкретным, портретирующим и т.п.). Спецификой этого типа метафоры является сходство ее обозначаемого и того образа, который становится внутренней формой метафорического значения. При этом подобию здесь "придается вид тождества" [Арутюнова, 1983, 7]. Именно этот вид и есть реализация принципа фиктивности, без которого невозможно преодолеть барьер между разными логическими порядками обозначаемого и вспомогательного образа. Как нельзя сказать **Мечтать море; *Спрятать сон* и т.п., так же нельзя совместить в одном естественно-таксономическом представлении коленный сустав и чашечку, как это осуществлено в метафоре *коленная чашечка*, основание горы и подошву (ср. *подошва горы*), *перо* для письма и *перо* гуся, *ножку стола* и живого существа, поскольку они принадлежат разным таксономическим родам или видам.]

Гибриды типа кентавров и русалок мыслимы только в мифологическом представлении, а как раз реальные объекты не терпят логического беспорядка в смысловом отображении. По этой причине модус фиктивности в идентифицирующей метафоре, нацеленной на "жесткую десигнацию" [Крипке, 1982], редуцируется: здесь подобие основано на реальном сходстве, поэтому достаточно элементарной операции сравнения (с его модусом *как*), чтобы сориентировать восприятие не на отождествление и синтез основного объекта метафоры и его образно-ассоциативного комплекса, а на отсылку к чертам сходства по функции, форме, консистенции и т.п.

Итак, идентифицирующая метафора и соответственно такое же по функции метафорическое значение в вершине сохраняют только сравнительный *как*-модус, хотя в его исходе лежал характерный для всех метафор модус фиктивности.

Идентифицирующая метафора действует в сфере обозначения действительности, непосредственно воспринимаемой органами чувств, и пополняет в основном тот запас лексикона, который обеспечивает наименование предметов, предметно ориентированных действий, отношений и качеств (*кошка* 'инструмент для поднятия предметов', *ковш* экскаватора, *хребет* горы, космическая *пыль*, возникшие во время войны многочисленные названия реальных и акций типа *гнездо* пулемета, *котел*, *язык* и т.п., ср. также *идти* или *стоять* — о движении транспорта; *витья* -- о дорогах, реках; *гореть* — о лампочках; *кусать* — о разделении чего-л. специальными шипцами и т.д.).

Значение идентифицирующей метафоры не есть продукт семантического синтеза, приводящего к появлению нового объекта, но отображение свойств уже существующей реальности. Именно к этому типу метафорической номинации и подходит название процесса, обозначенного Аристотелем как "перенос названия" (или — менее удачно — как "перенос значения"): здесь осуществляется наречение того, что имеет место в мире как сущее, отображено в форме понятия и ищет вербального выражения и закрепления последнего как имени, а не создание нового концепта, дотоле не существующего.

Функция идентификации, связанная с "жесткими десигнаторами", не совмещается с субъективно ориентированными модусами по двум причинам: этот тип значения коммуникативно приспособлен к тому, чтобы, с одной стороны, служить средством указания на объект действительности, а с другой — обеспечивать картирование мира как объективно данного. С этим связаны экспрессивная нейтральность значения и синтаксические запреты на реализацию в синтаксической позиции, предназначенной для идентификации метафор других типов, а также угасание образно-ассоциативного комплекса (или основания внутренней формы) в идентифицирующих метафорах. Ср., например, **Пень никуда не ходит* (о человеке) или трудновообразимое теперь представление о том, что в основе вторичных значений слов *очередь* (пулеметная) или *точка* (огневая) лежат метафоры [Кожин, 1985].

Все сказанное свидетельствует о том, что идентифицирующая метафора — продукт лингвокреативной [Серебренников, 1983] техники в сфере эмпирической деятельности человека, а не собственно когнитивного процесса. Именно поэтому для нее характерна эпифоричность, т.е. нейтрализация фиктивности, а также синестезии, т.е. психологического напряжения, которое возникает в результате совмещения в метафоре категориально разнородных сущностей. Для получения экспрессивных эффектов используются перифразы: *могила — последний приют, погибнуть в бою — пасть на поле брани* и т.п.

Метафора способна создавать новые концепции в области обозначения непредметной действительности. Такую метафору можно считать гипотетико-когнитивной моделью, имея в виду ее основную функцию — создание новых понятий.

Когнитивная метафора приводит к формированию абстрактного значения (в различных его типах, см. выше). Изначально полный, модус фиктивности и здесь создает предпосылки для установления того подобия между обозначаемыми и "буквальным" значением используемого имени,

с которого и начинается процесс метафоризации. Этот постулат афористично сформулирован Н.Гудменом: "Не метафора приводит к подобию, а подобие приводит к метафоре" [цит. по: Галинская, 1983, 43]. Однако с этим утверждением вряд ли можно согласиться, если иметь в виду тот факт, что метафора подмечает подобие, что она всегда предполагает допущение относительного тождества применительно к таким гетерогенным объектам, как непредметные и предметные сущности, от которых производится новое понятие. Когнитивная метафора уподобляет гетерогенное и отождествляет подобное, чтобы синтезировать новое понятие. Вряд ли можно установить онтологическое подобие между жабой и девушкой, но в чешском языке *žabka* обозначает молодую девушку, благодаря метафорическому переосмыслению между *памятью машины* и *памятью человека* нет реального подобия, но оно устанавливается в результате допущения на основе общего признака "способность к долговременному хранению информации" — как если бы у машины были человеческие "скрижали" памяти. √

Уместно отметить, что идентифицирующая и когнитивная функции (как в *память машины*) — это особенность метафоры в мире знания [Поппер, 1983, 439—492]. Наименования с "двойной" семантикой — конкретной и абстрактной — не являются необычными для естественного языка (ср. *письмо* 'вид корреспонденции' и 'содержание' и т.п. [Апресян, 1974, 153—154]). Именно такие случаи и составляют явления промежуточные.

Если в идентифицирующей метафоре модус фиктивности редуцируется в ее продукте до выявляемого на образно-ассоциативном уровне сравнения (*нос корабля — как нос человека* и т.п.), то в когнитивной метафоре этот модус, сыграв свою синтезирующую роль, стремится к аннигиляции. Принцип фиктивности, лежащий в основе такой метафоры, мешает значению имени выполнять номинативную функцию, поэтому живой образ в таком наименовании стирается, а значение имеет тенденцию к генерализации [Арутюнова, 1978; 1979].

Проблема верифицируемости когнитивной метафоры — в основном задача логическая, а не лингвистическая. Для лингвистики важно только то, что и в когнитивной метафоре модус фиктивности угасает — он умирает вместе с осознанием нерелевантности образно-ассоциативного комплекса для истинного обозначаемого метафоры. Ср. такие, живые еще, когнитивные метафоры, которые не устоялись эпистемически и которые называют педагогическими метафорами: *облако электронов*, *возможный мир*, *жесткий (или твердый) десигнатор* и т.п., и такие уже стершиеся понятия, как *уровень*, или *ярус*, *языка*, *ядро атома* и др. Диафоричная в процессе становления и в период "вживания" в обиходно-бытовое или научное миропонимание, угасшая когнитивная метафора приобретает свойства эпифоры [Петров, 1985, 208—209], начинает функционировать как нейтральное наименование.

Наиболее ярко образность когнитивной метафоры проявляется в научных текстах, где ее используют для создания яркого представления об описываемом объекте. В качестве примера можно привести следующие отрывки, где живая когнитивная метафора нацелена на актуализацию образно-ассоциативного восприятия излагаемого, ибо без метафорических обозначений мысль бывает не только скучна, но подчас она просто бессиль-

на отобразить новое: "Концептуальные каркасы, подобно языкам, могут выступать как барьеры... И так же, как прорыв языкового барьера — нелегкое, но крайне благодарное занятие, которое обещает вознаградить наши усилия не только расширением интеллектуального горизонта, но и ни с чем не сравнимым удовольствием, так и прорыв барьера концептуального каркаса несет в себе те же возможности" [Поппер, 1983, 592]. "Цель этой статьи — *бросить вызов* релятивизму в самом широком смысле слова... Я утверждаю, что ортодоксальность равносильна смерти познания, так как *рост знания* зависит исключительно от существования разногласий. Без сомнения, *знания могут приводить к борьбе и даже к насилию*... Я полагаю, что самый крупный шаг по направлению к более благополучной и мирной жизни был сделан, когда в войне мечей, а иногда и вместо нее стала применяться и война слов. Именно поэтому и обсуждаемая мною тема имеет практическое значение" [там же, 559]. Здесь нет только идентифицирующих метафор, поскольку предмет текста — мир знания, но есть когнитивные (в широком смысле слова, *рост знания, знания могут приводить к борьбе, иметь значение*), оценочная (*крупный шаг*), экспрессивная, или оценочно-экспрессивная (*бросить вызов*), образная (*смерть познания, война мечей и слов*). Думается, что эта иллюстрация показывает, насколько продуктивно и органично обращение к метафорическим средствам формирования и выражения самой мысли в научных целях. Мы отвлекаемся от стилистического анализа приведенного отрывка, но ясно, что его самобытность создается метафорами.

Когнитивная метафора характерна не только для научной или публицистической речи. Она обычна и для обиходно-бытового языка. Особенно продуктивна эта метафора в тех его областях, которые связаны со сферами мышления, чувств, социальных акций, морали и т.п.: *предел воображаемого, найти решение вопроса, гнев прошел или иссяк, беречь или хранить любовь, поддерживать надежду, потерять авторитет, поле деятельности, путь добра* и т.д. [см. подробнее: Телия, 1981].

Когнитивная метафора создает наиболее сложный для гносеологических изысканий слой, ибо пока не ясно, в какой мере языковая картина мира, создаваемая при участии и этой метафоры, влияет на мировосприятие. Очевидно, что различие между такими сочетаниями, как *путь или стезя добра* (ср. **стезя зла*, где запрет связан с положительной оценочной семантикой и эмотивным эффектом торжественности, создаваемым словом *стезя*); *У меня почти не осталось надежды* или *Для меня снова сверкнул луч надежды*; *ложный авторитет* и *дугый авторитет*; *отрывки* или *обрывки мыслей* и т.п. — это различие является результатом прагматической нагрузки слов с оценочной или эмотивно-оценочной семантикой. Но вот различие между англ. *to pay attention, visit* и рус. *оказать внимание, нанести визит* или между англ. *train of thought* и *вереница мыслей, high time* и отсутствием такого понятия в русском языке осложняется национально-культурной спецификой, принятыми в данном социуме символическими обозначениями (ср. многократно отмечаемое различие между англ. *red* и рус. *красный*, получившим в современном языке символическое значение, сопряженное с указанием на связь с социалистическим мировоззрением).

Идентифицирующая и когнитивная метафоры — это два базовых типа,

а третьим можно считать образную метафору. На ее почве в совокупности с функцией идентификации или когнитивного отображения действительности, приводящего к формированию нового понятия, образуются оценочная и оценочно-экспрессивная метафоры.

При параметрическом описании образной метафоры, следуя все тому же постулату о том, что результат метафоры — это "верхушка затопленной модели", необходимо было бы дать определение образного значения. Однако такое значение лишено таксономически определенных черт, так как оно всегда производное от контекста окказиональное употребление.

Чтобы раскрыть причину этого явления, обратимся к рассмотрению вершинной для метафоры этого типа функции — образно-эстетической. (Под последней обычно понимается нацеленность на такое художественное воздействие на реципиента, которое вызывает в нем ценностное отношение к миру, определяемое в диапазоне категорий прекрасного или безобразного⁶. Из этого определения вытекает, что образно-ассоциативный комплекс метафоры и ее эстетически-образный эффект не совпадают, хотя первый предстает как мотив создания второго. Всякая метафора проходит через стадию образности (о чем свидетельствует "изначальная" приложимость принципа фиктивности к любому процессу метафоризации), но образно-ассоциативный комплекс, сыграв роль фильтра, может уйти во внутреннюю форму языкового средства, а может обрести статус художественного изображения мира — его инобытия. Ср. описание зимы с ориентацией на изобразительный ряд у Пушкина: *Пришла, рассыпалась; клоками Повисла на суках дубов; Легла волнистыми коврами Среди полей, вокруг холмов...* — и у Пастернака: *Тротуар в буграх. Меж снеговых развилин Вмерзшие бутылки голых черных льдин*. Поэтическое видение мира как его инобытия дают следующие стихотворные отрывки: *Ночью девушкам приснится, Прилетит из туч Конь — мгновенная зарница, Всадник — беглый луч* (Блок); *Капель до половины дня, Потом, морозом землю скомкав, Гремит плавучих льдин резня И поножовщина обломков* (Пастернак).

Примеры подобного рода, конечно же, требуют большего контекстуального охвата, однако для наших целей важно подчеркнуть следующее: образная метафора не полностью сохраняет принцип фиктивности и, следовательно, его модус, о чем свидетельствует возможность интерпретации художественного текста не через этот модус, разрушающий все очарование произведения, а через модальность в форме условного допущения *как бы*, оказывающего менее деструктивное воздействие на сам текст: *Снег повис на ветках как бы клоками* (ср. **как если бы это были клоки*); *Конь как бы мгновенная зарница* (ср. **как если бы был мгновенной зарницей*). Это дает основание считать, что модус фиктивности редуцируется в образной метафоре до формы *как бы*, ср. также: *Мы выросли в эту землю ногами*

⁶Вполне отдавая себе отчет в том, что это рабочее определение — лишь попытка отграничить эстетическое воздействие от оценочно-интеллектуального и оценочно-экспрессивного, мы хотели бы отметить, что проблема эстетической функции языка остается наименее разработанной: эта функция даже не выделена ни в энциклопедии "Русский язык" (М., 1979), ни в "Философском энциклопедическом словаре" (М., 1983) (о содержании этой функции применительно к художественной речи или к поэтическому языку см., например: [Якобсон, 1975; Григорьев, 1965; 1973; Некрасова, 1975; Степанов, 1978; Лихачев, 1979; Храпченко, 1984]).

крови (Есенин) и *Все, выросшие на этой земле, вырастают в нее как бы ногами крови, но? Все, выросшие на этой земле, вырастают в нее, как если бы у них были ноги в крови.*

Принцип фиктивности в его полном виде слишком "навязчив" и рассудочен для образно-поэтических метафор. По этой причине он редуцируется в них, сменяясь на модус возможного мира — *как бы*, не требующего в данном его варианте иных пресуппозиций, кроме допущения о подобии. Подобие же, осознающееся как возможное тождество, не завершающееся семантическим синтезом, и порождает синэргию и диафору — живую двуплановость метафоры, создавая психологическое напряжение. То, что образная метафора не переходит в словарь, подтверждает ее динамичность и связь с индивидуальной картиной мира, т.е. с личностным тезаурусом носителя языка — ведь многие метафоры так и остаются неразгаданными или дают повод для разной их интерпретации; ср., например: *Ах, Эривань, Эривань! Ничего-то мне больше не надо — Я не хочу твоего замороженного винограда* (Мандельштам) или образ блоковского всадника — солнечного луча и молнии одновременно: *Всадник в бигвенном наряде, В золотой парче, В светлых кудрях бьются пряди, Искры на мече... Пролилась — он сгинет в гучах, Вспыхнет за холмом, На зеленых встанет кручах В блике заревом...*

Лабильность образно-эстетической метафоры не означает, однако, что она не связана с семантикой слова, несущего вспомогательный для нее образно-ассоциативный комплекс, возбуждаемый буквальным значением этого слова. Этот комплекс актуализируется в образной метафоре с целью создания нестандартного мировидения. "Для построения поэтической метафоры, — как отмечает в иной связи Д.Н. Шмелев, — может быть использована и традиционная формула; будучи как бы заново мотивирована, она, именно благодаря неожиданности этой мотивировки, приобретает силу и индивидуальную выразительность" [Шмелев, 1964, 37].

Образность метафоры легко может комбинироваться с идентифицирующей функцией (*повисла клоками, булки фонарей*), создавая "кулисы" мироздания, и с когнитивной, привносящей с собой "зародыш" нового миропостижения (ср. педагогические метафоры типа *облако электронов*; *Предложение — маленькая драма*; *Пропозиция — остов предложения* и т.п.), но наиболее продуктивны комбинации с оценочно-интеллектуальной и оценочно-экспрессивной функциями. Ср. в стихотворениях Б.Л. Пастернака явно отрицательный оценочный модус: *Пока мы по Кавказу лазаем И в задыхающей раме Кура ползет агакой газовой К Арагве, с да в л е н н о й г о р а м и,* — или оценочно-экспрессивную окраску: *Рассвет холодную ехидной Вползает в ямы, И в джунглях сырость п а н и х и д ы и ф и м и а м а*; *Мирозданье — лишь с г р а с г и разряды, Человеческим сердцем накопленной.*

Итак, образная (или уже — образно-художественная) метафора выполняет эстетическую функцию как итог свершающегося в ней иррационального, но все же умозрительно допустимого совмещения (*Зима повисла на суках дубов*; *Кура ползет агакой газовой*; *Врасти в землю ногами крови* и т.д.). Это совмещение и создает психологическое напряжение у воспринимающего метафору, а разгадка ее секрета приводит к эстетическому эффекту — наслаждению или отращению (в более или менее ярком их осо-

знании). Образная метафора далеко не всегда маркирована стилистически, но она никогда не бывает нейтральной по эмоциональному воздействию, а потому создает тот или иной экспрессивный эффект, но не атомарно, а как функция от целостного контекста. Образная метафора текстуально "беспредельна". И хотя в сфере обозначения пространственно воспринимаемых объектов она может воплощаться в одном слове, но чаще всего образная метафора — это целостное художественное полотно или эскиз со своей идеей, композицией и красками. Образная метафора — это языковой материал, которым "рисует мир" автор произведения (в том числе в обиходно-бытовой речи). Поэтому, кстати говоря, интерпретация образной метафоры в форме *de re* искажает ее: очевидно, она имеет статус *de dicto* [об этих видах модальности см.: Павилёнис, 1983, 125–126; Целищев, 1978, 33–46].

В оценочной метафоре доминирует модус фиктивности в такой же редуцированной форме, как в когнитивной и образной. Однако то, что сама оценка "настраивается" над дескриптивным отображением объекта (предметного или непредметного), придает модусу фиктивности особый оттенок: мотив оценки присоединяется к дескриптивному отображению, вводя таким образом объект в сферу действия оценочной шкалы. Иными словами, если в индикативной метафоре мотив умирает, в когнитивной он имеет тенденцию к стиранию, в образной он служит средством воссоздания живого представления об обозначаемом как его инобытии, то в оценочной метафоре мотив, или внутренняя форма, выполняет роль катализатора оценочной реакции. Все изложенное скорее гипотеза, чем вывод, основанный на проверке фактов, так как исследований, специально посвященных оценочной метафоре, насколько нам известно, не существует [см.: Вольф, 1985].

В вершине оценочного значения имеет место суждение о ценности свойств обозначаемого объекта по некоторому аспекту и основанию [подробнее см.: Вольф, 1978; 1985]. А сама оценочная метафора "работает" в основном не в сфере обозначения качественных и количественных параметров предметов, а фактов. Ее основные орудия — предикативы: прилагательные, глаголы, скрытые семантические предикаты типа *острое зрение, густой слух, квадратный подбородок, мчаться* (о времени), *валишь валом, умирать от смеха, когти смерти, на крыльях победы, стена равнодушия, глубокая мысль, железная логика* и т.д. Нельзя не заметить, что оценочная метафора выделяет какой-то признак, отображенный в дескриптивной части значения. Этот признак и становится смысловой вершиной оценочного значения наряду с оценкой. Так, метафора *острый слух* оценивает способность к быстрому и точному восприятию за счет образно-ассоциативного комплекса 'как бы проникать острием внутрь чего-л.' и указанных признаков, что и приводит к оценке 'и говорящий считает, что это — "хорошо"' (об оценочной модальности и формах ее презентации см.: [Wright, 1963; Ивин, 1970; Вольф, 1978; 1985]).

Собственно оценочная метафора эмотивно нейтральна. В ней комбинируются только два модуса — модус фиктивности, редуцированный до формы *как бы* (т.е. вводящий некоторый эталон, или стереотип как возможный), и модус оценочный, выражающий отношение говорящего к обозначаемому с опорой на мотивирующий метафору комплекс в диапазоне

некоторой шкалы ("хорошо" ... "плохо"). Так, в оценочных предикатах типа *глухой лес* отображается то, что лес как бы глухой, т.е. 'очень заросший, далекий от жилья и дорог, так что в него не проникают отзвуки человеческой деятельности'; в *мчатся* (о времени) отображается как бы очень сильно бегущее время, но здесь оценочный модус может иметь как "плюсовое", так и "минусовое" значение (ср. *хорошо/плохо, что время мчится так быстро*).

Оценочная метафора, изначально образная, развивается в языке, как и когнитивная метафора, утрачивая образность: она должна избавиться от психологического напряжения, чтобы не отвлекать внимание реципиента на мотивирующий образ, поскольку он чаще всего бывает несущественным для подлинного основания оценки. Выражение *квадратный подбородок*, например, говорит о его неправильной форме, близкой к квадратной, но все же овальной на самом деле. Поэтому в данной метафоре класс оцениваемых объектов сужается как бы квадратными подбородками. Оценка без образа и без экспрессивности – таково конечное содержание оценочной метафоры, приобретающей в процессе функционирования свойства эпифоры (в указанном выше смысле этого термина).

Оценочно-экспрессивная, или эмотивно окрашенная, метафора обладает наиболее сложным построением. Все, что характерно для архитектоники оценочной метафоры, включается и в оценочно-экспрессивную, но при этом модус фиктивности сохраняется в ней во всей своей полноте – *как если бы*. Внутренняя же форма, обуславливающая оценку и, возможно, эстетическую значимость, не имеет столь явной тенденции к аннигиляции (разве что ее стирает время и обычность образно-ассоциативного комплекса для носителей языка). К указанным модусам присоединяется еще и модус эмотивности. (Под эмотивностью мы, вслед за В.И. Шаховским [1983, 1984], понимаем "лингвистическое выражение эмоций" с тем существенным добавлением, что "местом" для этого в семантике значения слова является коннотация (а текста – подтекст). Коннотация – это тот макрокомпонент значения, который включает в себя наряду с образно-ассоциативным комплексом, переходящим во внутреннюю форму, эмотивную модальность и стилистическую маркированность (подробнее о коннотации как особом макрокомпоненте значения см.: [Телия, 1986]).

Вершиной оценочно-экспрессивной метафоры является эмотивная модальность, но она возникает благодаря тому, что сохраняется образ, который осознается потому, что "изначальный" модус фиктивности сохраняется в этой метафоре во всей полноте формы – *как если бы*. Для того чтобы сохранить эффект психологического напряжения, вызывающий в свою очередь эмоциональное воздействие на реципиента, необходимо удерживать метафору в диафорическом состоянии, т.е. ее образно-ассоциативный комплекс должен осознаваться как *живой*, что и обеспечивается модусом *как если бы X был подобен Y* (в отношении Q). Такое семантическое состояние характеризует не только процесс метафоризации, но и его продукт – эмотивно окрашенное, или оценочно-экспрессивное, значение.

Это значение, отображая действительность и содержа сведения о ее ценности для говорящего, выражает эмоциональное отношение к обозначаемому, соотносимое с чувствами-отношениями типа презрения, пренебрежения, стремления к уничтожению кого-либо, желания выразить порицание

или, наоборот, восторг, восхищение и т.п. Реализация такой гаммы чувств-отношений, задаваемой в диапазоне эмоционально окрашенного одобрения/неодобрения, теснейшим образом связана с тем фоновым знанием, которое позволяет говорящему брать на себя или присваивать себе приоритетную роль в некоторой жизненной коллизии, считая объект чувств-отношения в чем-то неполноценным, несовершенным и т.п. Ср. типичные для текстов, содержащих эмотивно окрашенные значения слов и выражений, реплики: *с презрением/пренебрежением, с восторгом/восхищением* и т.п. (*сказал X*). Разгадка этих ролей в тексте возможна на основе знаний его presupпозиций.

Нельзя не заметить, что эти эмотивные модификаторы общеоценочных чувств-отношений *одобрять/неодобрять* толковые словари стремятся использовать в качестве экспрессивно окрашивающих помет (хотя в лексикографической практике еще не найдено общепринятого и, главное, учитывающего presupпозиции текста истолкования этих помет и правил их расстановки [Графова, 1986]). Приведем ряд примеров, иллюстрирующих действие оценочно-экспрессивной метафоры: *Он – медведь; Все вы здесь – стреляные воробьи; Мы долго плелись вдоль какого-то забора; Она без конца болтает по телефону; Не стоит играть в прятки со мной*; ср. также: *Красивые и некрасивые, легкие и тяжеловесные мысли нагромождены одна на другую, теснятся, выжимают друг из друга соки и того гляди запищат от давки* (Чехов) (здесь оценочно-экспрессивные метафоры *легкие, тяжеловесные* вводятся оценочными *красивые и некрасивые* и все вместе подготавливают образные – *нагромождены, теснятся, выжимают соки, того и гляди запищат от давки*).

В приведенных выше предложениях достаточно четко прослеживается экспрессивная окраска, которую мы можем (условно, конечно) представить в форме модальных рамок типа *X – медведь ↔ X неуклюж*, как если бы был медведем, и говорящий считает, что это "плохо", и сообщает, что это вызывает у него презрительное отношение к *Y* (апеллируя к собеседнику в разговорно-сниженном жанре речи). В предлагаемой семантической интерпретации представлены все три модуса: модус фиктивности (*как если бы*), оценочный (*и это "плохо"*) и эмотивный (*и это вызывает презрительное отношение к Y*), а кроме того, еще и стилистическая модальность (отношение к собеседнику и к условиям речи).

В оценочно-экспрессивной метафоре подобие также преобладает над тождеством, как и в оценочной, что онтологически закономерно: основной объект метафоры – то, что есть в мире (некоторое свойство или положение дел), а вспомогательный комплекс – это образно-ассоциативные черты некоторого квазистереотипа, т.е. представления, имеющего в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства (*медведь* – неуклюжести, *лиса* – хитрости), некоторой ситуации (*плестись, тащиться* – медленного и "вялого" движения) и т.д. В таком соположении не только гетерогенных сущностей, но к тому же и такого их подобия, которое создается за счет свойств квазистереотипа, реальное тождество не может иметь места. Именно по этой причине оценочно-экспрессивная метафора, как правило, не преобразуется в чисто оценочное значение даже при угасании образа, хотя и такое развитие возможно (как это имеет место в значении прилагательных типа *глубоко* *содержа-*

ние, глубокий сон, мелкие неприятности, крупные ошибки и т.п.).

Внутренняя форма оценочно-экспрессивной метафоры остается функцио-нально нагруженной: она сигнализирует о том, что субъект речи относится к обозначаемому метафорического значения, как если бы оно было тем, что соответствует ассоциациям, актуализируемым данным квазистереотипом. Таким образом, модус фиктивности удерживает образно-ассоциативный комплекс в фокусе восприятия (думается, в подсознании). Ср. в этой связи уже приводившиеся выше примеры возможной экспликации модуса фиктивности, а также случаи типа *Он — осел* = 'Он упрям по-ослиному, т.е. как если бы был ослом'; *У нее железная воля* = 'У нее крепкая, как бы железная воля' и т.п. Необходимо добавить, что характерное для оценочно-экспрессивной метафоры (и соответственно аналогичных значений) обращение к квазистереотипу связано с тем, что последний не может ввести в заблуждение именно в силу своей обычности, угадываемости подлинного его обозначаемого. Поэтому данный тип метафоры так характерен для обиходно-бытовой речи, где преобладает спонтанность выбора при опоре на стереотипы, шаблоны речи и т.п.

Поскольку наиболее четким символом является в языке имя, оформленное как существительное, то и наиболее активной оценочно-экспрессивной формой метафоры является эта часть речи и соответственно и предложения-тождества (*X есть Y*). Интересно заметить в этой связи, что краткие прилагательные практически не приобретают эмотивной окраски, что также связано, с нашей точки зрения, с особенностями принципа фиктивности: квазистереотип, как некий символ, постоянен, поэтому он мыслится вне времени, а краткие формы прилагательных выражают идею временного признака (ср.: *Ему был оказан холодный прием*, но? *Прием был холоден*). Полные формы прилагательных, обладающие экспрессивно окрашенным значением, — это обычно прилагательные, транспонированные семантически из относительных, способных отсылать к соответствующему символу (ср. *кабак — кабацкий*, *ад — адский*, *холод — холодный* и т.д.), хотя возможны и качественные уподобления, но и они "отвлекают" признак от некоторого квазистереотипа (ср. *глубокий*, *широкий*, *острый*, *глухой* и т.п.: *глубокая радость* 'такая беспредельная, как если бы достигала до самого дна души' и т.д.). И наконец, глагол синтезирует в себе реляционный и декриптивный способы семантической презентации действительности. Такая его смысловая организация обладает способностью реализовать принцип фиктивности через соотносительность с квазистереотипом его актантов, способов действия, различного рода сирконстант. Ср.: *ползти* — ползучие, *блуждать* — о собаках, отсюда: *Поезд ползет* (как если бы он был ползучим); *Она блуждает* (как если бы, подобно собаке, лаяла понапрасну) и т.п.

Думается, что из приведенных примеров видно, что включение маркера фиктивности в толкование оценочно-экспрессивных наименований способствует выявлению функции в них внутренней формы и ее образно-ассоциативного потенциала. Этот последний как достояние и одновременно инструмент лингвокреативного мышления осознается говорящими в той степени, в какой они способны воспринимать язык рефлексивно, т.е. зависит от их языкового чутья, а также осознания национально-культурного компонента языковой способности.

Оценочно-экспрессивная метафора используется в сфере наименования непредметной действительности, причем, как мы стремились показать выше, с уже заданным оценочным смыслом. И цель такой метафоризации — этот смысл перевести в эмотивно окрашенный, не нейтральный регистр. Поэтому оценочно-экспрессивная метафора обычно получает тот или иной стилистический статус, а именно способность нести сигналы о принадлежности наименования к разговорно-просторечным, грубо просторечным стилям общения, к книжной речи и т.п.

Образ в оценочно-экспрессивной метафоре не так ярок, как в собственно образной: будучи стереотипизированным, он только окрашивает значение ассоциативно. В этой связи небезынтересно напомнить об известном в киноискусстве "эффекте Кулешова", согласно которому комбинаторное совмещение двух кадров приводит к тому, что один из них начинает восприниматься под впечатлением от второго. Так, лицо человека с нейтральным выражением будет казаться грустным, если соседствует с кадром, на котором изображен гроб, или веселым, если в соседнем кадре — тарелка с едой, и т.д. [Ротенберг, 1980]. Аналогичным образом в высказывании *Не человек — змея* (Грибоедов) герой представляется "ядовитым", "жалящим своими речами" и т.п., поскольку слово *змея* актуализирует здесь наряду с метафорическим значением 'коварный, опасный' указанную выше окраску, соотносимую с признаками внутренней формы.

Предлагаемая типология метафор и сформировавшихся на их базе значений, а они могут быть номинативно автономными (*осел, тащиться, вздохнул*), связанными (*раб страстей, бросать вызов, твердое намерение* и т.п.) или идиоматичными (*тертый калач, переть на рожон, высуня язык*), показывает, что метафора как модель — продуктивный способ пополнения языкового инвентаря. И не только лексикона, но и грамматики. Но в сфере последней происходят такие процессы, где лингвокреативное начало преобладает над когнитивным [см. подробнее: Серебrenников, 1983, 106–109].

В заключение можно привести слова У. Куайна, который писал о том, что язык можно представить в образе корабля, находящегося в море и нуждающегося в ремонте, но который нельзя покинуть и поэтому перестраивать его возможно, только используя имеющийся материал — доску за доской [Quine, 1960]. Метафора — одно из средств подновления непрерывно действующего языка за счет языкового же материала. Метафора необходима языку-кораблю, плывущему под национальным флагом через века и социальные катаклизмы при сменяющейся вахте поколений. Поскольку каждый корабль стремится обойтись своими средствами (хотя возможны и заимствования), то это обновление неизбежно содержит элементы прежнего мировидения и языковой техники, коль скоро процесс создания нового опирается на них и использует связанное с ними знание. Результаты такого процесса принято называть — совершенно справедливо, на наш взгляд, — языковой картиной мира, запечатленной в значениях языкового инвентаря и грамматики. При этом нельзя забывать, что говорящие сообщают друг другу мысли о мире, используя значения слов и выражений как средства для создания высказывания, поэтому опасность не разглядеть за языковой картиной мира того, что в нем действи-

тельно имеет место, не столь велика. Эта опасность существует в основном как проблема непонимания или недопонимания из-за слабого владения чужим языком и в значительной степени его образно-ассоциативным богатством, тем самым, которое заключено "между семантикой и гносеологией" [Караулов, 1985].

Языковая картина мира — факт национально-культурного наследия. Язык и есть одна из форм фиксации этого наследия, в том числе примет, поверий и т.п. Так, если в русском языке слово гусь вызывает представление о важности или жуликоватости, то в английском эта реалья ассоциируется с богатством, глупостью и т.п. Ср.: *важный гусь*, *экий гусь* или *гусь лапчатый* (о человеке); *the goose that lays the golden eggs* \cong *курица, несущая золотые яйца, источник обогащения* (обыкновенно употребляется с глаголом *to kill*); *the older the goose the harder to pluck* (посл.) \cong *чем старше человек, тем труднее заставить его расстаться с деньгами*; (*as*) *silly* (или *stupid*) *as a goose* \cong *глуп, как пробка* и т.п. [Кунин, 1967, 393]. В отличие от рус. *ворона*, ассоциируемого с рядом свойств, воплощенных в метафорическом значении, и синонимичного по значению слова *разиня* (ср. также *проворонить что-н.*), англ. *bow* не имеет метафорического деривата. Именно образно-ассоциативное восприятие иначе "рисует" процессы ментального характера в русском и английском языках (что, естественно, распространяется на любые языки, особенно неродственные). В русском языке, например, смысл 'быть целиком занятым какими-либо мыслями' выражается сочетаниями, где глагол — продукт косвенной номинации и потому имеет связанное значение: (*целиком*) *погрузиться в свои мысли*; *быть поглощенным своими мыслями* и т.п.; в английском выступают другие средства и способы для выражения заданного смысла: *to be deep (lost, absorbed) in thought*; русскому выражению по зрелому размышлению соответствует англ. *on second thoughts*, где доминирует образ повторности, а не созревания; русскому выражению *вереница мыслей*, образно-ассоциативным мотивом для создания которого стал вытянутый ряд птиц при перелете, соответствует англ. *train of thought*, где образ поезда вызывает представление о составе вагонов, следующих "цепочкой"; рус. *вспомнить* соответствует англ. *bring, call smb. in mind, cross one's mind*, что связано с представлением о принесении чего-то, пересечении с чем-л. (ср. также рус. *прийти в голову*); то, что для носителя русского языка представляется как колебание в принятии некоторого умозаключения (*Его мысли колебались...*), англичанин обозначит через образно-ассоциативное подобие результатов двух отдельных ментальных состояний: *be in two minds*.

Примеров подобного рода можно привести сколь угодно много, поскольку языковые картины мира необычайно разнообразны. Особенно хорошо известны и описаны расхождения, связанные с разными языковыми картинками мира в работах по теории перевода [Гак, 1977; Бархударов, 1975; Комиссаров, 1980; Швейцер, 1978].

Итак, мы полагаем, что способность творить и разгадывать метафору как наиболее продуктивное средство пополнения инвентаря языка, привносящее в него видение мира данным народом, опосредованное уже имеющимися в языке значениями слов, морфем, сочетаний слов и даже синтаксических конструкций, принадлежит языковой компетенции. Тем самым она связана с собственно человеческим фактором.

Узнавание метафоры — это разгадка и смысловая интерпретация текста, бессмысленного с логической точки зрения, но осмысленного при замене рационального его отображения на иногда даже иррациональную интерпретацию, тем не менее доступную человеческому восприятию мира благодаря языковой компетенции носителей языка.

Во вступительной части данного раздела уже говорилось о том, что метафора вездесуща. Но главные области ее применения — это обозначение свойств человека и непредметной действительности, поскольку в этой сфере непродуктивны (или малопродуктивны) словообразовательные способы номинации. Обозначая, метафора создает языковую картину обозначаемого. Эта картина особенно живописна и национально-колоритна, когда на основе метафоры формируются фразеологизмы-идиомы. Но она не утрачивает самобытности и яркости при формировании экспрессивно окрашенных значений слов. Две тенденции характерны для связанных значений слов, организующих номинативные парадигмы фразеологических сочетаний: эти значения создают языковую картину мира, когда в них еще не затухает образно-ассоциативный потенциал, но они нейтрализуются по своей метафорической живописности, если в них доминирует когнитивная функция. И, конечно же, самое яркое проявление именно языковой картины мира характерно для художественных текстов, где метафора — способ создания самого мира, увиденного глазами мастеров слова.

ЛИТЕРАТУРА

К РАЗДЕЛУ "КАРТИНА МИРА В ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА"

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1.

Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья: (Общие замечания) // Античность и Византия. М., 1975.

АМФ — Антология мировой философии: В 4 т. М., 1969. Т. 1: Философия древности и средневековья. Ч. 1.

Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: Истоки, эволюции, перспективы. М., 1982.

Бахтин М.М. Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.

Богораз (Тан) В.Г. Эйнштейн и религия: Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. М.; Пг., 1923.

Бонгард И.М. Проблема узнавания. М., 1967.

Бонди Г. Гипотезы и мифы в физической теории. М., 1972.

Вавилов С.И. Глаз и Солнце. М., 1976.

Васильев С.А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974.

Виндельбанд В. Прелюдии: Философские статьи и речи. СПб., 1904.

Винер Н. Я — математик. М., 1967.

Гайденко П.П. Философская герменевтика и ее проблематика // Природа философского знания. Ч. 1. Реф. сб. М., 1975.

Гайденко П.П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М., 1980.

Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1.

Герц Г. Три картины мира // Новые вехи в философии, СПб., 1914, № 11.

Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи // Жизнь науки: Антология вступлений к классике естествознания. М., 1973.

Горелов А.Е. Гроза над соловьиным садом: Александр Блок. Л., 1970.

Григорьян Б.Т. Философская антропология. М., 1982.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Гуревич А.Я. Представление о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Гусев С.С. Наука и метафора. Л., 1984.

Дмитриева Ж.А. Слово и изображение // Взаимодействие и синтез искусств. Л., 1978.

Долинский М.З. Искусство и Александр Блок. М., 1985.

Дьяконов И.М. Введение // Мифология древнего мира. М., 1977.

Жегин П.Ф. Язык живописного произведения: (Условность древнего искусства). М., 1970.

Живов В.М. О внутренней и внешней позиции при изучении моделирующих систем// Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979.

Зализняк А.А., Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих семиотических систем//Структурно-типологические исследования. М., 1962.

Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

Зыкова А.Б. Учение о человеке в философии Х. Ортеги-и-Гассета: Критический очерк. М., 1978.

Иванов Вяч. Чурлянис и проблема синтеза искусств//Аполлон. 1914. № 3.

Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (древний период). М., 1965.

Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2.

Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки: Гносеологический анализ. М., 1985.

Каган М.С. Человеческая деятельность: (Опыт системного анализа). М., 1974.

Каган М.С. О духовном: (Опыт категориального анализа) // Вопр. филос. 1985. № 9.

Кимелев Ю.А. Феномен мистицизма и современная буржуазная философия религии // Вопр. филос. 1985. № 8.

Клике Ф. Пробуждающееся мышление: История развития человеческого интеллекта. Киев, 1985.

Косарева Л.М. Предмет науки. М., 1977.

КСЭ – Краткий словарь по эстетике / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1983.

Ландсбергис В. О сотворении мира // Чюрленис М.К. Сотворение мира. Вильнюс, 1973.

Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1985.

Леонтьев А.А. Психология речевого общения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1975.

Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы. М., 1927₁.

Лосев А.Ф. Философия имени. М. 1927₂.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1930₁.

Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930₂. Т. 1.

Лотман Ю.М. Бытовое поведение и типология культуры в России XVIII в. // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление традиции. М., 1976.

Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1978. Т. 10: Семиотика культуры. Вып. 463.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1971. Т. 5, вып. 284.

Лотман Ю.М., Успенский Б. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1977. Т. 23: Литературоведение.

Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире: Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. М., 1972.

Мах Э. Познание и заблуждение: Очерки по психологии исследования. М., 1909.

Машковский А. Альберт Эйнштейн: Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира. М., 1922.

МИИ – Мастера искусств об искусстве. М., 1934. Т. 3.

МНМ – Мифы народов мира. М., 1982. Т. 1.

На рубеже веков: (Из русской прозы конца XIX – начала XX веков). М., 1983.

НКМ – Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. Москва; Обнинск, 1983₁.

НКМ – Научная картина мира как компонент современного мировоззрения: Материалы симпозиума. Тезисы докладов и сообщений. Обнинск 9–11 июня 1983 г. Москва; Обнинск, 1983₂.

Никитин Е.П. Природа обоснования. М., 1981.

ОПЯ – Онтологическая проблематика языка. М., 1975. Ч. 1–2.

Планк М. Смысл и границы точной науки // Вопр. филос. 1958. № 5.

Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966.

Подгорецкий М.И., Смородинский Я.А. Об аксиоматической структуре физической теории // Физическая теория. М., 1980.

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.

- Потебня А.А.* Мысль и язык. Харьков, 1913.
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888. Ч. 1, 2.
- Потебня А.А.* Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Прокофьева Е.Д.* Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
- Пружинин Б.И.* Рациональность и историческое единство научного знания: (гносеологические аспекты). М., 1986.
- Пуанкаре А.* Гипотеза и наука. М., 1903.
- Радхакришнан С.* Индийская философия. М., 1956. Т. 1.
- Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифско-сакских племен. М., 1977.
- Раевский Д.С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- Рамишвили Г.В.* Вопросы энергетической теории языка. Тбилиси, 1978.
- Рассел Б.* Человеческое познание: Его сферы и границы. М., 1957.
- Раушенбах Б.В.* Пространственные построения в древнерусской живописи. М., 1980.
- Свадост Э.* Как возникает всеобщий язык. М., 1968.
- Симонов П.В.* Неосознаваемое психическое: подсознание и сверхсознание // Природа. 1983. № 3.
- Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- ТЛ – Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении: Образ, мера, характер. М., 1962.
- Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Сны Блока и "петербургский текст" начала XX века // Тезисы первой Всесоюзной (третьей) конференции "Творчество А.А. Блока и русская культура XX века". Тарту, 1975.
- Топоров В.Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1973. Т. 6: Труды по знаковым системам.
- Топорова Т.В.* Семантическая мотивировка концептуально-значимой лексики в древнеисландском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Успенский Б.А.* "Правое" и "левое" в иконописном изображении // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
- Фейербах Л.* Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 2.
- Филиппов Л.И.* Философская антропология Жана Поля Сартра. М., 1977.
- Франк-Каменецкий И.Г.* Вода и огонь в библейской поэзии: (Отголоски яфетического мирозерцания в поэтической речи Библии) // Яфетический сборник. М.; Пг., 1925. Т. 3.
- Франк-Каменецкий И.* Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык и литература. Л., 1923. Т. 3.
- Фрейдберг О.* Поэтика сюжета и жанра: Период античной литературы. Л., 1936.
- Фрейдберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978.
- Фрумкина Р.М.* Смысл и сходство // ВЯ. 1985. № 2.
- ФЭ – Философская энциклопедия: В 5 т. М., 1960–1970.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения... / 1984. Л., 1986.
- Чудовский В. М.К.* Чурлянис // Аполлон. 1914. № 3.
- Чухина Л.А.* Человек и его ценностный мир в религиозной философии: Критический очерк. Рига, 1980.
- Швырев В.С.* Научное познание как деятельность. М., 1984.
- Швырев В.С., Юдин Б.Г.* Методологический анализ науки. М., 1980.
- Шпенглер О.* Закат Европы. М.; Пг., 1923. Т. 1.
- Эйнштейн А.* Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности // Собрание научных трудов. М., 1967. Т. 2, 4.
- Эренбург И.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1963–1967. Т. 8.
- Яковлев Е.Г.* Искусство и мировые религии. М., 1977.
- Bronowski J.* The origin of knowledge and imagination. New Haven, 1978.
- Cassirer E.* Philosophie der symbolischen Formen. Berlin, 1923.
- Cassirer E.* An essay on man. New Haven; London, 1945.
- Gadamer H.-G.* Die Universalität des hermeneutischen Problems // Philosophisches Jahrbuch. München, 1966. Jg. 73.

Heidegger M. Sein und Zeit. Tübingen, 1957.
Koyre A. Etudes Galliléennes. Paris, 1939. Vol. 1.
Schedrovitsky G. Configuration as a method of construction complex knowledge // Systematics. 1971. Vol. 8, N 4.

**К РАЗДЕЛАМ "ЯЗЫК ОТРАЖАЕТ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
ИЛИ ВЫРАЖАЕТ ЕЕ ЗНАКОВЫМ СПОСОБОМ?"
И "КАК ПРОИСХОДИТ ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА В ЯЗЫКЕ?"**

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3; 19; 23.

Агеева Р.А. Категория пространства и способы его выражения в языке // Категории и законы марксистско-ленинской диалектики и язык. М., 1984.

Азимов А. Краткая история биологии. М., 1967.

Андреев И.Д. Пути и трудности познания. М., 1968.

Асмус В.Ф. Логика. М., 1947.

Баранова А.Н. Учебник вьетнамского языка. М., 1965.

Беритов И.В. О физиологических механизмах поведения высших животных // Изв. АН СССР. Сер. биол. наук. 1957. № 2.

Бирюков В.В. Семиотика и некоторые проблемы языка и мышления // Язык и мышление. М., 1967.

Богуславский В.М. Слово и понятие // Мышление и язык. М., 1957.

Борисов В.Н. Взаимосвязь отражения и деятельности в процессе познания // Природа сознания и закономерности его развития. Новосибирск, 1966.

БСЭ. 3-е изд. М., 1974. Т. 15.

Будагов Р.А. Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени. М., 1978.

Визгалов П.И. Некоторые вопросы диалектики соотношения языка и мышления. Казань, 1962.

Воронин Л.Г. Семантика слова в свете марксистско-ленинской теории отражения // Учен. зап. Шахтинского гос. пед. ин-та. 1958. Т. 2, вып. 5.

Гази И. Оныгылмас еллар. Казан, 1949.

Галкина-Федорук Е.М. Слово и понятие. М., 1956.

Геворкян Г.А. О роли абстракции в познании. Ереван, 1957.

Герасимов В.И. Некоторые аспекты отражения категории времени в языке // Категории и законы марксистско-ленинской диалектики и язык. М., 1984.

Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Никитина Е.Н. Моделирование как метод научного исследования: (гносеологический анализ). М., 1965.

Горский Д.П. Роль языка в познании // Мышление и язык. М., 1957.

ГРЯ – Грамматика русского языка. М., 1952. Т. 1: Фонетика и морфология. Диалектика и логика: Формы мышления. М., 1962.

Кошанский Г.В. Логика и структура языка. М., 1965.

Копнин П.В. Формы мышления и их роль в познании. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1956.

Копнин П.В. Введение в лингвистическую гносеологию. Киев, 1966.

Кошевой К.К. Суждение и предложение и павловское учение об условных рефlekсах. Пермь, 1959.

Кудрявский Д.Н. Введение в языкознание. Юрьев, 1912.

Кутуй Г. Сайланма эсэроэр. Казан, 1947.

Мальцев В.И. Лексическое значение и понятие // Проблемы знака и значения. М., 1969.

Маслов Ю.С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

Маун Маун Ньюн, Орлова И.А., Пудицкий Е.В., Тагунова И.М. Бирманский язык. М., 1963.

Мельничук А.С. [Рецензия] // ВЯ. 1978. № 4. – Рец. на кн.: Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания: Гносеологические аспекты. М., 1977.

Михайлова И.Б. Чувственное отражение в современном сознании. М., 1972.

Морев А.Н., Плам Ю.А., Фомичева М.Ф. Тайский язык. М., 1961.

Мультиановский М.Л. История медицины. М., 1961.

Нарекий И.С. Проблема значения "значения" в теории познания // Проблемы знака и значения. М., 1969.

Наседкин А.Д. Язык как средство формирования мысли // Язык и мышление. М., 1967.

Охотина Н.В. Язык зулу. М., 1961.

Павловские греды. М.; Л., 1949. Т. 3.

Панфилов В.З. К вопросу о соотношении языка и мышления // Мышление и язык. М., 1957.

Панфилов Р.З. О гносеологических аспектах проблемы языкового знака // ВЯ. 1977. № 2.

Потебня А.А. Мысль и язык. 4-е изд. Одесса, 1922.

Правдин М.Н. Логика и грамматика. М., 1973.

Резников Л.О. Против агностицизма в языкознании // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1948. Т. 7, вып. 5.

Резников Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. М., 1964.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: О мире психического. М., 1957.

Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.

Руденко Б.Т. Грамматика грузинского языка. М.; Л., 1940.

Сайдов М. Краткий грамматический очерк аварского языка // Сайдов М. Аварско-русский словарь. М., 1967.

Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.

Соколов А.И. Внутренняя речь и мышление. М., 1968.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1977.

Сотникян П.А. Основные проблемы языка и мышления. Ереван, 1968.

Спиркин А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления // Мышление и язык. М., 1957; 2-е изд. М., 1958.

Успенский Л. Слово о словах: Ты и твоё имя. Л., 1962.

Фигуровский Н.А. Очерк общей истории химии: От древнейших времен до начала XIX в. М., 1969.

ФОС – Формы общественного сознания. М., 1960.

Чесноков П.В. Основные единицы языка и мышления. Ростов, 1966.

Чесноков П.В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. М., 1977.

Шептулин А.Л. Система категорий диалектики. М., 1967.

Эшки Э. Сазчэчге. Казан, 1956.

ЭС – Энциклопедический словарь: В 3 т. М., 1953–1955.

Vilde E. Ule suure vee: Jutustused. Tallinn, 1953. Vol. 1.

Weigand G. Grammatik der Südgegisichen Dialekt (Durazzo, Elbosar, Tirana). Leipzig, 1913.

К РАЗДЕЛУ "РОЛЬ ЛЕКСИКИ В ПОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА"

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. М., 1963.

Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Человеческий язык // Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 1–2.

Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ. Филос. науки. 1973. № 1.

Брутян Г.А. Языковая картина мира и ее роль в познании // Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976.

Брутян Г.А. Очерки по анализу философского знания. Ереван, 1979.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. М., 1978. Т. 29.

Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. 5.

Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1953. Т. 3.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Залевская А.А. О теоретических основах исследования принципов организации лексикона человека // Этнопсихолингвистические проблемы семантики. М., 1978.

Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.

Звегинцев В.А. Язык и знание // Вопр. филос. 1982. № 1.

Караулов Ю.Н. Словарь как компонент описания языков: Принципы описания языков мира. М., 1976₁.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976₂.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.

Кондаков Н.И. Логический словарь. М., 1971.

Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Владимир, 1974.

Павлов И.П. Избранные труды. М., 1960.

Павилёнис Р.И. Проблема смысла: (Современный логико-философский анализ языка). М., 1983.

Рамшвили Г.В. Языкознание в кругу наук о языке // Вопр. филос. 1981. № 6.

Серебренников Б.А. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка // ВЯ. 1970. № 2.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

СРЯ – Словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов. 3-е изд. М., 1953.

СРЯ – Словарь русского языка: В 4 т; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология // Языковая номинация: (Общие вопросы). М., 1977.

Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Языковая номинация: (Виды наименований). М.: Наука, 1977₁.

Языковая номинация: (Общие вопросы). М.: Наука, 1977₂.

Якобсон П.М. Психология чувств. М., 1958.

Casares J. Diccionario ideológico de la lengua española. Barcelona. 1951.

Deese J. The structure of associations in language and thought. Baltimore, 1965.

COD – The Concise Oxford Dictionary of Current English. 4th ed. Oxford, 1951.

Hallig R., Wartburg W. Begriffssystem als Grundlage der Lexikographie. Berlin. 1952.

Hornby A.S. Oxford Student's Dictionary of Current English. Oxford: University Press, 1978.

Paffen K.A. Deutsch-Russisches Satzlexicon. 2. Aufl. Leipzig. 1969.

Zimmer W. Die Neuenenglische Interjektion // Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik. 1951. N 3.

К РАЗДЕЛУ "РОЛЬ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА"

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: (Логико-семантические проблемы). М., 1976.

Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ. Филос. науки. 1973. № 1.

Вережанин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

Григорян А.Г. Некоторые проблемы системного и методического изучения лексики и семантики // ВЯ. 1983. № 4.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.

Кварцелия Л.В. Семантическая структура частотных существительных английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

Максапетян А.Г. Вопросы парадигматики словообразовательных категорий. Дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1983.

Мельников Г.П. Типы означаемых языкового знака и детерминанта языка // Проблемы семантики. М., 1974.

Павилёнис Р.И. Проблема смысла. М., 1983.

Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Рассел Б. Описания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

Слобин Д.И. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М., 1984.

Стеблин-Каменек М.И. Об основных признаках грамматического значения // Спорное в языкознании. Л., 1974.

Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.

Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14.

Харитончик З.А. Классифицирующая функция словообразования // Методика обучения иностранным языкам: Романское и германское языкознание. Минск, 1986. Вып. 1.

Шатуновский И.Б. Проблема словообразовательной транспозиции. Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1982.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.

Adams K.I., Conklin N.F. Toward a theory of natural classification // Papers from the Ninth regional meeting of Chicago Linguistic Society, 1973.

Anderson S.R. Typological distinctions in word formation // Language typology and syntactic description. Cambridge; New York, 1985. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon.

Bierwisch M. Semantische und konzeptuelle Repräsentation lexikalischer Einheiten // Untersuchungen zur Semantik. Studia Grammatica. Berlin. 1983. XXII.

Buzássyová K. Motivačné vzťahy a význam derivátov s formantom *stvo* // Bosák J., Buzássyová K. Východiská Morfemovej analýzy. Bratislava: SAV, 1985.

Bybee J.L. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam; Philadelphia, 1985.

Cannon G. [Рецензия] // Language. 1978. Vol. 54, N 2. -- 6.000 words: a supplement to Webster's third new international dictionary. -- Springfield, 1976.

Chung S., Timberlake A. Tense, aspect, and mood // Language typology and syntactic description. Cambridge; New York, 1985. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon.

Clark E.V. The ontogenesis of meaning. Wiesbaden. 1979.

Comrie B. Causative verb formation and other verb-deriving morphology // Language typology and syntactic description. Cambridge; New York, 1985. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon.

Larochette J. La représentation de la réalité // Folia Linguistica. 1973. T. 6. N 1-2.

Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language typology and syntactic description. Cambridge; New York, 1985. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon.

Wierzbicka A. Lingua mentalis: The semantics of natural language. Sydney; New York, 1980.

К РАЗДЕЛУ "МЕТАФОРИЗАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОЗДАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА"

Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 29.

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Аристотель. Поэтика // Античные теории языка и стиля. М., 1936.
- Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37, № 4.
- Арутюнова Н.Д. Языковая метафора: (Синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
- Арутюнова Н.Д. Тожество или подобие? // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
- Булыгина Т.Д. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4.
- Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа. Ереван, 1968.
- Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ. Филос. науки. 1973. № 1.
- Васильев С.А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974.
- Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1978.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Гак В.Г. Сопоставительная лексикология: (на материале французского и русского языков). М., 1977.
- Галинская И.Я. Некоторые подходы к проблеме метафоризации в современной буржуазной эстетике // Художественное воображение и отражение действительности: Современные зарубежные исследования. М., 1983.
- Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1.
- Графова Т.А. Коммуникативный аспект эмотивно окрашенной лексики // Лингвистические и психолингвистические исследования языка и речи. Пермь, 1986.
- Григорьев В.П. Словарь языка русской советской поэзии. М., 1965.
- Григорьев В.П. Поэт и слово: Опыт словаря. М., 1973.
- Гусев С.С. Наука и метафора. Л., 1984.
- Демьянков В.З. Понимание как интерпретирующая деятельность // ВЯ. 1983. № 6.
- Жинкин Н.Я. Перекодирование во внутренней речи // ВЯ. 1964. № 6.
- Жоль К.К. Мысль. Слово. Метафора // Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984.
- Иванов Вяч.Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976.
- Ивин А.А. Основания логики оценок. М., 1970.
- Караулов Ю.Н. Между семантикой и гносеологией. М., 1985.
- Кассирер Э. Познание и действительность: Понятие о субстанции и понятие о функции / Пер. с нем. СПб., 1912.
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
- Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978.
- Кожин А.Н. Новые явления в русском языке периода Великой Отечественной войны // ВЯ. 1985. № 6.
- Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
- Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М., 1980.
- Крипке С. Тожество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13: Логика и лингвистика: (Проблемы референции).
- Куниц А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967. Т. 1.
- Левин Ю.И. Структура русской метафоры // Учен. зап. Тартуского ун-та / Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Вып. 181, кн. 2.
- Левин Ю.И. Русская метафора: Синтез, семантика, трансформации // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Кн. 4.
- Ли хачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979.
- Некрасова Е.А. Метафора и ее окружение в контексте художественной речи // Слово в русской советской поэзии. М., 1975.

Павилёнис Р.И. Проблемы смысла: Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Павлович Н.В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

Петров В.В. Семантика научных терминов. Новосибирск, 1982.

Петров В.В. Научные метафоры: природа и механизмы функционирования // Философские основания научной теории. Новосибирск, 1985.

Поппер К. Объективное знание: Эволюционный подход // Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Радченко А.М. Моделирование основных механизмов мозга. Л., 1968.

Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957.

✓ *Ротенберг В.С.* Слово и образ: проблемы контекста // Вопр. филос. 1980. № 4.

• *Серебренников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983.

• *Степанов Г.В.* Заметки об образном строе лирики А.С.Пушкина // Atti dei convegni Lincei. 38. Colloquio italo-sovietico. Puškin poeta e la sua arte. Roma. Acad. nazionale Lincei. 1978.

Степанов Ю.С. В поисках прагматики: (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4.

Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М., 1981.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Уемов А.И. Аналогия в практике научного исследования. М., 1970.

Уфимцева А.А. Типы языковых знаков. М., 1974.

Храпченко М.Б. Собр. соч. М., 1984. Т. 4: Художественное творчество, действительность, человек.

Целищев В.В. Понятие объекта в модальной логике. Новосибирск, 1978.

Чейф У.Л. Значение и структура языка / Пер. с англ. М., 1975.

Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: (Учебное пособие по спецкурсу). Волгоград, 1983.

Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // ВЯ. 1984. № 6.

• *Швейцер А.Д.* Некоторые аспекты проблемы "язык и культура" в освещении зарубежных лингвистов и социологов // Национальный язык и национальная культура. М., 1978.

• *Шмелев Д.Н.* Слово и образ. М., 1964.

• *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык: Лексика. М.: Просвещение, 1977.

• *Шпет Г.* Эстетические фрагменты: В 3 т. Пб., 1922. Т. 1.

• *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Язык, система и речевая деятельность. Л., 1974.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм "за" и "против" / Пер. с англ. М., 1975.

Black M. Models and metaphors // Studies in language and philosophy. Ithaca; New York, 1962.

Black M. More about metaphor // Metaphor and thought. Cambridge etc., 1979.

Galda L. The development of metaphor // Semiotica. 1984. Vol. 50, 1/2.

Lakoff G. Linguistics and natural logic // Semantics of natural language // Ed. by D. Davidson, G. Harman. Dordrecht, 1972.

Maccormack E. Meaning variance and Metaphor // British Journal for the Philosophy of Science. 1971. Vol. 22.

Maccormack E. Metaphor and myth in science and religion. Durham, 1976.

Metaphor and thought / Ed. by A. Ortony. Cambridge Univ. press, 1979.

Metaphor: Problems and perspectives / Ed. by D.S. Miall. Brighton: Harvester press, 1982.

Quine W. Word and object. Cambridge: MIT press, 1960.

Richards I.A. Philosophy of rhetoric. Oxford, 1936.

Ullmann St. The principles of semantics. Glasgow, 1957.

Wright G.H. von. The varieties of goodness. London, 1963.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

англ. — английский
брет. — бретонский
бур. — бурятский
валл. — валлийский
венг. — венгерский
греч. — греческий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-греч. — древнегреческий
исп. — испанский
коми-зыр. — коми-зырянский
лат. — латинский
манс. — мансийский
мар. — марийский
н.-греч. — новогреческий
нан. — нанайский

нем. — немецкий
нен. — ненецкий
норв. — норвежский
перс. — персидский
рум. — румынский
рус. — русский
саам. — саамский
тат. — татарский
удм. — удмуртский
фин. — финский
фр. — французский
хант. — хантыйский
чув. — чувашский
швед. — шведский
эрзя-мрд. — эрзя-мордовский
эст. — эстонский

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Картина мира в жизнедеятельности человека	8
Введение	8
Краткие замечания об истории "картины мира"	12
Картина мира – базисное понятие теории человека	18
Формы существования картины мира как базисного элемента мировидения человека	21
Функциональное предназначение картин мира в жизнедеятельности человека	25
Картина мира и картины мира	29
Классификация картин мира	29
Невозможность сведения картин мира к их редуцированным вариантам	35
Атрибутивные характеристики картины мира	44
Картина мира в процессуально-динамическом представлении	56
Картина мира в субстанциональном представлении	60
Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом?	70
Как происходит отражение картины мира в языке?	87
Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира	108
Первичное знакообразование	115
Интегральные признаки лексики	117
Дифференциальные признаки лексики	135
Роль словообразования в формировании языковой картины мира	141
Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира	173
Метафора как модель и ее смысловые механизмы	180
Номинативно-функциональные типы метафор и их роль в языковой картине мира	190
Литература	205
Принятые сокращения названий языков	214

Научное издание

**Серебренников Борис Александрович
Кубрякова Елена Самойловна
Постовалова Валентина Ильинична
Телия Вероника Николаевна
Уфимцева Анна Анфилофьевна**

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ЯЗЫКЕ

Язык и картина мира

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства *В.С. Матюхина*
Художник *О.В. Некрасова*
Художественный редактор *Н.Н. Власик*
Технический редактор *М.К. Серегина*
Корректор *Н.И. Харламова*

**Набор выполнен в издательстве
на наборно-печатающих автоматах**

ИБ № 35871

Подписано к печати 22.12.87
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная
Усл.печ.л. 13,5. Усл.кр.-отт. 13,9. Уч.-изд.л. 17,1
Тираж 4200 экз. Тип. зак. 2243. Цена 1 р. 90 к.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12